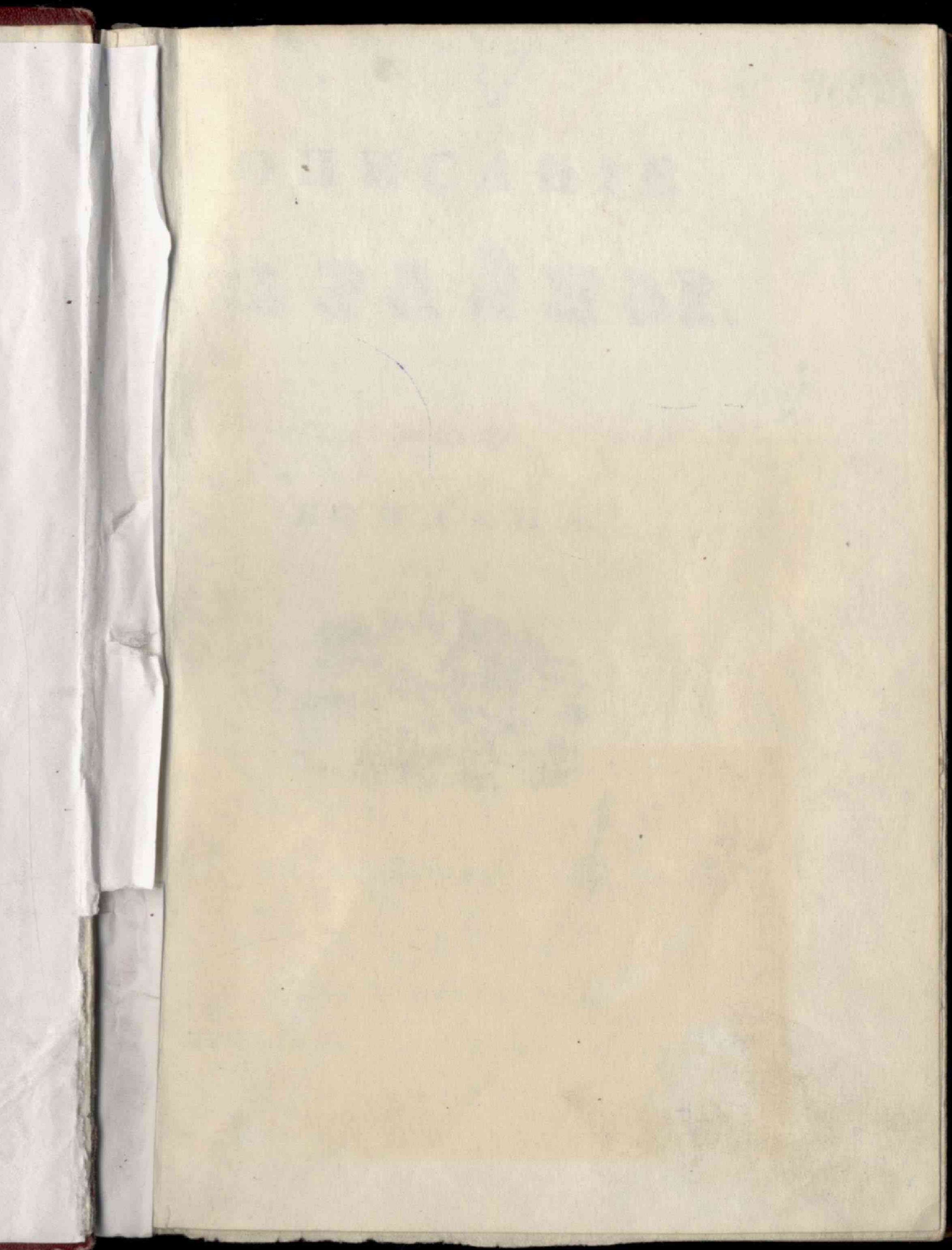
БОПЛАН

Описание Украйны

6/VII 98 - im						26.05.16				
29/IX 98						22.05.17				
						8.12.18 - im				
23/III 2000										
21/XII 2000										
23/I 2002										
16/XII 02										
29/VII 03 im										
7.12.12										
19.12.14										
27/II 2015										

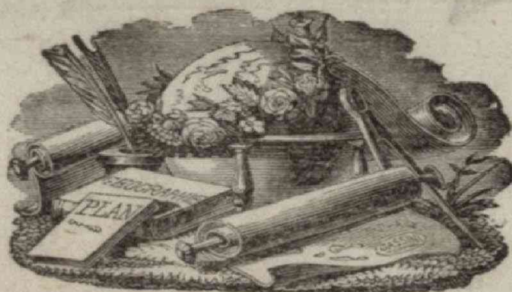
В ъ

ОПИСАНІЕ

УКРАЙНЫ.

Сочиненіе

БОПЛАНА.

Переводъ съ Французскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Карла Крайя.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цен ный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 27 Окт 1831 года.

Ценсоръ Василій Семенов

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ПЕТРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ

ВАРЕНЦОВУ,

Господину Начальнику Штаба Корпуса Путей Сообщенія, Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія Генералъ Маіору и орденовъ Св. Анны 1 и 4 ст. и Св. Владиміра 3 ст. Кавалеру.

Съ глубочайшею признательностію посвящаетъ

Переводчикъ.

Записк
гда лю
ютъ на
или вѣ
вовъ
ненное
дробно
коихъ
срывая
менипп
опкры
спо из
ныхъ,
переда
менник
слены

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Записки современниковъ — очевидцевъ всегда любопытны для потомства: однѣ плѣняютъ насъ очаровательною прелестью разсказа или вѣрнымъ и точнымъ изображеніемъ нравовъ и обычаевъ; другія заключаютъ неоцѣненное сокровище для Историка, описывая подробности многихъ важныхъ происшествій, о коихъ лѣтописцы только слегка упоминаютъ, срывая покровъ съ частной жизни людей знаменитыхъ, указывая ихъ намѣренія и планы, открывая тайныя причины ихъ дѣйствій. Часто изъ подробностей, по видимому маловажныхъ, укрывшихся отъ взора лѣтописца, но переданныхъ потомству въ запискахъ современниковъ, Историкъ выводитъ глубокомысленныя заключенія о дѣйствіяхъ лицъ, отъ

коихъ зависѣла судьба Царствъ и Народовъ. — Если же въ сихъ запискахъ мы находимъ предметы родные себѣ, достоинство ихъ еще болѣе увеличивается: вотъ мысль, побудившая меня перевести на Русскій языкъ Боплапово Описаніе Украйны.

Украйна, родная намъ и по вѣрѣ, и по языку, и по происхожденію ея обитателей, отторгнута была Литовцами отъ Россіи въ бѣдственныя времена Татарскаго владычества, и вмѣстѣ съ Литвою въ XIV столѣтіи досталась Польшѣ. Съ сего времени многіе Россіяне, нетерпѣвшіе владычества Поляковъ, соединились на берегахъ Днѣпра, въ южныхъ степяхъ Украйны, опустошенныхъ Татарами, построили селенія, крѣпости — и подъ именемъ Казаковъ съ XVI вѣка прославились въ Исторіи удальствомъ рѣдкимъ, неимовѣрнымъ. Рожденные для войны, съ молокомъ матернимъ всасывая страсть къ битвамъ, ненависть къ Музульманамъ, они долго служили стражами Литовскимъ и Польскимъ владѣніямъ противъ Татаръ и Турковъ, ежегодно выплывали на Черное море, производили отважные поиски въ Крыму, въ Малой Азіи, даже въ окрестно-

стяхъ Константинополя. Воинственная жизнь, зависимость отъ Поляковъ, безпрерывныя связи съ Татарами измѣнили ихъ обычаи, самый языкъ, но вѣра и любовь къ Отечеству всегда напоминали имъ, что они — сыны Россіи. Такъ еще въ первую, счастливую эпоху царствованія Іоанна Грознаго, любимый вождь ихъ, Князь Дмитрій Вишневецкій, пылая ревностью служить подъ знаменами древняго своего Отечества, предлагалъ Іоанну всѣ южныя Днѣпровскія области. Обстоятельства не дозволили привесть въ исполненіе сію великую мысль, и Казаки Украинскіе въ смуты Самозванцевъ явились, если не врагами Россіи, по крайней мѣрѣ своевольными хищниками: эту вину они загладили, избавивъ въ половинѣ XVII вѣка Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвративъ Отечеству древнее достояніе онаго. Никогда Исторія Малороссіи не была такъ любопытна, какъ въ первой половинѣ XVII вѣка, когда Богданъ Хмѣльницкій готовился ударить челомъ Русскому Государю: въ это время Казаки явили доблести Героевъ. Каждый изъ насъ вѣроятно желаетъ видѣть ихъ тогдашнее житье-бытье, ихъ воинствен-

ные походы, ихъ нравы и обычаи: сію услугу оказалъ потомству Французскій Инженеръ Бопланъ своимъ сочиненіемъ: Description d'Ukranie, qvi sont plvsievrs Prouinces du Royaume de Pologne. Contenvës depvis les confins de la Moscouie, iusques aux limites de la Transilvanie. Ensemble levrs mœvrs, façons de viures, & de faire la Guerre. Par le Sieur de Beavplan. A Roüen, Chez Jacqves Cailloüé, dans la Cour du Palais. M. DC. LX. *)

Авторъ служилъ Королямъ Польскимъ Сигизмунду III и Владиславу IV, въ званіи Старшаго Капитана Артиллеріи и Королевскаго Инженера, провелъ около 17 лѣтъ въ Украйнѣ, зналъ безъ сомнѣнія языки Польскій и Малороссійскій, осмотрѣлъ Днѣпръ отъ Кіева до нынѣшняго Александровска, переѣзжалъ степи Украинскія подъ прикрытіемъ нѣсколь-

---

*) Первое изданіе вышло въ 1650 году, второе въ 1660. Теперь почти невозможно достать ни перваго, ни втораго: сочиненія Боплана нѣтъ даже въ Румянцовскомъ Музеумѣ, столь богатомъ многими рѣдкими памятниками для Русской Исторіи. Переводчикъ пользовался вторымъ изданіемъ Описанія Украйны по благосклонности Его Высокопревосходительства Алексѣя Николаевича Оленина.

кихъ Казаковъ, въ виду хищныхъ Татаръ, былъ свидѣтелемъ опустошительныхъ набѣговъ Крымцевъ и Буджаковъ на пограничныя области Польскія, слышалъ разсказы Казаковъ о ихъ морскихъ походахъ, о буряхъ, разбивавшихъ Казацкіе челны, о гибельныхъ встрѣчахъ съ Турецкимъ флотомъ, объ истребленіи Мало-Азійскихъ городовъ, и возвратясь во Францію, по смерти Владислава IV, издалъ свое Описаніе Украйны, съ топографическою картою, надъ которою онъ трудился болѣе 8 лѣтъ и составилъ ее по собственнымъ измѣреніямъ. Бопланъ не писалъ Исторіи своего времени и къ сожалѣнію только мимоходомъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ происшествіяхъ кровавой войны Казаковъ съ Поляками. При всемъ томъ его сочиненіе драгоцѣнно для Отечественной Исторіи; кромѣ извѣстій о Казакахъ, оно представляетъ намъ вѣрную картину опустошительныхъ вторженій Крымцевъ, столь долго терзавшихъ южныя области Россіи; объясняетъ, какимъ образомъ сіи варвары, почти вслѣдъ за гонцами, приносившими вѣсть о появленіи ихъ на границѣ, могли проникать при Василіи Іоанновичѣ, Іоаннѣ Грозномъ и Ѳеодорѣ Іо-

анновичѣ до самой Москвы, и прежде, нежели Цари успѣвали собрать войско для ихъ отраженія, скрывались въ степяхъ, уводя въ неволю тысячи несчастныхъ жителей и оставляя позади себя только пепелъ опустошенія. Наконецъ Бопланъ описываетъ анархію Польши и своевольство Магнатовъ, которые, по выраженію безпристрастнаго писателя, издавали законы для того, что бы ихъ не исполнять и возводили на тронъ Королей для того, чтобы имъ не повиноваться *). Читая извѣстія Боплана о выборахъ Польскихъ Королей, о правахъ Дворянъ, о безпримѣрныхъ въ Исторіи неустройствахъ, нельзя не подивиться, какъ могло существовать *такое* Королевство нѣсколько вѣковъ. Одинъ только недостатокъ, свойственный впрочемъ всѣмъ сочинителямъ современныхъ записокъ, можетъ уменьшить цѣну Бопланова сочиненія, — слѣпая привязанность къ той партіи, которой онъ служилъ, т. е. къ Полякамъ. Выставляя пороки Казаковъ, онъ разсказываетъ съ явнымъ пристрастіемъ о мнимыхъ добродѣтеляхъ Польскихъ Пановъ. Бопланъ могъ

---

*) Solignac, Histoire générale de la Pologne.

бы замѣтить не одну неумѣренность на пиршествахъ тамъ, гдѣ не было суда, гдѣ сильный притѣснялъ слабаго, сабля рѣшала частные споры и золото рѣшало избраніе Королей; онъ могъ бы описать гибельныя слѣдствія партій, раздиравшихъ Польшу, корыстолюбіе и безумное своевольство Вельможъ, въ которомъ обвинялъ ихъ на смертномъ одрѣ Герой Собіескій.

Русскій переводчикъ Бопланова сочиненія старался вѣрно, безъ малѣйшаго измѣненія, передать его мысли, и сохранить простоту слога, отличающую подлинникъ; успѣлъ ли онъ въ семъ — предоставляетъ судить просвѣщеннымъ соотечественникамъ.

Ѳ. У.

С. Петербургъ,
11 Августа 1831.

У

Облас

меж

извѣсп

ОПИСАНІЕ
УКРАЙНЫ,

или

Областей Королевства Польскаго, лежащихъ между предѣлами Московіи и Трансильваніи,

съ присовокупленіемъ

извѣстій о правахъ, обычаяхъ и военномъ искусствѣ Украинцевъ.

сочиненіе

БОПЛАНА.

М
карпа
жимъ
вѣрны
изобра
рипь
въ сп
женіе
ными
време
нужде
на усо
И
плодо
кабин
копор
гдѣ г
плана
мнѣ в
бопы

ОТЪ АВТОРА.

Милостивые Государи! Издаваемая мною карта составлена не по разсказамъ или чужимъ чертежамъ, но по собственнымъ моимъ вѣрнымъ измѣреніямъ тѣхъ мѣстъ, которыя изображены на оной; это должно удостовѣрить васъ какъ въ точности карты, такъ и въ справедливости словъ моихъ. Въ продолженіе войнъ Украинскихъ я занятъ былъ важными порученіями, имѣлъ не много свободнаго времени, работалъ урывками и потому принужденъ былъ употребить болѣе осьми лѣтъ на усовершенствованіе моего сочиненія.

И такъ пользуйтесь во время досуговъ плодомъ трудовъ моихъ, обозрѣвая изъ вашихъ кабинетовъ сію прекрасную и рѣдкую землю, которая большею частью населена при мнѣ, гдѣ города и крѣпости основаны по моимъ планамъ, — пользуйтесь и не забудьте, что мнѣ вы обязаны удовлетвореніемъ вашего любопытства.

ОТЪ КНИГОПРОДАВЦА.

За десять лѣтъ предъ симъ Авторъ сего сочиненія поручилъ мнѣ напечатать сотню экземпляровъ онаго единственно для друзей. Многіе читали книгу его съ удовольствіемъ, отзывались о ней съ похвалою, какъ о сочиненіи, заслуживающемъ втораго полнѣйшаго изданія. Удовлетворяя любопытству ихъ и угождая Публикѣ, я рѣшился перепечатать Описаніе Украйны, умноженное и исправленное. Авторъ, по убѣдительной просьбѣ моей, дополнилъ свое сочиненіе нѣкоторыми воспоминаніями; но не могъ къ сожалѣнію сдержать слова, даннаго имъ при первомъ изданіи, — приложить къ оному Генеральную карту Польши: онъ лишился съ смертію гравера Гильома Гондіуса своихъ рисунковъ, изображавшихъ обитателей, животныхъ, растенія и другіе замѣчательные и рѣдкіе предметы Украйны. Король Польскій купилъ сіи рисунки у вдовы Гондіуса; съ того времени они потеряны для Автора, потеряны и для Публики, которая могла бы найти въ нихъ довольно пищи для удовлетворенія просвѣщеннаго любопытства.

НАИЯСНѢЙШЕМУ, ДЕРЖАВНѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ІОАННУ КАЗИМИРУ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

КОРОЛЮ ПОЛЬСКОМУ,

Великому Князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Мазовецкому, Самогитскому, Лифляндскому и проч. Наслѣдному Королю Шведскому и Вандальскому.

ГОСУДАРЬ!

Великое пространство, отдѣляющее меня отъ Королевства Польскаго, не препятствуетъ повергнуть къ стопамъ Вашимъ плоды моихъ трудовъ. Давно уже я оставилъ Польшу, но время не ослабило моей ревности къ службѣ Вашего Величества; я не покидаю пера своего въ надеждѣ, что произведенія онаго могутъ принести удовольствіе Вашему уму и полезное развлеченіе Вашимъ взорамъ. Для удостовѣренія въ семъ не одними пустыми словами, а самымъ дѣломъ, я осмѣливаюсь въ глубочайшемъ благоговѣніи всепокорнѣйше представить

Вамъ, Августѣйшій Монархъ, Описаніе Украйны, пограничной области Королевства Польскаго, находящейся между Московіею и Трансильваніею. Сія страна, присоединенная къ Польшѣ не болѣе, какъ за 50 лѣтъ предъ симъ, Вашими предшественниками, представляетъ цвѣтущія поля тамъ, гдѣ были необозримыя степи.

Это новое Королевство увеличено еще болѣе храбростью и благоразуміемъ Кастеляна Краковскаго и Генералиссимуса, великаго, несравненнаго Конецпольскаго [1]), который съ мужествомъ героя, соединялъ такое благоразуміе, что никогда не оставлялъ поля самыхъ опасныхъ битвъ, не одержавъ побѣды. Говорю какъ очевидецъ: я былъ свидѣтелемъ дѣяній Конецпольскаго въ продолженіе 17 лѣтъ, посвященныхъ много на службу двумъ послѣднимъ Монархамъ, Родителю и Брату Вашего Величества. Въ это время я положилъ основаніе болѣе, нежели 50 обширнымъ слободамъ, или колоніямъ, изъ коихъ съ увеличеніемъ народонаселенія чрезъ нѣсколько лѣтъ составилось до 1000 деревень. Поселенцы, усердно преданные Вашему Королевству, распространивъ далеко предѣлы своихъ земель, такъ неутомимо воздѣлывали пустыни, что онѣ обратились въ

поля, удивительно плодородныя, и теперь доставляютъ главный доходъ Вашему Королевству [2]). Кромѣ того новопріобрѣтенная Украйна служитъ для Польши непреодолимымъ оплотомъ противъ могущества Турковъ и частыхъ, опустошительныхъ набѣговъ Татаръ. Теперь Музульмане съ удивленіемъ встрѣтятъ стыдъ и гибель тамъ, гдѣ находили прежде открытую дорогу для своихъ завоеваній.

Однимъ взглядомъ на Топографическую карту Ваше Величество можетъ обозрѣть всю обширную Украйну. Судите, Государь, по положенію сей земли (коею владѣть не менѣе славно, какъ и полезно) о ея важности, и слѣдуя правиламъ здравой политики, распространяйте болѣе и болѣе предѣлы оной. Украйна со временемъ украситъ новымъ перломъ Вашу драгоцѣнную Королевскую корону. — Я могъ бы подробнѣе изложить предметъ сей, если бы не опасался, что враги воспользуются ко вреду Вашему выгодными для нихъ по мнѣнію моему свѣденіями. И такъ скажу только, что великій мужъ войны и совѣта, непобѣдимый Конецпольскій, одобрялъ ревностные, долговременные труды мои при составленіи прилагаемой при семъ Топографической карты [3]) и по его ходатайству покойный Государь желалъ

осчастливить меня Королевскою наградою; но смерть похитила вмѣстѣ съ Вѣнценосцемъ и мои надежды. Онѣ воскресли при всеобщей молвѣ о наслѣдственной благосклонности Вашего Величества къ людямъ заслуженнымъ, о щедрой признательности къ дѣламъ полезнымъ. Смѣю надѣятся, что Вы, Государь, владѣя древнею Польшею и обширною Украйною, въ пріобрѣтеніи коей и я не мало участвовалъ, исполните волю Августѣйшаго Брата Своего, вознаградите труды мои и благосклонно примите приношеніе воина, который дышитъ только честью служить Вашему Величеству и до гроба именоваться,

ГОСУДАРЬ!

Вашего Величества

всенижайшимъ, покорнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугою.

Гильомъ де Вассёръ де Бопланъ.

ОПИСАНІЕ

УКРАЙНЫ.

Кіевъ, называвшійся прежде Кизовіею, есть одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европейскихъ: это доказываютъ и слѣды прежнихъ окоповъ его, и развалины церквей, и древнія гробницы Государей [4]). Изъ старинныхъ храмовъ донынѣ уцѣлѣли только два, — въ воспоминаніе временъ минувшихъ, — Софійскій и Михайловскій; отъ прочихъ же остались однѣ развалины, изъ коихъ замѣчательны полуразрушенныя стѣны храма Св. Василія, вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя Греческими надписями; сіи надписи вырѣзаны болѣе, нежели за 1400 лѣтъ предъ симъ на алебастрѣ, но время почти совершенно ихъ сгладило [5]). Въ развалинахъ открываютъ гробницы многихъ Русскихъ Князей.

Храмы Софійскій и Михайловскій перестро-

ены по древнему образцу. Видъ перваго прекрасенъ, съ которой стороны на него ни посмотришь; стѣны его украшены мозаическими изображеніями и картинами, составленными изъ разноцвѣтныхъ, блестящихъ подобно стеклу камешковъ, столь искусно подобранныхъ, что сіи картины трудно отличить отъ живописныхъ или отъ обоевъ [6]); сводъ выведенъ изъ глиняныхъ горшковъ, наполненныхъ и оштукатуренныхъ гипсомъ [7]). Въ этомъ храмѣ находятся памятники многимъ Государямъ; при немъ живетъ Архимандритъ. Храмъ Св. Михаила называется также Златоверхо-михайловскимъ, потому что покрытъ вызолоченною жестью; здѣсь показываютъ мощи Великомученицы Варвары, принесенныя, какъ говорятъ, во время войнъ Никомидійскихъ.

Древній Кіевъ построенъ на горѣ, которая съ одной стороны возвышается надъ окрестными полями, а съ другой омывается Борисѳеномъ, текущимъ при подошвѣ ея. Между горою и Днѣпромъ лежитъ новый Кіевъ, — городъ малолюдный, заключающій въ себѣ отъ 5 до 6000 жителей. Онъ имѣетъ въ длину, по теченію Борисѳена 4000, а въ ширину, между рѣкою и горою, 3000 шаговъ; обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями и окопанъ ничтожнымъ рвомъ въ 25 футовъ шириною; видомъ похожъ на треугольникъ. Замокъ

новаго Кіева лежитъ на вершинѣ горы и повелѣваетъ нижнимъ городомъ; но старый Кіевъ повелѣваетъ и самымъ за̀мкомъ.

Католики имѣютъ въ семъ городѣ четыре храма: Каѳедральный, Доминиканскій на рынкѣ, Бернардинскій подъ горою и съ недавняго времени Іезуитскій: отцы Іезуиты поселились между Днѣпромъ и Бернардинами. Жители Греко-россійскаго исповѣданія владѣютъ десятью храмами, которые называются *церквами*. Одинъ изъ нихъ съ Университетомъ или Академіею, извѣстный подъ именемъ Братской Церкви [8]), лежитъ близъ Ратуши; другой построенъ подъ за̀мкомъ — если не ошибаюсь — во имя Св. Николая; остальные разсѣяны по всему городу: названій ихъ не помню.

Всѣ улицы Кіевскія, исключая трехъ довольно красивыхъ, суть ни что иное, какъ неправильные, кривые переулки, образующіе родъ лабиринѳа. Городъ раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ одна называется Епископскимъ городомъ: въ ней находится Каѳедральный храмъ; а другая, заключающая въ себѣ Католическія и Греческія церкви, — Мѣщанскимъ. Жители производятъ довольно значительный для Украйны торгъ хлѣбомъ, мѣхами, воскомъ, медомъ, саломъ, соленою рыбою и проч; имѣютъ Епископа, Воеводу, Кастеляна, Старосту и Грода; четыре суда: Епископскій, Воеводскій

или Старостинскій (что одно и тоже), Войтскій и Ратманскій.

Домы выстроены по Московскому образцу, рядомъ, довольно низко и обыкновенно въ одинъ ярусъ. Вмѣсто свѣчъ, Кіевляне жгутъ лучину, которая такъ дешева, что за одинъ дубль [9]) можно купить оной болѣе, нежели сколько нужно для освѣщенія длинныхъ зимнихъ ночей. Приготовленіе пищи, свадебные и другіе обряды, которые мы опишемъ послѣ, покажутся для насъ столь же смѣшными, какъ и продажа печныхъ трубъ на рынкѣ. Но здѣсь получили начало свое мужественные витязи, Казаки Запорожскіе, давно уже разселившіеся по Днѣпру и въ окрестностяхъ онаго; теперь насчитываютъ до 120,000 Казаковъ, закаленныхъ въ битвахъ и всегда готовыхъ по первому приказанію, чрезъ недѣлю, выступить въ поле, на службу Королевскую. Это тѣ самые Казаки, которые почти ежегодно на челнахъ своихъ разгуливаютъ по Эвксинскому Понту для нанесенія ударовъ Туркамъ; неоднократно они грабили владѣнія Крымскаго Хана, опустошали Натолію, разорили Требизондъ, доплывали до Босфора и даже въ трехъ миляхъ отъ Константинополя предавали все огню и мечу [10]). Казаки возвращаются на родину съ богатою добычею и не многими плѣнниками, по большей части дѣтьми, кото-

рыхъ употребляютъ въ услуженіе, или дарятъ Польскимъ Магнатамъ. Взрослыхъ же Турковъ въ плѣнъ не берутъ, развѣ надѣются получить за нихъ дорогой окупъ [11]). Число Казаковъ, предпринимающихъ таковые набѣги, не превышаетъ 6 или 10,000; не льзя надивиться, съ какою смѣлостію они переплываютъ море на изготовленныхъ ими же утлыхъ челнахъ, видъ и построеніе коихъ я опишу въ другомъ мѣстѣ.

Упомянувъ о удальствѣ Казаковъ, не безполезнымъ считаю описать ихъ нравы и обычаи. Въ странѣ Запорожской вы найдете людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія: плотниковъ для постройки домовъ и лодокъ, телѣжниковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, портныхъ и т. д. Казаки весьма искусны въ добываніи селитры, которою изобилуетъ Украйна, и въ приготовленіи пушечнаго пороха. Женщины прядутъ ленъ и волну, ткутъ для своего употребленія полотна и сукна. Всѣ Казаки умѣютъ пахать, сѣять, жать, косить, печь хлѣбы, приготовлять яства, варить пиво, медъ и брагу, гнать водку и проч; всѣ также безъ различія пола, возраста и состоянія, стараются превзойти другъ друга въ пьянствѣ и бражничествѣ, и едва ли найдутся во всей Христіанской Европѣ такія беззаботныя головы, какъ Казац-

кія. Впрочемъ справедливо и то, что они вообще способны ко всѣмъ искусствамъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ опытнѣе въ одномъ, чѣмъ въ другомъ. Встрѣчаются также между ими люди съ познаніями высшими, нежели какихъ можно было бы ожидать отъ простолюдиновъ. Однимъ словомъ, Казаки имѣютъ довольно ума, но заботятся только о полезномъ и необходимомъ, особенно о такихъ вещахъ, которыя нужны для сельскаго хозяйства.

Плодородная земля доставляетъ имъ хлѣбъ въ такомъ изобиліи, что они часто не знаютъ куда дѣвать оный [12]): ибо кромѣ Днѣпра, ни одна изъ судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по Украйнѣ, не впадаетъ въ морѣ; самый Днѣпръ на 50 миль отъ Кіева [13]) загражденъ тринадцатью порогами, изъ коихъ нижній отъ верхняго отстоитъ на 7 добрыхъ миль, или на одинъ день пути, какъ видно изъ приложенной карты. Это препятствіе, останавливая вывозъ хлѣба въ Константинополь, есть главная причина Казацкой лѣности, такъ что одна крайность можетъ заставить Казака трудиться, и то тогда, когда нѣтъ денегъ. Впрочемъ онъ охотнѣе займетъ все для себя нужное у добрыхъ сосѣдей своихъ Турковъ, нежели позаботится о снисканіи потомъ необходимаго. Притомъ же онъ доволенъ и тѣмъ, когда имѣетъ насущный хлѣбъ [14]).

Вѣру Казаки исповѣдуютъ Греческую, называя ее Русскою. Бывъ увѣрены, что отъ соблюденія праздниковъ и постовъ зависитъ блаженство будущей жизни, они строго наблюдаютъ ихъ, воздерживаясь во время поста, то есть около 8 или 9 мѣсяцевъ въ году, отъ употребленія мяса. Но за это постничество, они вознаграждаютъ себя вдоволь напитками, и я увѣренъ, что нѣтъ въ свѣтѣ народа, который могъ бы сравниться съ Казаками въ пьянствѣ: не успѣютъ проспаться, и вновь уже напиваются. Я разумѣю досужее время: ибо отправляясь въ походъ, или задумывая о какомъ либо предпріятіи, они необыкновенно воздержны; тогда, кромѣ одежды, не льзя замѣтить въ Казакѣ ничего грубаго [15]). Соединяя съ умомъ хитрымъ и острымъ, щедрость и безкорыстіе, Казаки страстно любятъ свободу; смерть предпочитаютъ рабству, и для защищенія независимости, часто возстаютъ противъ притѣснителей своихъ — Поляковъ: въ Украйнѣ не проходитъ семи или осьми лѣтъ безъ бунта. Впрочемъ коварны и вѣроломны, а потому осторожность съ ними необходима; тѣлосложенія крѣпкаго, легко переносятъ холодъ и голодъ, зной и жажду; въ войнѣ неутомимы, отважны, храбры или лучше сказать дерзки, и мало дорожатъ своею жизнію [16]). Мѣтко стрѣляя изъ пищалей, обы-

кновеннаго своего оружія, Казаки наиболѣе показываютъ храбрость и проворство въ *таборѣ*, огороженные телѣгами, или при оборонѣ крѣпостей. Не льзя сказать, чтобъ были плохи и на морѣ; но не таковы на коняхъ: я самъ видѣлъ, какъ 200 Польскихъ всадниковъ разсѣяли 2000 отборныхъ Казаковъ. Правда, что сотня ихъ въ таборѣ, не побоится ни тысячи Ляховъ, ни нѣсколькихъ тысячъ Татаръ. Если бы конные Казаки имѣли такое же мужество, какъ пѣшіе, то были бы, по мнѣнію моему, непобѣдимы. Одаренные отъ природы силою и ростомъ виднымъ, они любятъ пощеголять, но только тогда, когда возвращаются съ добычею, отнятою у враговъ; обыкновенно же носятъ одежду простую. Пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, Казаки почти не знаютъ весьма обыкновенной въ Польшѣ болѣзни, называемой *колтуномъ* (отъ того, что у больныхъ волосы свалиᴨваются въ клочки: Казаки называютъ оную goschés [17]). Немногіе изъ нихъ умираютъ на постели, и то въ глубокой старости: большая часть оставляетъ свои головы на полѣ чести [18]).

Русское Дворянство, которое впрочемъ въ Украйнѣ не многочисленно, походитъ на Польское и стыдится по видимому исповѣдывать иную вѣру, кромѣ Католической, которая ежедневно обрѣтаетъ въ немъ новыхъ привер-

женцевъ, не смотря на то, что всѣ вельможи и князья ведутъ родъ свой отъ Русскихъ.

Крестьяне находятся въ жалкомъ положеніи: они принуждены три дня въ недѣлю ходить на барщину, и за землю, смотря по величинѣ участка, давать господину нѣсколько четвериковъ хлѣба, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, цыплятъ и гусей. Оброкъ сей сбирается около Пасхи, Духова дня и Рождества. Сверхъ того они возятъ дрова на господскій дворъ и исполняютъ тысячи другихъ изнурительныхъ и несправедливыхъ требованій, не говоря уже о денежномъ оброкѣ, о десятинѣ съ овецъ, свиней, меду и со всѣхъ плодовъ; по прошествіи же трехлѣтія, они отдаютъ третьяго вола. Однимъ словомъ все, что только ни понравится господамъ ихъ, крестьяне принуждены уступать; а потому и не удивительно, если сіи несчастные не имѣютъ у себя, какъ говорится, ни кола, ни двора. Но это еще не все: помѣщики, отнимая имѣніе у крестьянъ, располагаютъ произвольно и жизнію ихъ. Такъ неограниченны вольности Польскаго Дворянства! Оно блаженствуетъ, какъ будто бы въ раю, а крестьяне мучатся, какъ въ чистилищѣ. Если же Судьба пошлетъ имъ злаго господина, то участь ихъ тягостнѣе галерной неволи [19]). Многіе отъ рабства спасаются бѣгствомъ;

смѣлѣйшіе уходятъ въ Запорожье — главный притинъ Казаковъ на Днѣпрѣ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени и совершивъ одинъ морской походъ, бѣглые крестьяне принимаются въ Казацкіе круги, и такимъ образомъ увеличиваютъ легіоны ихъ до безконечности. Это подтверждается послѣднимъ возстаніемъ: около 200,000 Казаковъ, послѣ разбитія Ляховъ, стали подъ знамя бунта и въ одинъ походъ завладѣли областію на 120 миль въ длину и на 60 миль въ ширину.

Я забылъ упомянуть, что въ мирное время охота и рыбная ловля составляютъ главное занятіе Казаковъ. Вотъ все, что можемъ сказать о ихъ нравахъ и образѣ жизни.

Возвратимся къ описанію Украйны. Нѣкоторые ученые думаютъ, основываясь на доказательствахъ, смѣю сказать неоспоримыхъ, что въ древнія времена, когда старый Кіевъ былъ въ полномъ блескѣ, Черное море не имѣло истока чрезъ проливъ Константинопольскій и равнины между Днѣпромъ и Московіею были покрыты водою. Якори и другія вещи, открытыя за нѣсколько лѣтъ на берегахъ Сулы, близъ Локвицы, подтверждаютъ сію догадку. Притомъ же города, разсѣянные по равнинамъ, едва ли старѣе нѣсколькихъ вѣковъ. Любопытствуя узнать что нибудь о старинѣ отдаленной, я желалъ порыться въ Русскихъ

лѣтописяхъ, но тщетно: сколько ни распрашивалъ я ученѣйшихъ Украйнцевъ, узналъ только то, что безпрерывныя войны, опустошая Украйну, не пощадили книгохранилищъ и предали ихъ въ жертву пламени; но что по древнему преданію, Украинскія равнины были покрыты морскою водою; что въ такомъ состояніи онѣ могли находиться за 2000 лѣтъ и что древній Кіевъ, за 9 вѣковъ до нашего времени, былъ совершенно разрушенъ, исключая двухъ храмовъ, нами описанныхъ [20]. Можно присовокупить къ сему и то, что всѣ безъ исключенія развалины древнихъ замковъ и укрѣпленій Украинскихъ лежатъ на горахъ и мѣстахъ возвышенныхъ. Это также заставляетъ думать, что мѣста ровныя были покрыты водою. Присоедините къ тому еще мѣдныя монеты, найденныя въ погребахъ разрушенныхъ замковъ [21]. Какъ бы то ни было, но равнина между Борисѳеномъ и Московіею, за исключеніемъ сѣвернаго берега Сулы, Ворсклы и Псіола, имѣетъ почву низменную и песчаную (это яснѣе видно на приложенной картѣ); рѣки по оной текутъ медленно, едва замѣтно. Если вспомните при семъ быстрое стремленіе моря Чернаго въ Бѣлое, чрезъ проливъ Константинопольскій, вы убѣдитесь, что Украинскія равнины были нѣкогда покрыты водою [22].

Но возвратимся къ описанію нашего Борисөена и скажемъ, что на милю выше Кіева, съ лѣвой стороны, впадаетъ въ него Десна, источники коей находятся близъ Москвы, во 100 миляхъ отъ устья.

На полмилю ниже Кіева, лежитъ селеніе Печеры съ большимъ монастыремъ, въ коемъ обыкновенно живетъ Митрополитъ или Патріархъ. Близъ монастыря, подъ горою, находятся пещеры, родъ подкоповъ, въ которыхъ около 1500 лѣтъ [23]) покоятся мощи Святыхъ. Увѣряютъ, что первые Христіанскіе отшельники, избѣгая гоненія язычниковъ, вырыли сіи подземелья для служенія втайнѣ Спасителю. Тамъ показываютъ мощи Св. Іоанна, которыя по поясъ находятся въ землѣ. Монахи разсказывали мнѣ, что Св. Іоаннъ, предчувствуя кончину свою, вырылъ для себя глубокую могилу: приготовясь къ смерти и простясь съ братіею, по наступленіи смертнаго часа, онъ опустился въ нее, но по милосердію Всевышняго не болѣе, какъ по поясъ, хотя могила была и глубже. Въ пещерахъ почиваютъ мощи Св. Елены, особенно уважаемые. Тамъ показываютъ цѣпь, которою, по увѣренію отшельниковъ, діаволъ билъ Св. Антонія: она имѣетъ силу изгонять злыхъ духовъ изъ бѣснующихся. Три мѵроточивыя главы заключаются въ чашахъ: изходящее изъ нихъ

муро изцѣляетъ отъ многихъ болѣзней. Сверхъ сего въ пещерахъ почиваютъ мощи другихъ замѣчательныхъ лицъ, въ томъ числѣ и 12 каменщиковъ, построившихъ церковь: всѣ онѣ хранятся, какъ драгоцѣнная Святыня, и показываются любопытнымъ. Находясь однажды въ Кіевѣ на зимнихъ квартирахъ, я имѣлъ досугъ осмотрѣть пещеры и узнать описанныя мною подробности [24]). Въ Печерскомъ монастырѣ, какъ я уже сказалъ, живетъ Патріархъ всея Россіи [25]), который зависитъ отъ Патріарха Константинопольскаго; монашествующіе сей обители многочисленны. Противъ оной находится монастырь женскій: монахини, числомъ до ста, занимаются вышиваніемъ и продаютъ посѣщающимъ обитель свою искусную работу. Онѣ пользуются свободою выходить изъ монастыря, когда имъ угодно; прогуливаются обыкновенно въ Кіевѣ, отстоящемъ не далѣе полмили; носятъ платье черное и подобно Католическимъ монахамъ, ходятъ попарно. Мнѣ помнится, что я видѣлъ нѣкоторыхъ монахинь столь прелестныхъ, что и въ Польшѣ встрѣчалъ не много подобныхъ красавицъ.

Между Кіевомъ и Печерами, на горѣ, омываемой Днѣпромъ, лежитъ монастырь Николаевскій. Монахи употребляютъ въ пищу только рыбу; впрочемъ имѣютъ право выхо-

дить изъ обители для прогулки и посѣщенія знакомыхъ. Ниже Печеръ находится городокъ Триполь.

Далѣе надъ Днѣпромъ, стоитъ древній городъ Стайки, построенный на вершинѣ горы; на рѣкѣ есть паромъ для перевоза. Ниже, также на горѣ, лежитъ городъ Ржищевъ [26]); укрѣпить его необходимо потому, что здѣсь переправа чрѣзъ Днѣпръ весьма удобна.

За Ржищевымъ, среди неприступныхъ скалъ, находится Русскій монастырь Терехъ-Темировъ [27]), въ коемъ хранятъ Казаки свои драгоцѣнности. И здѣсь паромъ для перевоза чрезъ Днѣпръ.

На милю отъ него, на противоположномъ берегѣ Днѣпра, лежитъ Переяславль, заключающій около 6000 домовъ. Сей городъ, судя по низкому его мѣстоположенію, не можетъ быть слишкомъ древенъ [28]); впрочемъ онъ укрѣпленъ самою природою и если бы имѣлъ зàмокъ, то могъ бы служить надежнымъ оплотомъ противъ Казаковъ и Москвитянъ. Въ Переяславлѣ находится Казацкій полкъ.

Ниже Переяславля, на Русской сторонѣ [29]), лежитъ городъ Каневъ, съ весьма древнимъ зàмкомъ; тамъ Казаки имѣютъ постоянный гарнизонъ изъ одного полка. — Есть паромъ для перевоза чрезъ Днѣпръ.

На противоположной сторонѣ, ниже Кане-

ва — Богушкова и Домонтовъ, — городки незначительные.

Далѣе, на Русской сторонѣ, лежатъ Черкасы, весьма древній городъ, имѣющій прелестное мѣстоположеніе. Онъ легко можетъ быть укрѣпленъ. Я видѣлъ Черкасы во всемъ ихъ блескѣ, когда онѣ служили главнымъ оплотомъ для Казаковъ; самъ Гетманъ имѣлъ тамъ свое пребываніе. Но мы сожгли сей городъ 18 Декабря 1637 года, т. е. чрезъ два дни послѣ побѣды, одержанной нами надъ Казаками. Во время войны, стоялъ тамъ одинъ Казацкій полкъ. — Перевозъ чрезъ Днѣпръ.

Ниже, по Днѣпру, находятся Боровицы, Бугинъ, Вороновка, на противоположномъ берегѣ Чигринъ, Дуброва, а при рѣкѣ Тесмини, на милю отъ Днѣпра, Криловъ [30].

Еще ниже, на Московской сторонѣ, лежитъ Кременчугъ съ древними развалинами. Тамъ въ 1635 году, назначено мною построить замокъ. Сей прекрасный и удобный для житья городъ есть послѣдній на Днѣпрѣ: далѣе идутъ необитаемыя степи.

На милю ниже Кременчуга, находится устье Псіола, весьма обильнаго рыбою; ниже его съ Русской стороны впадаетъ рѣчка Омельникъ, въ которой водится множество раковъ; ниже Омельника течетъ Другой Омельникъ, рѣчка также обильная раками. Противъ нея впада-

етъ въ Днѣпръ Ворскла, довольно большая и рыбная рѣка. Но обильнѣе всѣхъ рыбою Орель, текущая въ Днѣпръ съ Московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были око́ко фута величиною.

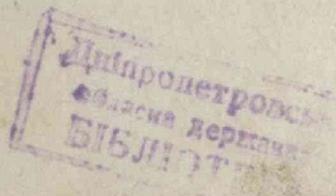
На противоположной Русской сторонѣ находятся многія озера, столь обильныя рыбою, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ и воздухъ, и стоячую воду озеръ. Мѣста сіи называются Замоканомъ. Вокругъ озеръ я замѣтилъ малорослыя вишни въ 2½ фута вышиною, которыя въ началѣ Августа приносятъ довольно сладкіе плоды, величиною съ сливу. По полямъ Замокана, особенно же по лощинамъ, встрѣчаются цѣлые лѣса вишневыхъ деревъ, не большіе, но весьма частые, длиною иногда болѣе полумили, а шириною отъ 200 до 300 шаговъ; лѣтомъ видъ ихъ прелестенъ. Тамъ же растетъ множество дикихъ, малорослыхъ миндальныхъ деревъ, съ горькими плодами; но они не составляютъ лѣсочковъ подобно вишнямъ, коихъ вкусныя плоды не уступаютъ садовымъ. Признаюсь, что подстрекаемый любопытствомъ, я пересадилъ нѣсколько вишневыхъ и миндальныхъ деревъ въ Баръ, обыкновенное мое мѣстопребываніе: они выросли гораздо выше, а плоды

принесли крупнѣе и вкуснѣе. Выше Замокана протекаетъ рѣчка Домоткань, въ которой водится множество большихъ раковъ, въ 9 дюймовъ длиною; попадаются также чилики весьма вкусные, если ихъ сварить.

Слѣдуя далѣе внизъ по Днѣпру, вы встрѣтите большой курганъ Романовъ, на которомъ Казаки держатъ иногда свои рады и собираютъ войско. Сіе мѣсто весьма красиво и удобно для постройки города.

Ниже находится островъ, имѣющій полмили въ длину, 150 шаговъ въ ширину, затопляемый весною водопольемъ. Онъ также называется Романовъ и служитъ пристанищемъ для рыбаковъ, пріѣзжающихъ ватагами изъ Кіева и другихъ мѣстъ. Ниже Романова, Днѣпръ течетъ свободно: тутъ острова его не задерживаютъ, и Татары смѣло переправляются въ семъ мѣстѣ, не опасаясь засадъ, расположенныхъ выше острова.

Далѣе на Русскомъ берегѣ находится Тарентскій Рогъ. Никогда не видалъ я мѣста прекраснѣе для житья и выгоднѣе для построенія крѣпости, которая могла бы обстрѣливать Днѣпръ, свободно здѣсь текущій, шириною не болѣе 200 шаговъ; помнится, что пуля изъ карабина моего долетала до противоположнаго берега, который нѣсколько выше и называется *Soko gura*. Къ удобностямъ Тарентскаго Рога можно при-

соединить еще и то, что онъ окруженъ каналами, наполненными рыбою.

Ниже лежитъ Монастырскій островъ, крутый, высокій, окруженный скалами, возвышающимися на 25 и на 30 футовъ; одна только сѣверная сторона его отложе. Посему островъ сей не потопляется полноводіемъ: названіе свое онъ получилъ отъ существовавшаго нѣкогда на немъ монастыря, коего и слѣдовъ не осталось. Еслибъ берега Днѣпра не повелѣвали имъ, то онъ былъ бы весьма удобенъ для житья; въ длину имѣетъ около 1000, а въ ширину отъ 80 до 100 шаговъ, и наполненъ ужами и другими змѣями.

Далѣе находится Конскій островъ, который имѣетъ въ длину около $\frac{3}{4}$, а въ ширину при вершинѣ $\frac{1}{4}$ мили; покрытъ лѣсомъ, болотами и потопляется весеннимъ полноводіемъ. На немъ живутъ многіе рыбаки, которые ловятъ рыбу въ Самарѣ, и по недостатку соли пересыпаютъ ее золою, или сушатъ, для сбереженія. Самара впадаетъ въ Днѣпръ прямо противъ вершины Конскаго острова; она весьма обильна рыбою, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ, что едва ли какое либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Койдакѣ,

о коемъ въ слѣдъ за симъ будетъ упомянуто. Самара имѣетъ теченіе тихое отъ извилистыхъ береговъ; Казаки называютъ ее святою рѣкою, можетъ быть за счастливое богатство ея. Въ числѣ рыбъ, ловимыхъ въ Самарѣ весною, я видѣлъ сельдей и осетровъ, которые не попадаются въ другое время года.

Ниже Конскаго острова лежитъ Князевъ островъ, который есть ни что иное, какъ скала, длиною отъ 500 до 600, а шириною до 100 шаговъ, безопасная отъ полноводія. Слѣдующій за нимъ безлѣсный и также покрытый скалами, Казацкій островъ, равнымъ образомъ, не подверженъ наводненіямъ, но наполненъ змѣями.

Ниже, на пушечный выстрѣлъ, находится Койдакъ: здѣсь начинаются пороги, т. е. цѣпь скалъ, которая идетъ поперегъ Днѣпра и задерживаетъ судоходство. На Койдакѣ въ Іюлѣ 1635 года былъ заложенъ мною зåмокъ; но послѣ моего отъѣзда, въ Августѣ мѣсяцѣ, нѣкто Солиманъ [31]), предводитель мятежныхъ Казаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что зåмокъ преграждаетъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ Полковника Маріона, родомъ Француза. Взявъ и разграбивъ сію крѣпость, Солиманъ возвратился въ Запорожье; но Казаки не долго владѣли

Койдакомъ: по распоряженію великаго Конецпольскаго, Кастеляна Краковскаго, они были осаждены вѣрными Казаками и взяты въ плѣнъ; Солиманъ же со всѣми единомышленниками пойманъ былъ уже въ послѣдствіи и четвертованъ въ Варшавѣ. Впрочемъ Поляки оставили безъ вниманія Койдакскую крѣпость, и тѣмъ развязали руки дерзкимъ Казакамъ, которые въ 1637 году взбунтовались. 16 Декабря около полудня, мы встрѣтили 18,000 войско ихъ, стоявшее въ таборѣ при Кумейкахъ [32]). Хотя отрядъ нашъ имѣлъ не болѣе 4000 человѣкъ, однакожъ мы не замедлили напасть на Казаковъ и разбили ихъ. Сраженіе продолжалось до полуночи: около 6000 Казаковъ легло на мѣстѣ, а прочіе, оставивъ намъ пять пушекъ и поле битвы, спаслись подъ защитою мрачной ночи. Мы потеряли 100 человѣкъ убитыхъ и 1000 раненныхъ, въ числѣ коихъ находились многіе начальники: Подполковникъ Морвиль — дворянинъ Французскій, его прапорщикъ, Капитанъ Юскескій, Поручикъ Лакротадъ и многіе другіе иностранцы, заплатили жизнію за сію побѣду. Война продолжалась до Октября мѣсяца слѣдующаго года. По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4000 воиновъ лично отправился на Койдакъ, и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонитель-

кое положенiе, т. е. около мѣсяца; потомъ удалился изъ крѣпости съ 2000 солдатъ, а мнѣ приказалъ, подъ прикрытiемъ отряда съ нѣсколькими пушками, осмотрѣть всѣ Днѣпровскiе пороги, даже до послѣдняго, и возвратиться вмѣстѣ съ Остророгомъ, Подчашiимъ Коронныиъ, по Днѣпру на Казацкихъ челнахъ.

Пользуясь симъ случаемъ, я обозрѣлъ 13 водопадовъ, которые означены мною на картѣ. Кстати замѣтимъ, что въ окрестностяхъ пороговъ путешествiе съ сотнею, даже съ тысячею человѣкъ, не безопасно; цѣлое войско должно итти степями не иначе, какъ въ добромъ порядкѣ: ибо Татары, не имѣя постоянныхъ жилищъ на обширныхъ Днѣпровскихъ равнинахъ, безпрерывно разъѣзжаютъ по онымъ, отрядами въ 5, 6 и даже въ 10,000 всадниковъ. Нравы ихъ и военное искусство я опишу въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь замѣчу только, что я осмотрѣлъ и посѣтилъ всѣ тринадцать пороговъ, переплывъ всѣ водопады противъ теченiя: это съ перваго взгляда покажется невозможнымъ, ибо водопады имѣютъ отъ 7 до 8 футовъ паденiя. Судите же, какъ необходимо тамъ искусство хорошо править рулемъ. У Казаковъ есть обычай принимать въ свои круги, только того, кто проплыветъ всѣ пороги противъ теченiя. Слѣдовательно и я могъ быть добрымъ Казакомъ:

впрочемъ только эту славу и пріобрѣлъ я отъ сего путешествія.

Для объясненія слова порогъ, скажу, что это слово Русское и означаетъ скалу. Пороги, подобно цѣпи скалъ, идутъ поперегъ Днѣпра; нѣкоторые лежатъ подъ водою, другіе вровень съ нею, а иные надъ поверхностью отъ 8 до 10 футовъ, громадами величиною съ домы и такъ близко другъ подлѣ друга, что составляютъ родъ плотины, которая запружаетъ рѣку: Днѣпръ подымается и падаетъ съ высоты 5 или 6 футовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ 6 до 7 футовъ, смотря по обилію водъ его; весною, при таяніи снѣговъ, онъ покрываетъ всѣ пороги, исключая седьмаго — Ненасытецкаго, который только и препятствуетъ судоходству въ это время; лѣтомъ же и осенью, когда вода стоитъ на самой низкой точкѣ, водопады имѣютъ не рѣдко отъ 10 до 15 футовъ въ вышину [33]). На всемъ пространствѣ 13 пороговъ, Татары могутъ переплывать чрезъ Днѣпръ въ одномъ только мѣстѣ, между 10 — Будиловымъ и 11 — Тавалжаномъ, гдѣ берега отлоги. Начиная отъ перваго порога и до послѣдняго, я замѣтилъ только два острова, которые не потопляются водою. Одинъ лежитъ поперегъ четвертаго порога, называемаго Стрѣлчьимъ [34]), состоитъ изъ огромныхъ скалъ, въ 30 футовъ

вышиною, съ крутыми берегами; онъ имѣетъ 500 шаговъ въ длину и отъ 70 до 80 въ ширину. Не знаю, есть ли на немъ источники, потому что никто не посѣщалъ его, кромѣ однѣхъ птицъ поднебесныхъ. Впрочемъ берега его покрыты дикимъ виноградникомъ. Другой островъ, гораздо болѣе перваго, состоитъ также изъ скалъ, но не столь уже крутыхъ; въ длину имѣетъ около 2000, а въ ширину до 150 шаговъ; укрѣпленъ самою природою и весьма удобенъ для житья. На немъ растетъ во множествѣ тавала, дерево изъ краснаго лѣса, твердое какъ буксъ..... [35]). Островъ сей называется Таважаномъ, по имени 11 порога. На 13 порогѣ — Вольномъ легко можно выстроить городъ, или зàмокъ.

На пушечный выстрѣлъ ниже сего порога, лежитъ скалистый островъ, называемый Казаками Кашеварницею, какъ будто для выраженія радости о благополучномъ проходѣ чрезъ пороги: тамъ Казаки веселятся и угащиваютъ другъ друга обыкновеннымъ своимъ походнымъ кушаньемъ — кашею [36]).

Отъ Кашеварницы до Кичкасовки находятся привольныя мѣста для обитанія. Кичкасовка, небольшая рѣчка, впадаетъ въ Днѣпръ или Борисөенъ со стороны Татаріи; отъ нея получилъ свое názваніе мысъ, омываемый Днѣпромъ и окруженный двумя неприступными

скалами (какъ видно это на картѣ), между коими лежитъ низкая лощина въ 2000 шаговъ, служащая единственнымъ проходомъ. Укрѣпивъ оный, можно выстроить на мысѣ красивый и крѣпкій городъ, который хотя по своему положенію и будетъ подверженъ выстрѣламъ съ Татарскаго берега, но за то и самъ можетъ обстрѣливать оный. — Въ сихъ мѣстахъ берега очень высоки; Днѣпръ течетъ свободно, не пересѣкаясь островами; узкая постель его еще болѣе съуживается къ югу (это отмѣчено на картѣ точками). Здѣсь, по мнѣнію моему, ширина Днѣпра есть самая меньшая: я видѣлъ, какъ Поляки стрѣляли изъ лука съ одного берега на другой, и какъ стрѣлы ихъ падали на 100 шаговъ отъ противоположной стороны. Татары имѣютъ тамъ самую удобную переправу: ибо Днѣпръ не шире 150 шаговъ, берега его удобоприступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засадъ. Переправа сія также называется Кичкасовскою.

На полмилю ниже лежитъ островъ Хортицы. Я доѣзжалъ только до сего мѣста, и остальное описаніе основываю на словахъ другихъ, а потому и не ручаюсь за достовѣрность онаго. По разсказамъ, островъ Хортицы очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, слѣдовательно безъ удобныхъ пристаней; въ длину имѣетъ болѣе 2 миль, а

въ ширину, съ восточной стороны, около полумили, но къ западу уже и ниже. Онъ не подверженъ наводненіямъ и покрытъ дубовымъ лѣсомъ. Не худо было бы заселить его для наблюденія за Татарами [37]). Ниже Хортицы ширина Днѣпра увеличивается.

Далѣе находится Великій островъ, длиною около 2 миль, впрочемъ мало замѣчательный потому, что ровная его поверхность потопляется весеннимъ полноводіемъ, за исключеніемъ одной средины острова, которая имѣетъ отъ 1500 до 2000 шаговъ въ поперечникѣ. Противъ него съ Татарской стороны, впадаютъ въ Днѣпръ Конскія воды, рѣка быстрая, которая, прорывъ для себя постель по Татарскому берегу, вдоль Днѣпра, то удаляется отъ него, то сливается съ нимъ, и наконецъ соединяется совершенно въ двухъ миляхъ отъ Тавана. Ложе ея отдѣлено отъ Днѣпровскаго песчаными отмелями.

Высокій и почти круглый островъ Томаковка имѣетъ видъ полушара, коего поперечникъ не болѣе $\frac{1}{3}$ мили; весь покрытъ лѣсомъ; съ вершины его можно видѣть Днѣпръ, отъ самой Хортицы до Тавана. Я могъ получить свѣденіе объ однихъ только берегахъ сего прекраснаго острова, который лежитъ ближе къ Русскому, нежели къ Татарскому берегу. Тамъ укрывался Хмѣльницкій, когда Поляки

грозили схватить его; тамъ же сбирались Казаки, когда въ Маѣ мѣсяцѣ 1648 года они возмутились и 26 Мая одержали побѣду на поляхъ Корсунскихъ.

Нѣсколько ниже рѣки Чертомлыка, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе, нежели 10,000 острововъ, которые разбросаны неправильно, безпорядочно, почву имѣютъ иные сухую, другіе болотистую, всѣ заросли камышемъ, возвышающимся подобно пикамъ и закрывающимъ протоки между островами. Сіи то многочисленные острова служатъ притономъ для Казаковъ, которые называютъ ихъ Войсковою Скарбницею, т. е. Казною. Всѣ они, исключая развалинъ, потопляются весеннимъ полноводіемъ; — Днѣпръ разливается болѣе, нежели на милю. Тамъ никакія силы Турковъ не могутъ вредить Казакамъ: преслѣдуя ихъ однажды на возвратномъ пути съ Чернаго моря, Турецкія галеры проникли до самой Скарбницы; но тамъ, въ лабиринѳѣ острововъ, запутались и не могли найти выхода. Казаки грянули въ нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили многія галеры и такъ напугали Турковъ, что они съ тѣхъ поръ не смѣютъ входить въ Днѣпръ далѣе 4 или 5 миль отъ устья. Увѣряютъ, что Ка-

заки скрываютъ множество пушекъ, въ протокахъ Войсковой Скарбницы; но гдѣ именно?— никто изъ Поляковъ вамъ не укажетъ: ибо они въ тѣхъ мѣстахъ не бываютъ; отъ Казаковъ же не могутъ вывѣдать сей тайны; да изъ нихъ не многіе и знаютъ о томъ. Они скрываютъ подъ водою не только пушки, отбиваемыя у Турковъ, но и деньги, которыя берутъ только въ случаѣ необходимости. Каждый Казакъ имѣетъ на островахъ свой тайный уголокъ. Возвратясь съ поисковъ надъ Турками, они дѣлятъ въ Скарбницѣ добычу, и все, что ни получатъ, скрываютъ подъ водою, исключая вещей, повреждаемыхъ оною.

Въ Войсковой Скарбницѣ Казаки строютъ также челны свои, на которыхъ разгуливаютъ по Черному морю; каждый челнъ, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 8 футовъ, снабженъ двумя рулями.

Островъ Каиръ, совершенно плоскій, имѣетъ въ длину отъ 5 до 6 миль; одна часть его покрыта камышемъ, а другая вѣтлою. Главный рукавъ Днѣпра течетъ къ Русской сторонѣ, а потому восточный берегъ острова гораздо шире, но за то западный не потопляется разлитіемъ Днѣпра. Великими водами называется чистое, открытое пространство Днѣпра, лежащее между не многими островами, противъ Осокоровки.

Безлѣсный островъ Носоковка, длиною около 2 миль, потопляется весеннимъ разлитіемъ. Чрезъ него и чрезъ островъ Капръ-Козмакъ, имѣющій въ длину не болѣе полумили, лежитъ Татарская переправа. Между Носоковкою и Русскимъ берегомъ протекаетъ рукавъ Днѣпра, называемый Космакомъ. Тамъ скрываются Казаки, при выходѣ въ Черное море, изъ опасенія, что бы не открыла ихъ Турецкая стража, которая постоянно находится близъ развалинъ Исламова Городка [38]), на рукавѣ Таванѣ. Чрезъ рукавъ Таванъ пролегаетъ главная Татарская переправа, потому что Днѣпръ не раздѣленъ тамъ островами, имѣетъ въ ширину не болѣе 500 шаговъ, Русскій берегъ его высокъ и крутъ, а Татарскій низменный, составляетъ островъ Таванъ, который впрочемъ не подверженъ наводненію. Полезно было бы на семъ островѣ выстроить крѣпость, которая обуздывала бы Казаковъ и препятствовала бы имъ выѣзжать въ море. Днѣпръ течетъ, не раздѣляясь на рукава, еще двѣ мили, а далѣе вновь разливается и образуетъ многіе острова.

Островъ Таванъ имѣетъ 2 мили въ длину и $\frac{1}{3}$ мили въ ширину. Рѣка, протекающая между нимъ и Татарскимъ берегомъ, какъ мы уже сказали, называется Конскими водами; ее можно переходить въ бродъ, исключая время

разлитія, когда потопляется западная часть острова.

Казацкій островъ, длиною около полумили, потопляется Днѣпровскимъ разлитіемъ. Островъ Бурганка также имѣетъ въ длину около полумили и также затопляется полноводіемъ. Татары имѣютъ въ семъ мѣстѣ переправу, но они должны переплывать Конскія воды и два раза глубокій Днѣпръ.

Между Кичкасовомъ и Очаковомъ, Татары переправляются въ пяти мѣстахъ: 1, при Кичкасовѣ; 2, при Носоковкѣ, гдѣ переправа весьма неудобна потому, что Днѣпръ имѣетъ тамъ въ ширину болѣе $\frac{3}{4}$ мили, наполненъ островами и камышемъ, и раздѣляется на многіе рукава. Татары съ трудомъ переходятъ чрезъ нихъ и должны еще опасаться Казаковъ, которые стерегутъ въ окрестностяхъ и разставляютъ засады. 3, переправа самая лучшая есть Таванская, весьма удобная для Татаръ уже потому, что она лежитъ не далѣе одного дня пути отъ Крыма. Притомъ же Татары должны переправляться здѣсь только чрезъ двѣ рѣки, изъ коихъ одну, Конскія воды, переходятъ въ бродъ, а другую, Днѣпръ, вплавь, хотя онъ имѣетъ въ ширину отъ 500 до 600 шаговъ. 4, переправа Бурганкская не столь уже удобна; тутъ надобно переходить три глубокіе и

широкіе протока: Конскія воды и два раза Днѣпръ. 5 и послѣдняя переправа есть Очаковская, на устьѣ Днѣпровскомъ, которое имѣетъ въ ширину болѣе Французской мили. Татары переплываютъ его слѣдующимъ образомъ: на лодку довольно плоскую кладутъ поперегъ жердь, привязываютъ къ ней лошадей рядомъ, по ровному числу съ обѣихъ сторонъ для равновѣсія; потомъ накладываютъ на лодку багажъ и отчаливаютъ отъ берега. Лошади слѣдуютъ за лодкою и плывутъ медленно, хотя онѣ выбиваются изъ силъ, но короткая привязь къ жерди поддерживаетъ ихъ, и Татаринъ безъ труда причаливаетъ къ противоположному берегу, разумѣется въ ясную и тихую погоду. Въ мое время точно такимъ образомъ переправилось 40,000 Турецкой конницы, посланной Султаномъ для осады на Дону города Азова или Азака, который взятъ былъ въ 1642 году Московскими Казаками.

Выше Очакова на три мили, впадаетъ въ Днѣпръ рѣка Бугъ, на устьѣ которой, противъ Семенвирука лежитъ треугольный островъ, имѣющій въ длину около полумили.

Выше Семенвирука по Бугу, находится Винараднакрица, — родникъ на крутомъ возвышеніи. Прекрасное сіе мѣсто весьма удобно для селенія: лѣсъ находится подъ рукою и можно было бы выстроить мѣльницы.

Андреевъ островъ, длиною около мили, а шириною въ $\frac{1}{4}$ мили, покрытъ лѣсомъ. На Песчаномъ Бродѣ глубина Буга не болѣе 3 футовъ, ширина незначительная, такъ что самая тяжелая артиллерія можетъ тамъ легко переѣзжать въ бродъ. Ниже сего мѣста Бугъ вездѣ судоходенъ, а выше находятся многіе броды: это можно видѣть на картѣ.

Кремецовъ островъ, длиною въ 1500, шириною въ 1000 шаговъ, вышиною отъ 20 до 25 футовъ, имѣетъ сѣверный берегъ крутой, а южный отлогій; строевый лѣсъ находится отъ него не далѣе полумили, къ Очакову. Къ сѣверу отъ Кременцова, есть мѣсто, окруженное крутыми оврагами и весьма удобное для заложенія крѣпости. Уце-Савранъ или новый Конецполь составляетъ крайній пограничный городъ Польскій, со стороны Очакова; въ 1634 и 1635 годахъ, я выстроилъ тамъ крѣпость, которая можетъ служить Польшѣ оплотомъ противъ Турковъ.

Возвратимся къ Очакову: сей городъ принадлежитъ Туркамъ, находится при устьѣ Днѣпровскомъ (по Турецки Джіанкрименда), и служитъ пристанищемъ для галеръ, которыя, препятствуя Казакамъ выѣзжать въ Черное море, стерегутъ устье Борисѳена. Впрочемъ тамъ нѣтъ гавани, а находится только якорное мѣсто. При подошвѣ Очаковскаго за̀мка, на

покатости горы, построены два города, защищаемые съ юго-запада и сѣверо-запада крутыми оврагами. Стѣны зàмка имѣютъ въ вышину около 25 футовъ, но городскія гораздо ниже. — Въ Очаковѣ считаютъ до 2000 жителей. На югъ отъ него лежитъ, въ видѣ передоваго укрѣпленія, небольшой зàмокъ, снабженный нѣсколькими пушками для обстрѣливанія устья Днѣпровскаго, хотя оное имѣетъ въ ширину болѣе мили. На противоположномъ берегѣ, въ одной башнѣ, расположена Турецкая стража, которая, издали замѣтивъ появленіе Казаковъ на морѣ, сигналами даетъ знать о томъ галерамъ. Впрочемъ Казаки смѣются надъ сими предосторожностями и незамѣтно проходятъ Днѣпровскимъ устьемъ, какъ мы опишемъ въ послѣдствіи.

На милю отъ Очакова къ югозападу, лежитъ довольно хорошій портъ Березань, имѣющій при входѣ около 2000 шаговъ въ ширину; одни только небольшія суда могутъ входить въ оный. — Впрочемъ глубина порта достаточна и для галеръ, — которыя даже поднимаются на двѣ мили вверхъ по рѣкѣ Янчакрику, образующему портъ Березанскій.

Озеро Телигуль имѣетъ въ длину 8 миль, а въ ширину $\frac{1}{7}$ или $\frac{1}{8}$ мили. Плотина, устроенная самою природою, по морскому берегу, препятствуетъ ему сообщаться съ моремъ.

Озеро сіе такъ обильно рыбою, что стоячая вода онаго получаетъ запахъ несносный.

Озеро Куяльникъ лежитъ отъ моря не далѣе 2000 шаговъ; оно столь же обильно рыбою, какъ и Телигуль. Ватаги рыбаковъ пріѣзжаютъ на сіи два озера далѣе, нежели изъ за 50 миль, и ловятъ карповъ и щукъ величины необыкновенной.

Бѣлгородъ находится при Днѣстрѣ, на милю отъ моря. Городъ сей принадлежитъ Туркамъ, которые называютъ его Акерманомъ.

Килія, также Турецкій городъ, имѣетъ каменную стѣну съ контръ-эскарпомъ. Замокъ Килійскій лежитъ выше города при Дунаѣ, на милю отъ устья. На противоположномъ берегѣ находится старая Килія, съ древними развалинами.

Буджакъ, — равнина между Бѣлгородомъ и Киліею, длиною въ 12, а шириною отъ 5 до 6 миль, служитъ пристанищемъ своевольнымъ Татарамъ, которые не хотятъ признавать власти ни Хана Крымскаго, ни Султана Турецкаго. Они имѣютъ отъ 80 до 90 селеній, разъѣзжаютъ безпрерывно по степямъ, грабятъ, берутъ въ плѣнъ Христіанъ и продаютъ ихъ въ галерную неволю; кормятся, подобно хищнымъ птицамъ, однимъ только грабежемъ; врываются иногда въ Украйну и Подолію, впрочемъ не надолго: ибо шайки ихъ,

заключая не болѣе 4 или 5000 человѣкъ, не смѣютъ оставаться тамъ и быстро удаляются. Но за то Буджакскіе Татары безпрерывно разъѣзжаютъ по границамъ и степямъ необитаемымъ. Всѣ ихъ селенія подвижныя и состоятъ изъ хижинъ, построенныхъ на двухъ колесахъ, такъ точно, какъ у нашихъ пастуховъ: потравивъ кормъ въ одномъ мѣстѣ, Татары перевозятъ ихъ на другое.

Островъ Тендра, длиною отъ 3 до 4 миль, лежитъ на 4 мили отъ устья Днѣпровскаго; имѣетъ пресную воду и покрытъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кустарникомъ. При берегахъ сего ровнаго острова, суда могутъ безопасно стоять на якорѣ.

На двѣ мили отъ устья Дунайскаго находится низменный островъ, коего окружность не болѣе 2 миль; на немъ также есть пресная вода. Турки называютъ его Илланада, т. е. змѣинымъ островомъ.

Неукрѣпленный городъ Измаилъ принадлежитъ Туркамъ. Выше онаго одною милею, на пушечный выстрѣлъ отъ Облизицы, былъ выстроенъ въ 1620 году мостъ, когда Султанъ Турецкій Османъ съ 600,000 воиновъ шелъ на Подолію. Впрочемъ успѣхи Османовы ограничились взятіемъ незначительной крѣпости Хотина, которая находится въ Валахіи, на Днѣстрѣ, и которую Поляки сдали съ условіемъ, чтобы

Султанъ, потерявшій въ битвахъ, отъ голода и болѣзней болѣе 80,000 человѣкъ, возвратился въ Константинополь. Тамъ, гдѣ находился мостъ, Дунай едва ли имѣетъ болѣе 500 или 600 шаговъ въ ширину, потому что Турки стрѣляютъ чрезъ оный изъ луковъ своихъ. Ниже моста Дунай раздѣляется на многіе рукава, изъ коихъ главный протекаетъ мимо Киліи.

Между Рене и Облизицами лежатъ два острова. Одинъ изъ нихъ Паллеко, круглый, величиною около 2000 шаговъ, имѣетъ берега крупые и весь покрытъ лѣсомъ. Но быстрый Дунай ежегодно размываетъ по частямъ сей песчаный островъ.

Галацъ находится на Дунаѣ, между Прутомъ и Серетомъ. — Жители его, Валахи, исповѣдуютъ Греческую вѣру.

Къ югу отъ Дуная, въ Булгаріи, лежитъ Варна съ портомъ на Черномъ морѣ. Далѣе, до самаго Константинополя, нѣтъ ни одного замѣчательнаго мѣста, исключая башенъ, построенныхъ на Константинопольскомъ проливѣ, въ трехъ миляхъ отъ столицы Оттоманской Имперіи.

ОПИСАНІЕ

КРЫМА.

Крымъ есть полуостровъ, лежащій на Черномъ морѣ, къ югу отъ Московіи; онъ населенъ Татарами, единоплеменными съ обитателями Великой Татаріи; Государь ихъ называется Ханомъ и повинуется Турецкому Султану. Это тѣ самые Татары, которые не рѣдко, въ числѣ 80,000 всадниковъ, вторгаются въ Польшу и Московію, жгутъ, грабятъ, уводятъ въ плѣнъ отъ 50 до 60,000 Россіянъ и продаютъ ихъ въ неволю: Татары живутъ однимъ только грабежемъ.

Сей полуостровъ соединяется съ твердою землею перешейкомъ, шириною не болѣе полумили; если бы прорыть его, — Крымъ составилъ бы островъ. При входѣ на перешеекъ лежитъ ничтожный городокъ, безъ укрѣпленій, окопанный только полуобвалившимся рвомъ, въ 20 футовъ шириною, отъ 6 до 7

глубиною, и обнесенный валомъ отъ 6 до 7 футовъ въ вышину и не болѣе 15 футовъ въ толщину; онъ лежитъ на 300 шаговъ отъ восточнаго морскаго берега, имѣетъ около 400 домовъ и защищается каменнымъ зàмкомъ, около коего построенъ еще другой зàмокъ. Между городомъ и западнымъ морскимъ берегомъ прокопанъ ровъ, на полмилю въ длину. Городъ сей Татары называютъ Оромъ, а Поляки Перекопомъ; отъ сего и страна сія у Географовъ извѣстна подъ именемъ Перекопской Татаріи.

Козловъ, древній городъ, лежитъ на восточномъ берегѣ [39]) Крыма, принадлежитъ Хану и имѣетъ до 2000 домовъ и гавань.

Топетаркань или Херсонь замѣчателенъ древними развалинами.

Въ Бакчисараѣ живетъ Ханъ; тамъ не болѣе 2000 домовъ.

Селеніе Альма или Фоцола, имѣетъ Католическую церковь, во имя Св. Іоанна, и около 50 домовъ.

Балаклава — мѣстечко съ гаванью. Тамъ строются корабли, галеры и гальоты для Султана. Входъ въ гавань не шире 40 шаговъ; длина же ее около 800, а ширина 450 шаговъ. Я не могъ узнать, какъ глубока она и какой имѣетъ грунтъ, песчаный, тинистый, или каменистый; но думаю, что она не мельче 15 футовъ, потому, что по ней плаваютъ

корабли въ 500 тонъ. Сіе мѣстечко состоитъ только изъ 120 домовъ. — Гавань Балаклавская есть лучшая въ свѣтѣ: ибо корабли входятъ въ нее при всякомъ вѣтрѣ, и стоятъ на якорѣ спокойно, защищаясь отъ бурь высокими горами, которыя окружаютъ Балаклаву.

Манкупо, замокъ худо укрѣпленный, построенъ на горѣ, называемой Бабою. Тамъ живутъ Іудеи; домовъ же не болѣе 60.

Кафа есть столица Крыма и мѣстопребываніе Турецкаго Губернатора. Татаръ въ ней не много; жители большею частію Христіане, которые для прислуги покупаютъ у Крымцевъ невольниковъ, уводимыхъ изъ Польши и Московіи. Городъ сей имѣетъ 12 церквей Греческихъ, 32 Армянскихъ и 1 Католическую (во имя Св. Петра), отъ 5 до 6000 домовъ и болѣе 30,000 невольниковъ (въ Крымѣ нѣтъ другой прислуги, кромѣ рабовъ); производитъ обширную торговлю съ Константинополемъ, Требизондомъ, Синопомъ и другими городами Чернаго моря, Архипелага и Леванта.

Кримента, весьма древній городъ съ сотнею домовъ, принадлежитъ Хану.

Карасу, также Ханскій городъ, имѣетъ до 2000 домовъ.

Тусла, съ солончаками, имѣетъ 80 домовъ;— Карасубазаръ 2000, Керчь около 100 и Акмечеть 150 домовъ.

Арабатъ или Орботекъ есть каменный замокъ, лежащій на перешейкѣ полуострова, образуемаго Лиманомъ и Тонкаводою. Сей полуостровъ, называемый Казаками Косою, близъ Арабата не шире $\frac{1}{8}$ мили и укрѣпленъ палисадомъ отъ одного берега до другаго. Тамъ пасутся Ханскіе табуны, въ коихъ болѣе 70,000 лошадей. — Тонкавода, проливъ между твердою землею и косою, имѣетъ въ ширину около 200 шаговъ. Казаки при тихой погодѣ переходятъ его въ бродъ таборомъ, чтобы поживиться конями изъ табуновъ Крымскаго Хана.

Берегъ Крымскій отъ Балаклавы до Кафы очень высокъ и крутъ; но остальная часть полуострова имѣетъ положеніе низкое и къ Ору покатое. Множество деревень разсѣяно по всему Крыму; онѣ состоятъ изъ подвижныхъ домовъ, построенныхъ на колесахъ, подобно Буджакскимъ.

Горы близъ Карасу и Балаклавы называются Бабою; изъ нихъ выходятъ 7 рѣкъ, которыя текутъ чрезъ весь полуостровъ; — берега ихъ покрыты лѣсомъ.

По берегамъ рѣки Карабатъ растетъ виноградъ; а по Салгирю находятся фруктовые сады.

Проливъ между Керчью и Таманомъ имѣетъ въ ширину отъ 3 до 4 Французскихъ миль.

Городъ Таманъ принадлежитъ Туркамъ и

находится въ землѣ Черкесовъ. Въ немъ есть за̀мокъ, худо укрѣпленный, коего весь гарнизонъ состоитъ изъ 30 Янычаръ. Такой же гарнизонъ находится въ Темрюкѣ для охраненія прохода къ Азову, — городу весьма важному, лежащему на востокъ отъ Тамана, при устьѣ рѣки Дона. Черкесы, т. е. Татары, исповѣдующіе Христіанскую вѣру, почитаются самымъ правовѣрнымъ народомъ.

О КРЫМСКИХЪ
ТАТАРАХЪ.

Описавъ Крымъ, скажемъ нѣсколько словъ о внутреннемъ устройствѣ, образѣ жизни и ратномъ искусствѣ Татаръ, о ихъ набѣгахъ на земли непріятельскія и о возвращеніи въ улусы, которые они распространили даже по степямъ необитаемымъ.

Татары, подобно собакамъ и другимъ животнымъ, родятся слѣпые; роста бываютъ менѣе, нежели средняго (самые высокіе изъ нихъ показались бы у насъ людьми обыкновенными); всѣ вообще имѣютъ плотные и крѣпкіе члены, толстое брюхо, плеча широкія, шею короткую, голову огромную, лице почти круглое, лобъ открытый, глаза черные и узкіе, носъ короткій, ротъ небольшой, зубы бѣлые, какъ слоновая кость, цвѣтъ лица смуглый, волосы черные, какъ смоль, и грубые, какъ лошадиная грива. Короче сказать очертаніе лица ихъ совсѣмъ иное, нежели у Христіанъ: Татарина можно узнать съ перваго взгляда.

По росту и наружному виду, Татары похожи на Караибовъ и Индѣйцевъ, живущихъ въ Америкѣ при Мараньянѣ. Всѣ они воины крѣпкіе и мужественные, пріученные съ малолѣтства презирать труды и непогоду: съ семи лѣтъ они оставляютъ свои кантары (юрты на двухъ колесахъ [40]), спятъ всегда подъ открытымъ небомъ, и ѣдятъ только то, что сами достаютъ стрѣлами, не получая ничего отъ родителей. Такимъ образомъ, научившись съ дѣтства мѣтко попадать въ цѣль, они на 12 году отправляются въ поле противъ непріятелей. — Татарки ежедневно купаютъ дѣтей своихъ въ соленой водѣ, для того, что бы кожа ихъ загрубѣла и сдѣлалась нечувствительною къ холоду, въ случаѣ переправы чрезъ рѣки въ зимнее время.

Здѣсь рѣчь идетъ о двухъ поколѣніяхъ Татарскихъ: Нагаяхъ и Крымцахъ. Послѣдніе, какъ мы уже сказали, населяютъ полуостровъ Чернаго моря, извѣстный подъ названіемъ Таврической Скиѳіи. Нагаи раздѣляются на большихъ и малыхъ Нагаевъ: и тѣ и другіе не знаютъ выгодъ общежитія и кочуютъ между Дономъ и Кубанью; нѣкоторые признаютъ власть Хана Крымскаго, другіе повинуются Москвитянамъ, иные же независимы. — Нагаи не столь великодушны, какъ Крымцы; Крымцы же не столь храбры, какъ Буджаки.

Одѣяніе Татаръ состоитъ изъ короткой бумажной рубахи, покрывающей тѣло на $\frac{1}{2}$ фута ниже пояса; изъ портовъ и шараваръ, иногда суконныхъ, а болѣе пестрыхъ бумажныхъ. Храбрѣйшіе носятъ пестрый бумажный кафтанъ и сверхъ онаго надѣваютъ кафтанъ суконный, подбитый лисьимъ или собольимъ мѣхомъ [41]); голову покрываютъ мѣховою шапкою; сапоги носятъ красные сафьянные, но безъ шпоръ. Простые Татары накидываютъ на плеча овчинный тулупъ, который зимою носятъ шерстью внизъ, а лѣтомъ и во время дождя шерстью наружу: встрѣтивъ ихъ въ такомъ одѣяніи нечаянно въ полѣ, испугаешься, — подумаешь, что это бѣлые медвѣди, вцѣпившіеся въ лошадей. — То же самое дѣлаютъ они и съ овчинными шапками.

Татары вооружены саблею, лукомъ и колчаномъ съ 18 или 20 стрѣлами; на поясѣ виситъ ножъ, огниво для добыванія огня, шило и 5 или 6 саженъ ременныхъ веревокъ, для вязанія плѣнниковъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ Нюрембергскій квадрантъ. Одни только зажиточные носятъ кольчуги, прочіе же отправляются на войну просто. Они весьма храбры и проворны на коняхъ, хотя и плохо сидятъ на оныхъ, подгибая колѣна отъ короткихъ стременъ: конный Тата-

ринъ похожъ на обезьяну, сидящую на гончей собакѣ. При всемъ помъ ловкость и проворство Татаръ удивительны: несясь во весь опоръ, они перескакиваютъ съ усталаго коня на заводнаго и легко избѣгаютъ преслѣдованія непріятелей. Конь, не чувствуя на себѣ всадника, тотчасъ беретъ правую сторону и скачетъ рядомъ, чтобы хозяинъ, въ случаѣ нужды, могъ перескочить на него. Такъ умѣютъ служить своимъ господамъ Татарскіе кони, которые сверхъ того переносятъ труды почти невѣроятные: только сіи неуклюжіе и некрасивые бакематы (такъ называютъ ихъ Татары) въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвостъ ихъ достаютъ до земли.

Всѣ вообще Татары низшаго званія, не исключая и кочующихъ, питаются не хлѣбомъ, который ѣдятъ только у насъ, а кониною; ее предпочитаютъ и говядинѣ, и козлятинѣ, и овечьему мясу (баранина имъ неизвѣстна). Должно еще замѣтить, что Татаринъ рѣшится зарѣзать для пищи только больную лошадь, которая ни къ чему не годна. Если даже она издохнетъ сама собою, отъ какой бы то ни было болѣзни, будьте увѣрены, что Татаринъ не побрезгаетъ ѣсть падалище. Во время походовъ та же пища: составивъ артель изъ 10 человѣкъ, Татары

берутъ коня самаго изнуреннаго и убиваютъ его; если случится мука, размѣшиваютъ ее рукою въ лошадиной крови (такъ, какъ у насъ дѣлаютъ колбасы); потомъ кладутъ смѣсь сію въ котелъ, варятъ и ѣдятъ ее, какъ самое лакомое кушанье. Мясо же разсѣкаютъ на четыре части: три четверти отдаютъ въ займы товарищамъ, а заднюю четверть оставляютъ для себя. Разрѣзавъ мясистую часть оной на большіе круги, въ дюймъ или два толщиною, кладутъ по одному на спину лошади подъ сѣдло, и затянувъ крѣпко подпруги, скачутъ отъ двухъ до трехъ часовъ, продолжая походъ съ товарищами; потомъ снимаютъ сѣдло, переворачиваютъ конину, смачиваютъ ее пѣною, которую собираютъ съ лошади пальцами изъ опасенія, чтобы мясо не потеряло сочности; вновь сѣдлаютъ коня, вновь скачутъ два или три часа, и кусокъ — самый лакомый для нихъ — готовъ. Прочіе же части варятъ съ небольшимъ количествомъ соли въ котлѣ, не снимая съ него пѣны; въ противномъ случаѣ, по мнѣнію Татаръ, мясо теряетъ и сочность, и питательность. Вотъ, чѣмъ питаются сіи народы! Чистую воду пьютъ они только тогда, когда найдутъ ее, что случается впрочемъ рѣдко, а зимою употребляютъ одну снѣговую. Мурзы, т. е. благородные, и другіе зажиточные Татары, у ко-

ихъ ѣстъ кобылицы, пьютъ кобылье молоко, замѣняя онымъ и водку, и вино. У этого народа ничто не пропадаетъ даромъ: конскимъ жиромъ приправляютъ ячменную, просяную и гречневую кашу; изъ кожи искусно плетутъ веревки, дѣлаютъ сѣдла, узды и нагайки, коими, за недостаткомъ шпоръ, погоняютъ лошадей. Остающіеся дома Татары ѣдятъ овецъ, козлятъ, куръ и другую живность; свиньи же не терпятъ, подобно Жидамъ. Изъ муки, когда только достанутъ ее, пекутъ лепешки; но самая обыкновенная ихъ пища состоитъ изъ просяной, ячменной и гречневой каши: просо, ячмень и гречу сѣютъ сами, а сарачинское пшено привозятъ изъ другихъ земель. Плодовъ у нихъ мало, но тѣмъ болѣе меду, который очень любятъ; изъ него приготовляютъ невареный напитокъ, причиняющій сильную рѣзь въ желудкѣ. — Городскіе Татары гораздо образованнѣе; они пекутъ хлѣбы, похожіе на наши; варятъ изъ ячменя брагу — густой, какъ молоко, напитокъ, наводящій опьянѣлость; пьютъ и водку, привозимую изъ Константинополя. Бѣдные замѣняютъ брагу другимъ напиткомъ: смѣшавъ въ горшкѣ коровье молоко съ овечьимъ и козьимъ, сбиваютъ масло, а сыворотку разливаютъ по кружкамъ и пьютъ; напитокъ сей приготовляется почти ежедневно, ибо скоро оки-

саетъ. Впрочемъ Тапары вообще трезвы; соли употребляютъ мало, за то сильно приправляютъ кушанья пряностями, особенно перцомъ. Сверхъ того, подобно жителямъ Мадагаскара, они приготовляютъ еще напитокъ слѣдующимъ образомъ: сваривъ мясо, съ небольшимъ количествомъ соли, какъ выше сказано, не снимая пѣны, берегутъ бульёнъ (по Татарски шурбъ), и когда захотятъ пить, то подогрѣваютъ его. Если вздумаютъ полакомиться жаренымъ, — насаживаютъ цѣлаго ягненка на вертелъ, и зажаривъ его, разрѣзываютъ на куски, длиною около фута, а шириною до 4 дюймовъ.

Теперь опишемъ набѣги Татаръ на земли непріятельскія, ихъ грабежи, и плѣненіе Христіанъ.

Получивъ отъ Султана повелѣніе вторгнуться въ Польшу, Ханъ собираетъ тысячъ до осьмидесяти всадниковъ, если самъ намѣренъ громить непріятельскія области; если же посылаетъ Мурзу, даетъ ему около 40 или 50,000. Походы предпринимаютъ всегда зимою, и обыкновенно въ началѣ Января, чтобы не встрѣтить дорогою какихъ либо препятствій, и чтобы рѣки или болота не запрудняли ихъ переходовъ. Предъ началомъ похода, дѣлаютъ смотръ войску, которое послѣ того отправляется въ путь. — Надобно замѣтить, что хотя

Крымъ лежитъ подъ 46 и 47 градусами широты; однакожъ степи на сѣверъ отъ онаго во всю зиму, до Марта мѣсяца, покрыты снѣгомъ. Это доставляетъ Татарамъ большую выгоду: они смѣло пускаются въ дальній походъ съ неподкованными лошадьми, которыхъ копыта защищаются снѣгомъ; — иначе онѣ разбили бы ихъ объ замершую землю, что и случается во время гололедицы. Мурзы и всадники зажиточные прикрѣпляютъ ремнями къ копытамъ своихъ лошадей коровій рогъ; но такая подкова держится не долго, и конь легко теряетъ оную. Посему Татары боятся зимъ безснѣжныхъ и гололедицы, когда и подкованныя ихъ лошади съ трудомъ могутъ итти. Дневные переходы Татаръ не велики, обыкновенно не болѣе 6 Французскихъ миль. Медленно подвигаясь къ границѣ, они разчитываютъ время и берутъ мѣры, чтобы возвратиться въ Крымъ прежде вскрытія рѣкъ, безъ всякаго урона. Для скрытія своихъ движеній и избѣжанія Казаковъ, которые сторожатъ въ степяхъ и при появленіи враговъ дѣлаютъ тревогу, — Татары переходятъ степи по лощинамъ, идущимъ отъ Крыма къ Польскимъ границамъ; ночью не разводятъ въ лагерѣ огней, а для развѣдыванія и добытія языка высылаютъ наѣздниковъ, поручая только самымъ расторопнымъ и опытнымъ поймать

непріятеля. Фронтъ Татарскаго войска, занимая отъ 800 до 1000 шаговъ, состоитъ изъ сотни всадниковъ или 300 коней (при каждомъ Татаринѣ находится по двѣ заводныя лошади), въ глубину же оно имѣетъ отъ 800 до 1000 коней, и занимаетъ около 3 или 4 миль, а во время похода растягивается миль на десять. Для невидавшаго Татаръ будетъ непонятно, какъ 80,000 всадниковъ могутъ имѣть болѣе 200,000 лошадей: не столь часты деревья въ лѣсу, какъ Татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ, и приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается. Видъ сихъ легіоновъ наведетъ ужасъ на воина самаго храбраго, но еще непривыкшаго къ такому зрѣлищу. На походѣ Татары время отъ времени останавливаются на полчетверть часа, спрыгиваютъ съ лошадей, [42]) ..... потомъ вскакиваютъ на сѣдла и продолжаютъ путь: все это дѣлается въ одно мгновеніе. За три или за четыре мили отъ границы, они отдыхаютъ два или три дня, въ скрытномъ мѣстѣ, и устроиваютъ войско, раздѣливъ оное на три отряда. Двѣ трети составляютъ главный корпусъ, по Татарски coсhe [43]), а одна треть образуетъ крылья — лѣвое и правое. Въ такомъ порядкѣ Татары устремляются на непріятельскую землю, и-

дутъ безъ отдыха день и ночь, не дѣлая опустошеній и останавливаясь не болѣе часа для корма лошадей. Отойдя 60 или 80 миль отъ границы, они поворачиваютъ назадъ: главный корпусъ отступаетъ въ томъ же порядкѣ, но крылья удаляются отъ него на 8 или 12 миль, частію въ сторону, а частію впередъ. Я забылъ упомянуть, что каждое крыло состоитъ изъ 8 или 10,000 всадниковъ и раздѣляется на 10 и 12 пятисотныхъ или шестисотныхъ отрядовъ, которые разсыпаются по деревнямъ, окружаютъ селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ, и чтобы не ускользнули жители, раскладываютъ по ночамъ большіе огни; потомъ грабятъ, жгутъ, рѣжутъ сопротивляющихся, уводятъ не только мущинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и проч; а ненавистныхъ Музульманамъ свиней загоняютъ въ овинъ, и поджигаютъ оный со всѣхъ четырехъ угловъ. Сіи отряды не смѣютъ удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находятъ по слѣдамъ, часа чрезъ четыре: ибо главный корпусъ, имѣя въ передней ширинѣ около 500 коней, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители — два свѣжія крыла отдѣля-

ются на право и на лѣво, грабятъ и опустошаютъ точно такъ же, какъ и первыя; потомъ возвращаются, а вмѣсто ихъ выходятъ на добычу новые отряды. Впрочемъ Татары, попеременно отправляясь на поиски, не ослабляютъ главнаго корпуса, который состоитъ изъ двухъ третей всей арміи, отступаетъ шагомъ, чтобы не утомить коней, во всегдашней готовности дать отпоръ Полякамъ, хотя и избѣгаетъ встрѣчи съ непріятелями. Для сего, вмѣсто отступленія по прежней дорогѣ, Татары описываютъ около оной дугу; тѣснимые Ляхами обороняются, но только тогда, когда вдесятеро сильнѣе непріятелей. Впрочемъ и въ семъ случаѣ не рѣшатся первые напасть на враговъ: ибо сіи разбойники (такъ по справедливости должно назвать Татаръ) вторгаются въ Польшу единственно для грабежа и опустошеній, а не для ратныхъ подвиговъ. Настигнутые Поляками, они отступаютъ уже не шагомъ. Разоривъ и опустошивъ область непріятельскую, Татары удаляются въ степи миль на 30 или на 40 отъ границы, останавливаются въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ и приводятъ въ порядокъ свое войско, если встрѣча съ Поляками разстроила оное. Во время сего роздыха, продолжающагося около недѣли, они собираютъ и дѣлятъ между собою добычу, состоящую изъ плѣнниковъ и домашняго скота.

и безчеловѣчное сердце тронется при прощаніи мужа съ женою, матери съ дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; а звѣрскіе Музульмане безчестятъ женъ и дѣвицъ въ глазахъ мужей и отцевъ; обрѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей; — однимъ словомъ, совершаютъ тысячи неистовствъ. Крики и пѣсни буйныхъ Татаръ, стоны и вопли несчастныхъ Русскихъ приведутъ въ трепетъ и звѣрскую душу. — Плѣнники отводятся въ Константинополь, Крымъ, Натолію и проч. Такимъ образомъ менѣе, нежели въ двѣ недѣли, захвативъ болѣе 50,000 жителей, Татары уводятъ ихъ, послѣ дѣлежа, въ улусы и продаютъ въ неволю.

Теперь опишемъ лѣтнія нападенія Татаръ на Польшу. — Войско многочисленное легко можетъ быть открыто въ сіе время года; а потому Татары отправляются на добычу только въ числѣ 10 или 20,000 всадниковъ, которые за 20, а иногда и за 30 миль отъ границы Польской, раздѣляются на 10 и 12 отрядовъ, въ 1000 лошадей каждый; растянувъ половину изъ нихъ вправо, а другую влѣво, они занимаютъ фронтомъ отъ 10 до 12 миль: ибо отряды удаляются другъ отъ друга на 1 или на 1½ мили. Смѣлые наѣздники высылаются на милю впередъ за языкомъ, и смотря по вѣстямъ, Татары располагаютъ

движенія свои. Въ таковомъ порядкѣ, не теряя сообщенія, отряды переходятъ степи и описавъ косвенную линію, подобно лучамъ, сходящимся въ одномъ пунктѣ, соединяются въ извѣстное время, на назначенномъ мѣстѣ, за 2 или за 3 мили отъ границы. Раздѣляются же на отряды для того, чтобы отчаянные Казаки, стерегущіе по степямъ на каждыхъ 2 или 3 миляхъ, не узнали настоящей силы ихъ. Витязи Украинскіе, открывъ враговъ, быстро отступаютъ, и о появленіи 1000 или 2000 Татаръ увѣдомляютъ пограничныхъ жителей, которые не опасаются столь слабаго непріятеля; но чрезъ нѣсколько дней, Татары всѣми силами налетаютъ на оплошныхъ и врываются въ пограничныя области, избирая дорогу обыкновенно между двумя большими рѣками, по вершинамъ побочныхъ рѣчекъ и протоковъ [44]); не задерживаемые въ набѣгѣ своемъ переправами, они грабятъ, опустошаютъ также, какъ и зимою, но удаляются отъ границы не болѣе 6 или 10 миль и чрезъ два дня уходятъ въ степи, гдѣ раздѣливъ добычу, возвращаются въ улусы. Сіи набѣги производятся Татарскою вольницею, живущею по Буджакской равнинѣ, между устьями Днѣстра и Дуная. Она не повинуется ни Хану Крымскому, ни Султану Турецкому. Въ мое время число бѣглецовъ,

или изгнанниковъ, въ Буджакѣ простиралось до 20,000. — Буджакскіе Татары, занимаясь безпрерывно войною, храбрѣе Крымскихъ и искуснѣе въ наѣздничествѣ. На равнинахъ между Буджакомъ и Украйною обыкновенно разъѣзжаютъ 8 или 10,000 человѣкъ сей вольницы, которые, раздѣляясь на отряды въ 1000 всадниковъ, удаленные одинъ отъ другаго на 10 или 12 миль, гарцуютъ по степямъ и ищутъ добычи. Посему Казаки, зная какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ оными въ таборѣ или въ караванѣ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; — сами же съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ идутъ посреди табора, а лучшіе наѣздники вокругъ онаго. — Сверхъ того, во всѣ четыре стороны, на $\frac{1}{4}$ мили, высылаютъ по одному Казаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель — стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается. Если Казаки откроютъ враговъ, то бьютъ ихъ; если же сами будутъ прежде замѣчены, Татары подкрадываются къ табору и незапно нападаютъ на оный. Потому-то въ этихъ степяхъ, по Италіянской пословицѣ, не обходимы и зоркій глазъ и добрыя ноги — bon piede bon oche. Случалось и мнѣ нѣсколько разъ, съ 50 или 60 Казаками, переходить степи. Татары на-

падали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 человѣкъ; но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ: ибо Татары только издали грозили нападеніемъ, не подъѣзжая однако на ружейный выстрѣлъ, и пустивъ чрезъ наши головы тучу стрѣлъ, — скрывались. Стрѣлы ихъ летятъ дугою, вдвое далѣе ружейной пули.

Намѣреваясь нечаянно разграбить какой нибудь караванъ, Буджаки употребляютъ весьма искусную хитрость: надобно замѣтить, что тамошнія степи покрываетъ густая, въ два фута вышиною, трава, которую при проѣздѣ не льзя не притоптать; посему опасаясь, чтобы слѣды не открыли числа и направленія отрядовъ и чтобы непріятели не пустились въ погоню, Татары поступаютъ слѣдующимъ образомъ: отрядъ человѣкъ въ 400 раздѣляется на 4 шайки; одна идетъ къ сѣверу, другая къ югу, третья къ востоку, четвертая къ западу. Однимъ словомъ каждая сотня слѣдуетъ особеннымъ путемъ, и прошедъ около $1\frac{1}{2}$ мили, раздѣляется еще на 3 шайки, въ 33 коня, которыя также расходятся въ разныя стороны, если не попрепятствуетъ какая нибудь рѣка; — чрезъ полмили снова раздѣляются на три части. Такимъ образомъ не болѣе 10 или 11 Татаръ остаются вмѣстѣ, какъ это яснѣе видно изъ приложеннаго чер-

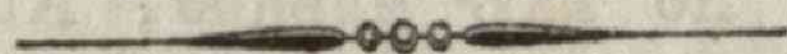
тежа [45]). Все это совершается скорѣе, нежели въ полтора часа, на всемъ скаку: иначе если Казаки откроютъ ихъ во время разсѣяннаго движенія, то никакая быстрота уже не поможетъ. Но хищники весьма опытны въ семъ маневрѣ и такъ хорошо знакомы со степями, какъ искусные лоцманы съ гаванью. Каждая шайка, въ 10 или 11 всадниковъ, идетъ степью произвольно, избѣгая только встрѣчи съ другими; миляхъ же въ 10 или въ 12 отъ мѣста раздѣленія, въ опредѣленное время, всѣ они сходятся въ какую нибудь лощину, гдѣ надѣются отыскать кормъ для лошадей своихъ и воду. Иные прямо идутъ къ мѣсту соединенія; другіе же, находясь отъ онаго далѣе, описываютъ дугу. — Трава, притоптанная 11 лошадьми, на другой день поднимается и слѣды изчезаютъ. Хищники скрываются въ лощинѣ нѣсколько дней, а потомъ врываются нечаянно въ одну изъ пограничныхъ деревень, грабятъ, опустошаютъ, забираютъ въ плѣнъ жителей и поспѣшно уходятъ въ степи. Татары изобрѣли хитрость сію съ намѣреніемъ обмануть Казаковъ, которые преслѣдуютъ ихъ неутомимо. Свѣдавъ о появленіи Татарской шайки и зная, что въ ней не болѣе 500 или 600 человѣкъ, 1000 или 1200 Казаковъ садятся на коней, ищутъ слѣдовъ непріятельскихъ, и по онымъ достигнувъ до

средины описаннаго нами круга, въ недоумѣніи останавливаются, не зная, гдѣ искать враговъ: ибо слѣды разходятся во всѣ стороны. Это заставляетъ ихъ возвратиться и объявить, что Татаръ не видали. Изъ сего понятно, какъ трудно отыскать хищниковъ. Казаки встрѣчаются съ ними случайно, во время роздыха или ночлега; но Татары всегда осторожны: имѣя глаза узкіе и слѣдовательно зрѣніе острое, они открываютъ насъ прежде, нежели мы ихъ завидимъ. Притомъ же хитрость, а не сила рѣшаетъ побѣду. Встрѣтясь другъ съ другомъ за часъ до заката солнечнаго, или чрезъ часъ по возхожденіи, враги подобно мореходцамъ, старающимся выиграть вѣтеръ, употребляютъ все искусство, чтобы стать спиною къ солнцу, дабы оно свѣтило въ глаза непріятелю. Если же Татары не въ силахъ отразить саблями натиска Поляковъ, — разсыпаются подобно мухамъ въ разныя стороны, пуская стрѣлы на всемъ скаку, и такъ мѣтко, что въ 60 и даже во 100 шагахъ попадаютъ въ непріятеля. Поляки не могутъ ихъ настигнуть, имѣя коней не столь быстрыхъ и поворотливыхъ, какъ Татарскіе; а Татары, отскакавъ на ½ мили, соединяются, встрѣчаютъ Ляховъ строемъ, и при нападеніи ихъ, снова разсыпаются, пуская стрѣлы по прежнему на всемъ

скаку чрезъ лѣвое плечо (чрезъ правое стрѣлять не умѣютъ). Наконецъ, утомивъ Поляковъ, принуждаютъ ихъ къ отступленію. Впрочемъ сей маневръ хищники употребляютъ только тогда, когда вдесятеро сильнѣе непріятелей: иначе, пустивъ стрѣлы, изчезаютъ. — Такимъ-то образомъ воюютъ въ сей землѣ!

Намъ остается еще описать переправы Татаръ чрезъ рѣки, величайшія въ Европѣ. Всѣ лошади ихъ умѣютъ плавать, особенно же въ сей холодной полосѣ, гдѣ вода тяжелѣе, нежели у насъ, во Франціи: ибо солнце не столь много очищаетъ ее. Я увѣренъ, что лошади Татарскія не такъ легко переплыли бы Сену, какъ онѣ переплываютъ Борисѳенъ; тамъ, по густотѣ воды, тяжесть тѣла уменьшается: это узналъ я на опытѣ. Для переправы чрезъ Днѣпръ, самую большую рѣку изъ Украинскихъ, Татарское войско выбираетъ мѣста съ отлогими берегами. Каждый Татаринъ связываетъ изъ камыша два пука, длиною въ 3 фута, а толщиною отъ 10 до 12 дюймовъ; сверху прикрѣпляетъ къ нимъ три поперечныя палки, на футъ одна отъ другой, а снизу жердь, которая идетъ съ угла на уголъ и привязывается къ лошадиному хвосту. Потомъ ставитъ на такой плотъ сѣдло, и раздѣвшись, складываетъ на оное одежду,

лукъ, стрѣлы, саблю; все сіе накрѣпко привязываетъ къ камышу. Послѣ сего нагой, съ плетью въ рукѣ, входитъ въ рѣку и погоняетъ лошадь; схвативъ одною рукою узду и гриву, безпрерывно понуждаетъ коня плетью, и не выпуская ни гривы, ни узды, разсѣкаетъ волны свободною рукою попремѣнно, то правою, то лѣвою [46]). Приближась къ противоположному берегу, когда вода станетъ доставать лошади только по брюхо, Татаринъ останавливаетъ ее, отвязываетъ отъ хвоста камышевый плотъ, и выноситъ оный на берегъ. Такимъ образомъ Татары переплываютъ чрезъ рѣки всѣ вдругъ — строемъ, который занимаетъ иногда вдоль по рѣкѣ около полумили. — Вотъ все, что могъ я узнать о Татарахъ.

ОБЪ УКРАИНСКИХЪ

КАЗАКАХЪ.

Я обѣщалъ описать выборъ Гетмана, походы Казаковъ на Черное море до самой Натоліи и войны ихъ съ Турками: исполняю свое обѣщаніе.

Казаки выбираютъ своего предводителя такимъ образомъ: старые полковники и посѣдѣлые воины, пользующіеся общимъ довѣріемъ, составляютъ кругъ и большинствомъ голосовъ назначаютъ въ предводители способнѣйшаго, по ихъ мнѣнію, Казака. Если избранный не охотно принимаетъ мѣсто, ему предлагаемое, отговариваясь неспособностью, неопытностью, или дряхлостью, — ему отвѣчаютъ, что онъ дѣйствительно не достоинъ чести быть Казацкимъ предводителемъ, и безъ околичностей убиваютъ его, какъ измѣнника, хотя умертвивъ невиннаго, Казаки сами дѣлаются предателями. Здѣсь кстати припомнить сказанное нами, при описаніи нравовъ,

о коварствѣ сего народа. Если же избранный принимаетъ Гетманство, то благодаритъ собраніе за сдѣланную ему честь, называетъ себя недостойнымъ оной, клянется заслужить ее трудами, попеченіями обо всѣхъ и каждомъ, готовностью во всякое время жертвовать жизнью за своихъ братій (такъ Казаки называютъ другъ друга). Слова сіи заглушаются крикомъ одобренія: ура! ура! Потомъ всѣ Казаки, одинъ за другимъ, подходятъ къ новому вождю и кланяются ему; онъ же даетъ имъ руку, въ знакъ обыкновеннаго Казацкаго привѣтствія. Такимъ-то образомъ выбирается вождь Казаковъ, не рѣдко въ степи необитаемой! Казаки слѣпо повинуются ему и называютъ его *Гетманомъ*. Власть Гетмана неограниченна; онъ имѣетъ право наказывать преступниковъ смертью, или сажать на колъ. Гетманы вообще весьма строги; но безъ согласія Рады, или военнаго совѣта, ничего не предпринимаютъ. Предводительствуя войскомъ, они должны помнить, что въ опасности обязаны отличиться умомъ, хитростью, храбростью, и сверхъ того остерегаться неудачи: ибо Казаки робкаго вождя умерщвляютъ какъ измѣнника, и на мѣсто его ставятъ новаго [47]). — Нѣтъ тягостнѣе и несчастнѣе должности Гетмана: въ семнадцатилѣтнюю службу мою въ Украйнѣ, ни одинъ

изъ нихъ не кончилъ жизни своей естественною смертью.

Задумавъ погулять на морѣ, Казаки испрашиваютъ дозволенія не у Короля, а у Гетмана; потомъ составляютъ Раду, т. е. военный совѣтъ, и выбираютъ походнаго Атамана[48]), такъ точно, какъ и главнаго вождя. Впрочемъ Атаманъ походный ставится на время. Послѣ сего они отправляются въ Войсковую Скарбницу—сборное свое мѣсто; строютъ тамъ челны, длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12, а глубиною въ 12 футовъ. Челны сіи безъ киля: дно ихъ состоитъ изъ выдолбленнаго бревна ивоваго или липоваго, длиною около 45 футовъ; оно обшивается съ боковъ на 12 футовъ въ вышину досками, которыя имѣютъ въ длину отъ 10 до 12, а въ ширину 1 футъ, и приколачиваются одна къ другой такъ точно, какъ при постройкѣ рѣчныхъ судовъ, до тѣхъ поръ, пока челнѣ не будетъ имѣть въ вышину 12, а въ длину 60 футовъ. Длина его постепенно увеличивается къ верху: это яснѣе видно изъ приложеннаго рисунка [49]). Наономъ можно замѣтить толстые канаты изъ камыша, которые обвиты лыками или боярышникомъ и, какъ связанные боченки, обхватываютъ челнъ отъ кормы до носа. Казаки отдѣлываютъ всѣ части своихъ лодокъ такимъ же образомъ, какъ

и наши плотники. Потомъ осмаливаютъ ихъ и придѣлываютъ къ каждой по два руля, чтобы не терять напрасно времени при поворотѣ своихъ длинныхъ судовъ, когда нужда заставитъ отступить. Челны Казацкіе, имѣя съ каждой стороны по 10 и 15 веселъ, плывутъ на греблѣ скорѣе Турецкихъ галеръ. Ставится также и мачта, къ которой привязываютъ въ хорошую погоду довольно плохой парусъ, но при сильномъ вѣтрѣ Казаки охотнѣе плывутъ на веслахъ. Челны не имѣютъ палубы; если же ихъ зальетъ волнами, то камышевые канаты предохраняютъ отъ потопленія. Сухари складываютъ въ бочки длиною въ 10, а въ поперечникѣ около 4 футовъ; — достаютъ ихъ чрезъ втулку. Сверхъ того, каждый Казакъ запасается горшкомъ вареннаго проса и горшкомъ теста, распущеннаго въ водѣ, которое они ѣдятъ, смѣшавъ съ просомъ. Тѣсто сіе, вкусомъ кисловатое, служитъ Казакамъ для пищи и для питья: называютъ его *саламатою*, т. е. лакомымъ кушаньемъ, хотя я не находилъ въ немъ большой пріятности, и употреблялъ оное въ путешествіяхъ только при недостаткѣ лучшей пищи. Казаки во время похода всегда трезвы, и если замѣшается пьяница, — Атаманъ тотчасъ приказываетъ выбросить его за бортъ; имъ не позволено также брать съ

собою водки: ибо трезвость считают необходимою при исполненіи своихъ предпріятій [50]).

Для отмщенія Татарамъ за разореніе Украйны, Казаки выбираютъ осеннее время; заранѣе отправляютъ въ Запорожье снаряды и запасы, необходимые для похода и для постройки челновъ. Въ Запорожьи сбирается отъ 5 до 6000 добрыхъ, хорошо вооруженныхъ Казаковъ, которые немедленно принимаются за постройку лодокъ. Не менѣе 60 человѣкъ, искусныхъ, какъ мы уже сказали, во всѣхъ ремеслахъ, трудятся около одного челна и отдѣлываютъ оный чрезъ 15 дней, такъ что въ двѣ или три недѣли изготовляютъ около 80 или 100 лодокъ, съ 4 или 6 фалконетами на каждой. На челнъ садится отъ 50 до 70 Казаковъ, изъ коихъ всякій имѣетъ саблю, двѣ пищали, 6 фунтовъ пороха, достаточное количество пуль и квадратъ; туда же кладутъ ядра для фалконетовъ и необходимые жизненные припасы. Походная одежда состоитъ изъ рубахи, двухъ шараваръ (одни для перемѣны), кафтана изъ толстаго сукна и шапки. — Вотъ какіе витязи садятся на летучій флотъ, приводящій въ трепетъ многолюдные города Натоліи!

Челны Казацкіе спускаются по Днѣпру и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ

другъ друга веслами; Атаманскій флагъ развѣвается впереди [51]). Турки обыкновенно заранѣе провѣдываютъ о намѣреніи Казаковъ, и чтобы удержать ихъ, разставляютъ галеры свои на устьѣ Днѣпровскомъ; но хитрые Казаки для выхода въ море избираютъ ночь самую темную, предъ новолуніемъ, а до того времени скрываются въ 3 или въ 4 миляхъ отъ устья, въ камышахъ, куда галеры Турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: онѣ стерегутъ Казаковъ только на устьѣ, и всегда безъ успѣха. Впрочемъ проѣздъ Казаковъ чрезъ Лиманъ не можетъ совершенно укрыться отъ стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу, до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ по берегамъ Натоліи, Булгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Казаки, пользуясь и временемъ и обстоятельствами, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра, причаливаютъ къ берегамъ Натоліи, и оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженные пищалями дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Натолію, не рѣдко на цѣлую милю отъ морскаго берега; потомъ немедленно возвра-

щаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе — на новые поиски. Есть надежда на успѣхъ, — вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ, — возвращаются съ добычею на родину; встрѣтятся ли имъ на морѣ Турецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ въ абордажъ. Открываютъ же непріятельскій корабль или галеру прежде, нежели Турки замѣтятъ ихъ челны, возвышающіеся надъ морскою поверхностью не болѣе $2\frac{1}{2}$ футовъ. Увидѣвъ въ дали корабль, Казаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце было у нихъ за спиною. За часъ до захожденія онаго на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ него, чтобы не упустить непріятеля изъ вида. Наконецъ въ полночь, по данному знаку, устремляются на врага: половина удальцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждетъ абордажа, и сцѣпившись съ Турецкимъ судномъ, въ одно мгновеніе входитъ на оное. Турки, изумленные нападеніемъ 80 или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ; а Казаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно, со всѣмъ его экипажемъ. Если

бы они умѣли правитъ морскими судами, то уводили бы съ собою и взятые корабли; но они еще не дошли до сего искусства. Наконецъ настаетъ время къ возвращенію на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ Днѣпровскомъ; но Казаки смѣются надъ этимъ, даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили число ихъ, или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ: они причаливаютъ въ заливѣ, въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ низкая лощина, длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на $\frac{1}{4}$ мили, покрывая ее водою не болѣе, какъ на полфута. Чрезъ сію лощину, постепенно возвышающуюся къ Днѣпру, Казаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200 или 300 человѣкъ, и чрезъ два или три дни, весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ Казаки избѣгаютъ сраженія съ Турецкими галерами, стоящими на устьѣ Днѣпровскомъ, близъ Очакова, возвращаются въ Войсковую Скарбницу и дѣлятъ тамъ добычу. Есть еще другая дорога для возвращенія въ Запорожье — чрезъ проливъ, раздѣляющій Таманъ отъ Керчи, по Донскому Лиману и по рѣкѣ Міусу [52]). Здѣсь они плывутъ вверхъ по Міусу покуда можно, а далѣе отъ сей рѣки до Тавча-

воды около мили идутъ волокомъ: Тавчавода впадаетъ въ Самару; Самара же изливается въ Днѣпръ выше Койдака. — Казаки рѣдко избираютъ сей путь, по отдаленности его отъ Запорожья. Правда они отправляются сею дорогою и на поиски, но только тогда, когда флотъ ихъ состоитъ изъ 20 или 25 челновъ, или когда Турки совершенно преграждаютъ имъ устье Днѣпровское.

Впрочемъ и Казаки въ свою очередь попадаются въ западню, если встрѣтятся съ Турецкими галерами среди бѣлаго дня — на открытомъ морѣ; тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются, какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удальцы теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но когда рѣшаются на битву, привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни, не трогаясь съ лавокъ, палятъ безпрерывно изъ пищалей; другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ своимъ товарищамъ; мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ Турковъ до ручной схватки. При всемъ томъ пушки наносятъ Казакамъ вредъ ужасный: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половины; за то привозятъ богатую добычу: Испанскіе реалы, Арабскіе цехины, ковры, парчу, бумажныя

и шелковыя ткани и иные драгоцѣнные товары. Вотъ главный ихъ промыселъ: они живутъ одною добычею; ибо возвратясь на родину, ничѣмъ не занимаются, а умѣютъ только пить и бражничать съ друзьями.

Казаки выходятъ на морскіе поиски послѣ Иванова дня, а возвращаются не позже первыхъ числъ Августа мѣсяца [53]).

Теперь опишемъ свадебные обряды жителей Украйны и скажемъ нѣсколько словъ о тамошнихъ любовныхъ свычаяхъ и обычаяхъ. Я увѣренъ, что слова мои многимъ покажутся любопытными и даже невѣроятными. Въ Украйнѣ, именно на перекоръ всѣмъ народамъ, не молодые люди сватаются за дѣвицъ, а дѣвицы предлагаютъ имъ руку и рѣдко не достигаютъ своей цѣли; имъ помогаетъ особеннаго рода суевѣріе, строго наблюдаемое, такъ что онѣ скорѣе получаютъ успѣхъ, нежели юноши, которые сами иногда рѣшались свататься на любимой ими дѣвицѣ. Сватовство же происходитъ слѣдующимъ образомъ: влюбленная красавица приходитъ къ суженому въ такое время, когда онъ и его родители находятся дома. Переступивъ чрезъ порогъ, она привѣтствуетъ ихъ, по обычаю Украинцевъ, словами: *помогай Богъ* [54]), — и садится; потомъ обращается къ плѣнившему ее молодому человѣку, называетъ его по име-

ни (Иваномъ, Ѳедоромъ, Дмитріемъ, Никитою: имена сіи самыя обыкновенныя въ Украйнѣ), и говоритъ ему: »по твоему лицу я вижу, что ты человѣкъ добрый, что жена »твоя будетъ счастлива и найдетъ добраго »Господаря [55]): прошу тебя на мнѣ жениться.« Съ подобными рѣчами она обращается къ отцу и матери, умоляя ихъ согласиться на бракъ. Если старики не даютъ согласія, или отговариваются молодостью сына, — дѣвица отвѣчаетъ имъ, что она не оставитъ ихъ дома, пока онъ не женится на ней, и что одна только смерть можетъ разлучить ее съ суженымъ. Сказавъ сіе, она требуетъ руки его неотступно и грозитъ не выходить изъ дома, если желаніе ея не будетъ исполнено. Чрезъ нѣсколько недѣль родители принуждены бываютъ не только согласиться на бракъ, но даже уговаривать сына полюбить дѣвицу, т. е. жениться на ней; а молодой человѣкъ, видя, съ какимъ упорствомъ дѣвица желаетъ ему добра, смотритъ на нее, какъ на будущую свою повелительницу, и неотступно проситъ у родителей дозволенія подарить ей любовь. Такимъ-то образомъ въ Украйнѣ дѣвицы скоро пристроиваютъ себя, принуждая отцевъ и матерей къ исполненію своего непремѣннаго требованія. Отказать имъ нельзя. По мнѣнію Украинцевъ не согласиться въ семъ слу-

чаѣ на просьбу дѣвицы, значитъ навлечь на свою голову гнѣвъ Божій, а на домъ несчастіе: ибо изгнаніемъ дѣвицы изъ жилища наносится оскорбленіе всему роду ея, который мститъ за оное. Притомъ же силу употребить не смѣютъ, опасаясь строгаго наказанія церковнаго, т. е. суровой епитимьи, большой денежной пени и всенароднаго безславія; и потому суевѣріе заставляетъ Украинцевъ по возможности избѣгать этого несчастія, которое по ихъ понятію, обратившемуся почти въ догматъ вѣры, бываетъ неминуемымъ слѣдствіемъ отказа въ желаніи дѣвицы. Сей обычай водится только между людьми равнаго состоянія, т. е. между земледѣльцами, которые всѣ почти одинаково богаты. Любовь закрадывается иногда въ сердца простаго селянина и дѣвицы благородной: тутъ помогаетъ ей слѣдующій обычай.

По деревнямъ Украйны всякое воскресенье и всякій праздникъ, крестьяне съ женами и дѣтьми сбираются послѣ обѣда въ корчму; мущины и замужнія женщины проводятъ время въ попойкѣ, а юноши и дѣвицы веселятся на лугу пляскою подъ дудку [56]). Туда приходитъ обыкновенно помѣщикъ съ семействомъ своимъ, чтобы посмотрѣть на забавы молодыхъ поселянъ; иногда же дозволяетъ имъ плясать предъ своими хоромами, гдѣ и самъ,

съ супругою и съ дѣтьми, принимаетъ участіе въ танцахъ. Надобно замѣтить, что въ Украйнѣ и Подоліи деревни обыкновенно окружены лѣсочками съ тайниками, гдѣ лѣтомъ жители укрываются отъ хищныхъ Татаръ. Сіи лѣсочки занимаютъ добрую полумилю въ ширину. Хотя земледѣльцы считаются крѣпостными, однакожь изстари пользуются правомъ и свободою похищать во время пляски благородныхъ дѣвицъ, даже дочерей своего помѣщика. Но въ семъ случаѣ проворство и расторопность необходимы: похититель непремѣнно долженъ ускользнуть съ добычею въ сосѣдній лѣсочикъ и скрываться тамъ не менѣе 24 часовъ. Только тогда прощаютъ дерзкому; иначе пропала его головушка. Если уведенная дѣвица пожелаетъ выйти за него замужъ, — онъ обязанъ, подъ смертною казнью, жениться на ней; если же нѣтъ, — похититель свободенъ отъ наказанія. Нерасторопному или открытому прежде истеченія сутокъ, безъ околичностей отсѣкаютъ голову. Впрочемъ въ 17 лѣтъ, проведенныхъ мною въ Украйнѣ, не случалось мнѣ ни разу слышать о такомъ похищеніи. Я видалъ, какъ дѣвицы искали себѣ мужей и какъ онѣ успѣвали въ своемъ намѣреніи, при помощи средствъ, выше мною описанныхъ; но увести дѣвицу благородную слишкомъ опас-

но: чтобы похитить ее насильно въ глазахъ всего общества и скрыться съ нею, надобно имѣть добрыя ноги, и сверхъ того, предварительное согласіе самой дѣвицы. Получить же ея согласіе довольно трудно: земледѣльцы впали теперь въ презрѣніе; а дворяне сдѣлались властолюбивѣе и надменнѣе. Вѣроятно, что право похищать благородныхъ дѣвицъ дано было земледѣльцамъ въ тѣ времена, когда Поляки избирали въ Короли того, кто быстрѣе всѣхъ умѣлъ бѣгать босикомъ [57]), думая, что такой человѣкъ есть самый храбрый и умный, какъ будто храбрость и умъ зависятъ отъ проворства и быстроты ногъ. Съ того же времени, мнѣ кажется, вошло у Польскаго дворянства въ обычай обязывать Короля, на другой день послѣ его избранія, клятвою не брать подъ стражу дворянина ни за какія преступленія, исключая преступленій Государственныхъ и оскорбленія Величества, — если пройдетъ 24 часа послѣ совершенія проступка. Поляки вѣроятно хотѣли симъ показать уваженіе свое къ людямъ, одареннымъ отъ природы скоростью и быстротою. Это замѣтно и теперь: они цѣнятъ только быстроту коня и платятъ за оную безъ счету. Такое пристрастіе, кажется, происходитъ отъ того, что добрый конь легко настигаетъ бѣгущаго врага и еще легче выноситъ всадника изъ опасности.

Свадьбу играютъ въ Украйнѣ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, созвавъ нѣсколько юношей и дѣвицъ, посылаютъ ихъ къ своимъ родственникамъ съ приглашеніемъ на *весельє*, т. е. на свадьбу; а въ знакъ сей обязанности даютъ имъ по цвѣточному вѣнку, (который надѣвается на руку), съ росписаніемъ всѣхъ особъ, приглашаемыхъ на праздникъ. Молодежь идетъ попарно, имѣя впереди одного молодца, который держитъ въ рукѣ тростъ, и отъ имени всѣхъ, говоритъ привѣтствіе и приглашеніе. Не буду описывать кушаньевъ, подаваемыхъ на свадьбѣ; скажу только, что невѣсту наряжаютъ къ вѣнцу въ предлинное суконное платье кофейнаго цвѣта, съ широкою на груди опорочкою изъ полушелковой матеріи и съ огромными фижмами, отъ коихъ оно раздувается во всѣ стороны. На головѣ не бываетъ никакого убора, кромѣ цвѣточнаго вѣнкà; волосы разсыпаются по плечамъ; грудь и шея закрыты; видно только лице. Отецъ, братъ, или ближній родственникъ, ведетъ невѣсту въ церковь; впереди ихъ идутъ двое музыкантовъ съ дудкою и скрипкою; по совершеніи обряда вѣнчанія, одинъ изъ родственниковъ беретъ молодую за руку и отводитъ домой съ тою же музыкою. Ни слова не скажу о свадебныхъ увеселеніяхъ, которыя въ Украйнѣ такъ же странны, какъ и въ дру-

тихъ земляхъ; замѣчу только, что тамъ, на брачныхъ пирахъ, врожденная страсть къ вину преступаетъ всѣ предѣлы умѣренности. Помѣщики дозволяютъ крестьянамъ къ свадьбѣ и крестинамъ варить пиво: это доставляетъ имъ возможность, безъ лишнихъ издержекъ, пить сколько душѣ угодно. Въ другое же время крестьяне должны покупать пиво на господскихъ пивоварняхъ.

Когда наступитъ время положить новобрачную въ постель, родственницы жениха уводятъ ее въ спальню, раздѣваютъ до нага и осматриваютъ со всѣхъ сторонъ, даже волосы, уши, ножные пальцы, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли у нея иголки или хлопка бумаги, напитаннаго краснымъ сокомъ, и если найдутъ что либо похожее — страшная суматоха поднимается на свадебномъ пиру; если же нѣтъ ничего — надѣваютъ на молодую совершенно бѣлую и новую бумажную рубаху; потомъ, положивъ ее въ постель, вводятъ скрытно новобрачнаго. Занавѣсъ у постели задергивается; всѣ почти гости сбираются въ спальню, мужчины съ кубками въ рукахъ пляшутъ подъ дудки, а женщины бьютъ въ ладоши, подплясывая, до тѣхъ поръ, пока не совершится брачный союзъ. Буде молодая подаетъ какой либо знакъ удовольствія, всѣ гости прыгаютъ отъ радости, бьютъ въ ладо-

ни и поднимаютъ веселый крикъ. Между тѣмъ родственницы молодаго караулятъ у постели, прислушиваются . . . . . потомъ отдергиваютъ занавѣсъ, надѣваютъ на молодую бѣлую рубаху, и если замѣтятъ на прежней знаки цѣломудрія, разглашаютъ о томъ по всему дому; — веселье льется рѣкою. Въ знакъ же того, что молодая уже принадлежитъ къ числу женщинъ, надѣваютъ ей на голову кичку: ибо однѣ только замужнія могутъ покрывать голову; дѣвицы всегда ходятъ простоволосыя и за стыдъ почли бы надѣть кичку.

На другой день комедія еще забавнѣе; она покажется даже невѣроятною для не видавшихъ ее: сквозь рукава рубахи, снятой съ молодой и вывороченной на изнанку, продѣваютъ палку и носятъ ее по городу съ торжествомъ, какъ почетное знамя, свидѣтельствующее о знаменитой битвѣ, чтобы весь народъ удостовѣрился въ цѣломудріи молодой и въ мужествѣ молодаго. Гости слѣдуютъ за оным съ музыкою, пѣснями и плясками; юноши ведутъ подъ руки дѣвицъ, бывшихъ на свадьбѣ; народъ толпится и провождаетъ церемонію до самаго дома новобрачныхъ.

Если же на рубахѣ не найдутъ знаковъ цѣломудрія, — пиршество останавливается, мужчины бросаютъ кубки, женщины прерываютъ пѣсни, и пристыженные родственники

молодой должны терпѣть всякаго рода оскорбленія. Однимъ словомъ, весь домъ становится вверхъ дномъ: бьютъ горшки, въ которыхъ варились кушанья, бросаютъ на полъ глиняныя кружки, изъ коихъ пили; на матъ новобрачной надѣваютъ хомутъ, и посадивъ ее на мѣсто почетное, напѣваютъ самыя оскорбительныя пѣсни и подносятъ ей пить изъ черепка, съ упреками въ нерадѣніи о дочерней чести. Наконецъ, сказавъ ей все, что на умъ ни придетъ, гости расходятся по домамъ, досадуя на столь непріятное приключеніе, а пристыженные родственники молодой запираются на нѣсколько дней въ домахъ своихъ. Что касается до молодаго, то въ его волѣ жить съ женою, или вытолкать ее изъ дома. Рѣшась на первое, онъ долженъ перенести всѣ оскорбленія, какія захотятъ ему сдѣлать.

Впрочемъ надобно отдать справедливость Украинскимъ дѣвицамъ. Хотя свобода пить водку и медъ, могла бы довести до соблазна; но торжественное осмѣяніе и стыдъ, коимъ подвергаются онѣ, потерявъ цѣломудріе, удерживаютъ ихъ отъ искушенія.

Прежде, нежели кончимъ главу сію, опишемъ обряды, наблюдаемые жителями во время Пасхи. Въ Страстную субботу всѣ идутъ въ *церковь*, для присутствованія при церемо-

нiи, которая состоитъ въ томъ, что кладутъ въ гробъ изображенiе Спасителя и потомъ вынимаютъ оное съ большимъ торжествомъ. Послѣ сего мужчины и женщины, юноши и дѣвицы, преклонивъ колѣна предъ *Владыкою*, т. е. Епископомъ, подаютъ ему по яйцу, росписанному красною или желтою краскою, говоря: »Христосъ воскресъ«; Епископъ, взявъ яйцо, отвѣчаетъ: »во истину воскресъ« [58]) и цѣлуетъ женщинъ и дѣвицъ. Такимъ образомъ, Господинъ Владыка менѣе, нежели въ два часа, получаетъ болѣе пяти или шести тысячъ яицъ и имѣетъ удовольствiе перецѣловать всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и дѣвушекъ. Правда, это удовольствiе сопряжено съ непрiятностью лобызать и старушекъ, однакожъ Владыка умѣетъ отличать ихъ отъ молодыхъ и всѣмъ несмазливымъ рожицамъ даетъ цѣловать только руку свою [59]). Митрополитъ Могила, глава всѣхъ Украинскихъ Епископовъ, исполняетъ обрядъ сей въ Кiевѣ такъ же, какъ и самый бѣдный сельскiй Священникъ, который по Малороссiйски называется Господиномъ [60]).

Въ продолженiе осьми дней, не льзя выйти изъ дома безъ добраго запаса крашеныхъ яицъ, чтобы христосоваться оными со всѣми друзьями. Украинцы, встрѣтивъ на улицѣ знакомаго или знакомую, говорятъ »Христосъ вос-

кресъ«, и получивъ въ отвѣтъ »во истину воскресъ«, даютъ яйцо, обнимаются и цѣлуются; получившій яйцо съ своей стороны обязанъ отплатить тѣмъ же и съ тою же церемоніею.

Утромъ, на другой день Пасхи, новая забава: молодые люди толпами разгуливаютъ по улицамъ, ловятъ встрѣчающихся дѣвицъ, ведутъ плѣнницъ къ колодцу и обливаютъ съ головы до ногъ 5 или 6 ведрами воды, такъ что на бѣдненькихъ не остается сухой нитки. Эта забава дозволяется только до полудня.

Во вторникъ настаетъ очередь для дѣвицъ, которыя мстятъ шалунамъ съ бо́льшею хитростью: притаившись въ какомъ нибудь домѣ и приготовивъ кружки съ водою, онѣ ставятъ на караулъ дѣвочку, которая, при появленіи молодаго человѣка, подаетъ знакъ; дѣвицы выбѣгаютъ изъ засады и ловятъ его съ ужаснымъ крикомъ, на который сбѣгаются подруги ихъ изъ сосѣднихъ домовъ. Двѣ или три сильныя дѣвицы держатъ молодца за руки, а прочія окачиваютъ его водою изъ кружекъ, и не прежде отпускаютъ, какъ порядочно выкупавъ. Это забава молодежи: мужчины же веселятся иначе. Утромъ въ понедѣльникъ, крестьяне отправляются гурьбою съ поздравленіемъ къ своему помѣщику, кото-

рый встрѣчаетъ ихъ, какъ благочестивый Христіанинъ. Они подходятъ къ нему одинъ за другимъ, съ низкими поклонами, и подносятъ по курицѣ или по другой какой либо дворовой птицѣ. Господинъ, въ знакъ благодарности, приказываетъ выкатить на господскій дворъ бочку водки для угощенія крестьянъ, и когда они станутъ около нея въ кружокъ, беретъ большую кружку, наполняетъ ее виномъ и подчуетъ старшаго изъ крестьянъ, а тотъ, выпивъ до дна, передаетъ кружку сосѣду. Такимъ образомъ чаша круговая обходитъ пирующихъ до тѣхъ поръ, пока они не осушатъ бочки. Если крестьяне опорожнятъ ее прежде вечера (что случается не рѣдко), господинъ приказываетъ выкатить другую: ибо онъ обязанъ угощать крестьянъ своихъ до захожденія солнца, если только они устоятъ на ногахъ. Съ солнечнымъ закатомъ, звуки колокола даютъ гостямъ знать, что пора расходиться: тѣ, которые могутъ еще держаться на ногахъ, — плетутся домой; другіе ложатся среди улицъ и тамъ почиваютъ, если жена или дѣти не позаботятся отнести ихъ на носилкахъ; иные же спятъ до просыпа на господскомъ дворѣ. Отвратительно смотрѣть на сихъ пьяницъ, которые, не проглотивъ куска хлѣба, напиваются, и какъ свиньи валяются въ нечистотѣ [61]). Разъ видѣлъ я,

какъ одного изъ сихъ несчастныхъ везли мертваго на телѣгѣ, хотя не было еще и двухъ часовъ по полудни. Этотъ странный обычай губитъ многихъ преждевременно, и при всемъ томъ у Казаковъ безпрестанно вертится на языкѣ грубая пословица: коли не напиваться до пьяна, такъ лучше пить воду. Трезвый Казакъ съ трудомъ засыпаетъ послѣ обѣда, но пьяный спитъ такъ крѣпко, что на утро ничего не помнитъ о днѣ прошедшемъ; теряетъ въ винѣ разсудокъ, и только по виду походитъ на человѣка. Въ такомъ положеніи Украинцы ни чѣмъ не дорожатъ, и если кто хочетъ выманить подарокъ, то обыкновенно избираетъ для сего попойку: пьяные Малороссіяне весьма щедры. Гость показываетъ видъ, что пьетъ отъ души съ хозяиномъ; замѣтивъ же дѣйствіе водки, проситъ ту вещь, которая ему понравилась, и получивъ оную, немедленно отсылаетъ домой. На утро хозяинъ, не помня о прошедшемъ днѣ, удивляется, не находя подаренной вещи, тужитъ, жалѣетъ о своей щедрости и утѣшается только мыслію, что и самъ вознаградитъ потерю свою такою же хитростью.

Разговорясь о нашихъ Казакахъ или Русскихъ, разскажемъ все, что только сохранила память наша, какъ они поступаютъ въ различныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жиз-

ии. Взглянемъ во первыхъ на ихъ медицину. Я видѣлъ Казаковъ, которые, чтобы избавиться отъ лихорадки, разводили въ чаркѣ пѣннаго вина ползаряда пороха, выпивали смѣсь сію, ложились спать и на утро вставали въ добромъ здоровьи. Кучеръ мой нѣсколько разъ прогонялъ лихорадку симъ лекарствомъ, которое вѣроятно не понравится Господамъ Медикамъ и Аптекарямъ. Иные мѣшаютъ пепелъ съ виномъ: дѣйствіе тоже. Часто видалъ я, какъ Казаки, уязвленные стрѣлами, по недостатку хирурговъ, сами покрывали свои раны небольшимъ количествомъ земли, растертой на рукѣ со слюною: сіе простое средство вылечивало ихъ не хуже драгоцѣннаго бальзама. Это доказываетъ, что нужда стольже изобрѣтательна въ Украйнѣ, какъ и въ другихъ земляхъ, и напоминаетъ мнѣ одного Казака, который на берегѣ Самары варилъ уху въ деревянномъ ковшѣ (ковшъ сей Поляки и Казаки возятъ за арчакомъ для поенія лошадей). Казакъ, раскаливъ голыши, бросалъ ихъ въ ковшъ, повторяя сіе до тѣхъ поръ, пока вода закипѣла и рыба сварилась: средство съ перваго взгляда довольно глубое, но оно показываетъ умъ изобрѣтательный.

Кажется выше упомянули мы о гоздекѣ: скажемъ еще нѣсколько словъ объ ономъ. Одер-

жимые сею болѣзнью, которую Французы называютъ колтуномъ [62]), круглый годъ чувствуютъ сильное разслабленіе въ членахъ, и отъ нестерпимой боли нервъ, стонутъ безпрерывно. По прошествіи года, на головѣ больнаго въ одну ночь выступаетъ сильный потъ, волосы склеиваются, скатываются въ клочки и походятъ на хвостъ трески рыбы. Тогда только больной получаетъ облегченіе и чрезъ нѣсколько дней совершенно оправляется; но видъ волосъ его отвратителенъ: разчесать ихъ невозможно. Если больной острижетъ клочки, прежде истеченія двухъ дней; то соки, которые выходили порами волосъ, приступаютъ къ глазамъ и несчастный теряетъ зрѣніе.

Болѣзнь сія въ Украйнѣ почитается неизлечимою; но я многихъ исцѣлялъ отъ оной тѣми же средствами, которыми во Франціи лечатъ отъ болѣзни венерической. Иногда одержимые гоздекомъ отправляются на время въ чужіе края, и съ перемѣною климата, нечувствительно исцѣляются. Впрочемъ болѣзнь сія неприлипчива, если пьешь изъ одного сосуда съ больнымъ; но сообщается мужемъ женѣ и на оборотъ. Врачи Украинскіе различаютъ женскій гоздекъ отъ мужскаго и утверждаютъ, что старыя бабы портятъ людей, давая имъ ѣсть какія-то травы, или окуривая парами, отъ

чего мозгъ въ головѣ повреждается, а вскорѣ является и болѣзнь. Иногда и дѣти родятся съ волосами слипшимися, но это добрый знакъ: ибо волосы младенца распутываются съ лѣтами и можно быть увѣрену, что къ нему никогда не придетъ гоздекъ [63]).

Берега Днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною въ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ Казацкимъ *пологомъ*, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому, что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала чрезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня. Казаки защищаются отъ мошекъ пологомъ. Сія палатка дѣлается такимъ образомъ: вырубивъ 15 орѣховыхъ вилъ, толщиною въ палецъ, а длиною около 2½ футовъ, втыкаютъ оныя въ землю, одна отъ другой на 2 фута; на вилы кладутъ пять перекладинъ вдоль и пять поперегъ, привязывая ихъ бичевками. Сверху накидывается нарочно для сего сдѣланное

полотно, которое закрываетъ не только верхъ и бока, но спускается на одинъ футъ на землю: концы сіи подгибаются подъ постель для того, чтобы мошки не залетали въ палатку. Въ пологѣ безъ труда могутъ лежать два человѣка. Впрочемъ одни только начальники спятъ подъ защитою пологовъ: ибо не всякій Казакъ въ состояніи имѣть такую небольшую палатку. Во время дождя пологъ закрывается полостью: все это гораздо понятнѣе изъ рисунка [64]). Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство — прогонять ихъ дымомъ; для сего надобно содержать постоянный огонь.

А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. — пологъ, накрытый полотномъ; З. И. І. К. двѣ вилы, на коихъ лежитъ перекладина И. І, поддерживающая непромокаемую Турецкую полость, сотканную изъ крѣпко-ссученыхъ нитокъ: полость сія служитъ крышею для палатки.

Отъ мошекъ перейдемъ къ Саранчѣ. Безчисленное множество оной въ Украйнѣ припоминаетъ мнѣ наказаніе, низпосланное Всевышнимъ на Египетъ, при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украйну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину и

на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юговосточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ: гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, — тамъ чрезъ два часа не остается ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени: ибо въ Октябрѣ мѣсяцѣ она умираетъ, но прежде смерти каждое насѣкомое кладетъ въ землю до 300 яицъ, изъ коихъ въ слѣдующую сухую весну выводится бездна саранчи. Если во время ея вывода случатся дожди, — она погибаетъ, и Украйна избавляется отъ опустошенія на цѣлый годъ, развѣ только вѣтръ принесетъ новыя тучи ея изъ Татаріи. Нѣтъ словъ для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ,— все поле покрывается ею и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растѣнія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время изчезаетъ свѣтъ солнца и небо

покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новгродѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новгрода весною и не могла еще хорошо летать; но покрывала землю и наполняла воздухъ, такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Домы, конюшни, даже клѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сію незваную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, — но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ они кидались въ лице, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ тужь минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, что бы судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ

въ двѣ недѣли окрестности Новогрода и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу слоемъ, на четыре дюйма въ толщину, — такъ что лошади наши остановились и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностію пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. — Саранча живетъ не болѣе 6½ мѣсяцевъ, но расплождается и на слѣдующій годъ: Октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея; тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму, и положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ, не истребляютъ зародышей; весною же, въ половинѣ Апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность

лешашь; до шого же времени опходишъ не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ полетъ свой по вѣтру: постоянный вѣтръ сѣверозападный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ бичь сей по Украйнѣ. Если весною, при возрожденіи саранчи, въ продолженіе 8 или 10 дней случится погода дождливая, то всѣ зародыши погибаютъ. Равнымъ образомъ и лѣтомъ осьми или десятидневный безпрерывный дождь, останавливая полетъ саранчи, истребляетъ ее и избавляетъ Украйну отъ опустошеній. Впрочемъ лѣто въ Украйнѣ обыкновенно сухое и жители страдаютъ отъ саранчи до Октября мѣсяца. Вотъ что замѣчено мною въ долговременное пребываніе въ Украйнѣ о семъ насѣкомомъ! Оно бываетъ толщиною въ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ 3 до 4 дюймовъ. Люди, свѣдущіе въ языкѣ Халдейскомъ, разсказывали мнѣ, что на крыльяхъ саранчи Халдейскими буквами начертана надпись: *Гнѣвъ Божій*. Предоставляю судить о справедливости сего знатокамъ языка Халдейскаго [65]).

Теперь перейдемъ къ описанію весьма замѣчательнаго звѣрка, который водится по ту сторону Днѣпра, между впадающими въ оный рѣками — Сулою и Запоемъ. Жители называютъ его Байбакомъ [66]). Видомъ и ве-

личиною онъ походитъ на Варварійскаго кролика; имѣетъ четыре зуба: два въ верхней челюсти и два въ нижней; цвѣтомъ и шерстью сходствуетъ съ барсукомъ; живетъ въ норахъ, и подобно кроликамъ, спитъ тамъ съ Октября мѣсяца по Апрѣль; весною выходитъ изъ норъ, бѣгаетъ по полямъ и запасается на зиму кормомъ. Зимній сонъ его очень продолжителенъ. Байбаки весьма домовиты и готовятъ кормъ по инстинкту; можно даже сказать, что они имѣютъ у себя невольниковъ: ибо лѣнивыхъ своихъ товарищей кладутъ на спину и наваливаютъ имъ на брюхо сухихъ листьевъ, которые звѣрки обхватываютъ лапками, или лучше сказать руками, (лапы сихъ животныхъ похожи на руки почти такъ же, какъ у обезьянъ); потомъ тащутъ невольниковъ къ норѣ за хвосты, какъ будто бы сани, и заставляютъ ихъ переносить въ норы листья. Часто я заставалъ байбаковъ за сею работою, проводя изъ любопытства цѣлые дни въ наблюденіи за ними; разрывалъ даже жилища ихъ и находилъ множество норъ, разбитыхъ на небольшіе покойчики, изъ коихъ нѣкоторые служили житницами, другіе гробницами и кладбищами для хороненія умершихъ, а иные не извѣстно для какого употребленія. Восемь или десять домиковъ находились вмѣстѣ, и каждый звѣрокъ

имѣлъ въ нихъ свой отдѣльный покойчикъ. Байбаки наблюдаютъ у себя строгую полицію; республика ихъ ни сколько не уступаетъ республикѣ пчелъ и муравьевъ, о коихъ такъ много было писано. Всѣ вообще байбаки гермафродиты. Молодые звѣрки, пойманные въ Маѣ мѣсяцѣ, легко дѣлаются ручными; на рынкѣ они продаются по одному су или по 6 ліардовъ. Я многихъ изъ нихъ выростилъ: прекрасные звѣрки сіи доставляютъ такое же удовольствіе, какъ обезьяны и бѣлки, и питаются одинаковою съ ними пищею.

Я забылъ упомянуть, что байбаки весьма хитры: они выходятъ изъ норъ для сбиранія корма не иначе, какъ поставивъ караульнаго на возвышеніи. Замѣтивъ кого нибудь, караульный становится на заднія лапки и свиститъ; байбаки скрываются въ норы, куда спѣшитъ за ними и стражъ ихъ. Въ норахъ остаются они до того времени, пока люди не уйдутъ. — Рѣка Сула отстоитъ на 6 миль отъ Запоя, а Днѣпръ протекаетъ на 15 или 20 миль отъ границы Московской: тамъ только и водятся байбаки; они изрыли землю подобно муравейнику, такъ что опасно по ней ѣздить верхомъ: ибо лошадь можетъ переломать въ норахъ ноги. Это несчастіе случалось не одинъ разъ и съ моимъ конемъ. Крестьяне ловятъ байбаковъ въ Маѣ или въ Іюнѣ мѣсяцахъ слѣ-

дующимъ образомъ: поставивъ надъ норою мѣшокъ или сѣть, они вливаютъ въ нору отъ пяти до шести ушатовъ воды; байбаки, выжитые водою, попадаются въ сѣть. — Впрочемъ и ручные звѣрки не забываютъ своей натуры: съ наступленіемъ Октября мѣсяца, они зарываются въ домахъ, и вѣроятно проспали бы тамъ около полугода, подобно сонямъ и суркамъ, если бы не будить ихъ. Бывшіе у меня байбаки спали иногда болѣе двухъ недѣль; я отыскивалъ нору ихъ, но они становились уже дикими.

Въ Украйнѣ водится родъ перепелокъ съ голубыми ногами: мясо ихъ смертельно.

По степямъ, около Днѣпровскихъ пороговъ, встрѣчалось мнѣ животное, которое по Русски называется Сугакомъ. Величиною оно съ козу, ноги имѣетъ весьма тонкія, на головѣ два рога бѣлые и лоснящіеся, шерсть мягкую, гладкую и нѣжную, какъ атласъ, когда животное линяетъ. Въ послѣдствіи она принимаетъ цвѣтъ каштановый и грубѣетъ, но все мягче козиной. Не имѣя носовой кости, сугакъ можетъ щипать траву не иначе, какъ пятясь назадъ. Я пробовалъ его мясо: вкусомъ оно не уступаетъ козлятинѣ; рога же сугака бѣлые, гладкіе, лоснящіеся и теперь храню, какъ рѣдкость.

По степямъ Украинскимъ разгуливаютъ

цѣлыми стадами олени, лани, сайги; попадаются также кабаны величины необыкновенной. Дикія лошади ходятъ табунами отъ 50 до 60 головъ; не рѣдко онѣ заставляли насъ браться за оружіе: издали мы принимали ихъ за Татарскую конницу. Впрочемъ дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться ручными, но также ни къ чему не годны, развѣ только для пищи: мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины, впрочемъ на мой вкусъ не такъ пріятно. Смачность его Украинцы заглушаютъ пряностями, которыми изобильно приправляютъ всѣ свои кушанья: они ѣдятъ перецъ какъ горохъ. Дикую лошадь усмирить невозможно — она полезна только для мяснаго ряда, гдѣ конина продается вмѣстѣ съ говядиною и бараниною. Впрочемъ дикіе кони разбиты на ноги: копыта ихъ разростаются, дѣлаются толстыми (ибо никто не обрѣзываетъ ихъ) и не дозволяютъ лошади быстро скакать. Такимъ образомъ конь, непокорный волѣ смертнаго, лишается быстроты своей — ясное доказательство Божественнаго Провидѣнія, которое предназначило животное сіе на службу человѣка!

По берегамъ Днѣпра водятся птицы съ такими огромными шеями, что онѣ могутъ въ своихъ зобахъ, какъ будто въ садкѣ, дер-

жать живую рыбу и доставать ее оттуда себѣ на пищу [67]). — Подобныхъ птицъ видалъ я въ Западной Индіи. Изъ другихъ пернатыхъ — журавль самая замѣчательная и самая обыкновенная птица.

Буйволовъ и вообще крупнаго скота много по границѣ Московской; тамъ же водятся бѣлые зайцы и дикія кошки. — На предѣлахъ Валахіи попадаются длинношерстныя овцы, съ короткими, но широкими треугольными хвостами, которые имѣютъ 10 дюймовъ въ поперечникѣ и столько же въ длину. Сіи хвосты состоятъ изъ превосходнаго жира и вѣсятъ иногда болѣе 10 фунтовъ.

Вельможи имѣютъ прекрасныхъ лошадей тарантоватыхъ, т. е. испещренныхъ какъ леопарды; ихъ запрягаютъ въ кареты, когда нужно ѣхать ко двору.

Главный недостатокъ Украйны — въ соли, которая привозится изъ Покуціи, области Польской, лежащей на границахъ Трансильваніи, въ 80 или 100 миляхъ отъ Украйны. Всѣ источники Покуціи имѣютъ воду соленую, изъ которой соль вывариваетса такимъ же образомъ, какъ и у насъ во Франціи. Жители дѣлаютъ изъ нея родъ небольшихъ хлѣбовъ, толщиною въ дюймъ, а длиною около двухъ дюймовъ; 300 таковыхъ хлѣбовъ продаются по одному су. Соль, добываемая въ Покуціи,

имѣетъ вкусъ пріятный, но крѣпостью уступаетъ Французской. Добываютъ соль также изъ ольховой и дубовой золы и называютъ Коломеемъ; съ хлѣбомъ она весьма пріятна. — Не далеко отъ Кракова, въ Величкинскихъ копяхъ, находится соль каменная, чистая какъ кристалъ.

Кромѣ того въ Украйнѣ недостаетъ хорошей воды: этому обстоятельству, по мнѣнію моему, отчасти должно приписать болѣзнь колтунъ.

Хотя Украйна лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однакожъ стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки, или другія части тѣла [68]). Въ сихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зараждается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль столь же мучительную, какъ и болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украйнѣ гибельна не менѣе огня. — Вереды сначала бываютъ въ горошину, но

чрезъ нѣсколько дней, иногда чрезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который послѣ того отваливается. Двое изъ моихъ знакомыхъ лишились такимъ образомъ самаго чувствительнаго органа.

Обыкновенно стужа обхватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною: ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется, и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи; тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало по малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпенѣніе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если же сберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники васъ разбудятъ, — жизнь ваша спасена. Случалось и мнѣ стоять на прагѣ смерти: я засыпалъ отъ холода, но слуги мои, крѣпкіе тѣлосложеніемъ и привычные къ стужѣ, нѣсколько разъ расталкивали меня соннаго. — Другіе умираютъ не такъ

скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и обхватываетъ поясницу; всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, на примѣръ бульёнъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми; стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности его раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; замѣчу только, что нѣкоторые любопытные Украинцы, желая узнать, отъ чего болѣзнь сія столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обозженными и какъ будто бы склеившимися. Это убѣдило ихъ, что подобныя болѣзни неизцѣлимы и что больной стонетъ и кричитъ день и ночь безпрестанно, по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляется антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна.

Въ 1646 году, когда Польская армія всту-

пила въ Московскіе предѣлы, для пресѣченія возвратнаго пути Татарамъ и освобожденія плѣненныхъ ими жителей, — жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2000 человѣкъ, изъ коихъ многіе погибли описанною нами мучительною смертью, другіе же возвратились калеками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей, хотя онѣ и покрѣпче насъ: во время похода пало ихъ болѣе тысячи, въ томъ числѣ шесть лошадей подъ кухнею Генералъ Лейтенанта Потоцкаго, бывшаго въ послѣдствіи Коронным Гетманомъ и Кастеляномъ Краковскимъ. Стужа захватила насъ близъ рѣки Мерлы, впадающей въ Днѣпръ [69]. Въ Украйнѣ защищаютъ себя отъ оной единственно тѣмъ, что укутываются въ теплую одежду и запасаются разными вещами, предохраняющими отъ холода. Что касается до меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ, или волчьею шубою; лице же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ также и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ. Сими предосторожностями, съ Божьею помощью, я избавился отъ несчастій, мною описанныхъ. Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру Украинцевъ, которые при

раза въ день ѣдятъ родъ похлебки изъ горячаго пива съ масломъ, перцомъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода.

ОБЪ ИЗБРАНІИ КОРОЛЕЙ
ПОЛЬСКИХЪ.

По смерти Сигизмунда III, Архіепископъ Гнѣзненскій, заступившій мѣсто Короля, назначилъ конвокаціонный сеймъ. На этотъ сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ подъ его предсѣдательствомъ, чрезъ двѣ или три недѣли по кончинѣ Государя, явились всѣ Сенаторы: условясь о времени и мѣстѣ Королевскаго избранія, они разъѣхались по своимъ воеводствамъ, для созванія частныхъ сеймовъ, составляемыхъ въ каждомъ воеводствѣ изъ окружныхъ дворянъ, которые не пропускаютъ случая явиться на оные, въ назначенное время. Тамъ каждый разсуждаетъ и хлопочетъ, кому поднести корону; подаютъ разные голоса, смотря по своимъ склонностямъ; наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и прѣній, соглашаются и назначаютъ нѣсколько Принцевъ, изъ коихъ депутаты ихъ должны выбрать на элекціонномъ сеймѣ Государя, по предъявленіи своихъ полномочій на избраніе Короля изъ пяти или шести назна-

ченныхъ имъ Принцевъ. Каждый Сенаторъ собираетъ подобные частные сеймы въ своемъ воеводствѣ. — Хотя депутатами воеводствъ бываютъ обыкновенно самые сильные и знатные вельможи, которые посему имѣютъ на своей сторонѣ большинство голосовъ и первенствуютъ на сеймахъ; однакожъ говорятъ на оныхъ не иначе, какъ отъ имени всего рыцарства. Сіи депутаты еще до открытія общаго сейма соглашаются между собою въ главномъ дѣлѣ, такъ что вся власть находится въ ихъ рукахъ, хотя впрочемъ никакое предложеніе не можетъ быть принято безъ согласія всѣхъ депутатовъ и одинъ противный голосъ: *не позволямъ* не только останавливаетъ избраніе Короля, но уничтожаетъ рѣшеніе Сенаторовъ, даже на обыкновенныхъ сеймахъ.

Коренные законы Республики объ избраніи Короля суть слѣдующіе: 1) Дворянинъ Польскій не можетъ искать короны; не можетъ также предлагать кандидатомъ другаго дворянина, ни подавать голоса въ его пользу. 2) Избираемый Король долженъ исповѣдывать вѣру Католическую, Апостольскую, Римскую. 3) Король избирается изъ иностранныхъ Принцевъ, для того, чтобы не имѣлъ въ Республикѣ поземельной собственности. Сыновья умершаго Государя Польскаго, если бы они ро-

дились даже въ предѣлахъ Республики, почитаются за иностранцевъ и не имѣютъ права кореннаго Польскаго дворянства — покупать наслѣдственныхъ помѣстьевъ. Посему они могутъ получить корону. Такъ былъ избранъ старшій сынъ Сигизмундовъ Владиславъ IV, а послѣ братъ его, нынѣ царствующій Іоаннъ Казимиръ. Впрочемъ, не взирая на сіе, Польская корона остается по прежнему избирательною.

Избраніе Короля обыкновенно происходитъ на чистомъ полѣ, въ полмилѣ отъ Варшавы, резиденціи Короля и столицы Мазовіи. Сеймы обыкновенные сбираются въ Варшавскомъ замкѣ, потому, что сей городъ лежитъ въ срединѣ областей, подвластныхъ Республикѣ. Избраніе Владислава происходило въ полмилѣ отъ Варшавы, по Данцигской дорогѣ; тамъ поле, на 1200 шаговъ въ окружности, окопано было неглубокимъ рвомъ, шириною отъ 5 до 6 футовъ, чтобы только лошади не могли перескочить чрезъ оный. Въ семъ укрѣпленіи стояли двѣ большія палатки: одна для Королевскаго избранія — въ ней засѣдали Сенаторы, а другая для совѣщанія депутатовъ воеводствъ. Сіи послѣдніе прежде, нежели войдутъ въ торжественное собраніе Сената, разсуждаютъ между собою, показываютъ полномочіе отъ частныхъ сеймовъ и объявляютъ,

на что именно они могутъ согласиться, или чего принять не въ правѣ. Депутаты являются на таковыя совѣщанія ежедневно, и въ продолженіе добрыхъ шести или семи часовъ, поддерживаютъ доводами и краснорѣчіемъ вольности рыцарства. Избраніе покойнаго Короля Владислава продолжалось 15 дней, и во все это время 80,000 вооруженныхъ всадниковъ, находившихся въ услуженіи Сенаторовъ, окружали мѣсто избранія: ибо каждый Сенаторъ имѣлъ отрядъ войска, болѣе или менѣе многочисленный, смотря по его силѣ: воевода Краковскій привелъ на сеймъ около 7000 всадниковъ. Это происходитъ отъ того, что Сенаторы отправляются на сеймъ въ сопровожденіи друзей своихъ и слугъ, хорошо вооруженныхъ и готовыхъ въ случаѣ раздоровъ поддержать свою сторону саблями. Еще замѣтьте, что все рыцарство не спускало съ сейма глазъ, и при малѣйшемъ несогласіи депутатовъ, готово было сѣсть на коней, чтобы наказать нарушителей вольности.

Наконецъ, послѣ многихъ засѣданій, согласились о назначеніи Короля; всѣ или по крайнѣй мѣрѣ знатнѣйшіе Сенаторы и Депутаты изъявили согласіе свое письменно (объявлено было о семъ уже на слѣдующій день); потомъ разъѣхались по домамъ и наказали друзьямъ своимъ и служителямъ явиться, согласно съ

назначеніемъ Коронпаго Гетмана, подъ коронное знамя для провозглашенія новоизбраннаго Короля и привѣтствованія его пальбою. На слѣдующее утро, когда послѣ троекратнаго крика »да здравствуетъ Король Владиславъ«, раздались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей, и все рыцарство, довольное выборомъ, съ восторгомъ повторило до трехъ разъ имя Королевское, — Сенаторы встали съ мѣстъ своихъ и знатнѣйшіе изъ нихъ отправились къ Владиславу, который находился въ полмилѣ отъ мѣста избранія, въ одной деревнѣ. Они привѣтствовали сего Принца отъ имени Республики, извѣстили о избраніи его сеймомъ, упрашивали принять корону, мудро управлять Государствомъ, увѣряя въ повиновеніи и вѣрности будущихъ его подданныхъ. Владиславъ согласился: тогда Сенаторы показали ему законы и статуты, хотя онъ давно уже зналъ о нихъ. Король обѣщалъ хранить оные ненарушимо. На другой день отвели Короля въ Варшаву, гдѣ онъ въ церкви Св. Іоанна, въ присутствіи сейма, предъ алтаремъ поклялся:

1) Не присвоивать коронныхъ имѣній, а пользоваться доходами съ однихъ только помѣстьевъ, для Королевской особы назначенныхъ.

2) Не покупать для себя и не имѣть въ Республикѣ ни одной пяди земли.

3) Безъ согласія сейма не набирать войска.

4) Не брать подъ стражу дворянина ни за какія преступленія, исключая Государственныхъ и оскорбленія Величества, если пройдетъ 24 часа по совершеніи проступка.

5) Безъ согласія Республики не объявлять войны, и не отправлять посольствъ по дѣламъ Государственнымъ.

6) Имѣть при себѣ безотлучно трехъ Сенаторовъ, которые обязаны присутствовать въ его Совѣтѣ и бдительно смотрѣть за его поступками, чтобы они не клонились ко вреду Республики.

Сенаторы сіи находятся при Королѣ по очереди, смѣняясь чрезъ три мѣсяца: такимъ образомъ каждый шагъ Короля дѣлается извѣстнымъ.

7) Безъ согласія Сената не вступать въ бракъ, не заключать договоровъ, не выѣзжать изъ границъ Королевства.

8) Не жаловать дворянствомъ людей подлыхъ ни за какія заслуги, исключая оказанныхъ Королевству, но и то съ согласія Сената [70]).

Не смотря на таковыя условія, Король пользуется властью жаловать церковные приходы и коронныя имѣнія, остающіеся праздными, но обязанъ награждать только Польское рыцарство и преимущественно заслуги, оказанныя Республикѣ на полѣ чести, въ

посольствахъ и другихъ общественныхъ должностяхъ, чтобы возбудить тѣмъ соревнованіе рыцарства къ подвигамъ на пользу отечества.

Жалуя коронныя имѣнія, онъ можетъ дозволять выдѣлку въ нихъ поташа, отъ котораго старосты получаютъ большіе доходы, хотя сей промыселъ и истребляетъ лѣса.

Король раздаетъ всѣ безъ исключенія должности, и низшія и высшія, но не иначе, какъ на всю жизнь: никто не можетъ отставить чиновника безъ его согласія, или безъ суда.

Король созываетъ Сеймы и назначаетъ время для собранія оныхъ, обыкновенно чрезъ два года.

По повелѣнію Короля, когда онъ лично предводительствуетъ войскомъ, рыцарство обязано составить Посполитое Рушенье: дворянинъ, неявившійся подъ знамена, лишается головы, потомство его теряетъ дворянское достоинство, имѣніе отбирается въ казну. Вотъ всѣ преимущества, коими пользуется Король Польскій! Власть его весьма ограничена; часто онъ бываетъ принужденъ соглашаться на предложенія, для него непріятныя. Впрочемъ онъ глава Республики; дѣла приводятся въ исполненіе именемъ Королевскимъ, хотя Король, какъ мы уже сказали, ничего не можетъ сдѣлать безъ согласія Сейма или Сената.

О
ВОЛЬНОСТЯХЪ ПОЛЬСКАГО
ДВОРЯНСТВА.

Всѣ дворяне Польскіе равны между собою, имѣюшъ одинакія права и не знаюшъ различія въ преимущесшвахъ, кошорыми пользуюшся во Франціи, Германіи, Ишаліи, Испаніи и въ другихъ земляхъ Герцоги, Маркизы, Графы и Бароны; они могушъ называшься шолько *сшаросшами*, когда получаюшъ ошъ Государя коронное помѣсшье. Эшо происходишъ ошъ шого, чшо дворяне въ Польшѣ владѣюшъ своими помѣсшьями не на ленномъ правѣ; шамъ самые бѣдные дворяне шакже много о себѣ мечшаюшъ, какъ и богашые, хошя и оказываюшъ глубокое уваженіе къ коронным чиновникамъ. Всѣ дворяне, даже самые мелкіе, мечшаюшъ со временемъ, Королевскою милосшью, попасшь въ Сенаторы, и для шого съ малолѣшсшва учашся языку Лашинскому, на кошоромъ писаны

законы Польскіе. Сверхъ того, подстрекаемые надеждою получить коронное помѣстье, они стремятся другъ предъ другомъ на поле чести, ищутъ случая обратить на себя вниманіе полководца подвигами блестящими, благородными, чтобы заслужить его ходатайство предъ Государемъ, который въ послѣдствіи награждаетъ ихъ вакантными помѣстьями.

Мы уже сказали, что дворянство избираетъ Короля, и что Государь не въ правѣ по истеченіи 24 часовъ заключить въ тюрьму дворянина ни за какое преступленіе, исключая оскорбленія Величества. Кромѣ того до окончанія суда, до произнесенія приговора и безъ троекратнаго вызова для выслушанія онаго, не льзя взять подъ стражу дворянина, такъ что обвиняемый можетъ между тѣмъ просить судей и даже присутствовать при допросѣ свидѣтелей, не опасаясь лишиться вольности. Осужденный укрывается въ монастырь, обыкновенное убѣжище безсильныхъ преступниковъ; знатный же вельможа, смѣется надъ правосудіемъ, и удаляется въ свои помѣстья съ силами, достаточными для отраженія противниковъ, которые взвели на него уголовное дѣло. Дворянинъ, убившій дворянина, приговаривается обыкновенно къ лишенію головы, имѣніе его конфискуется, а самъ онъ

вызывается явиться предъ судомъ въ назначенное время. Разумѣется, что не найдется ни одного простака, который, зная о смертномъ приговорѣ, представилъ бы свою повинную голову и отдалъ ее въ руки палачу. Посему осужденный за неявку объявляется безчестнымъ, т. е. всякій, встрѣтивъ преступника, имѣетъ право умертвить его. Даже и тѣ, которые вмѣстѣ съ нимъ пьютъ и ѣдятъ, осуждаются на смерть. Если противная сторона слабѣе убійцы, то беретъ съ него деньги и оставляетъ преслѣдованіе, а преступникъ, купивъ за двѣ или за три тысячи ливровъ милостивый указъ Королевскій, освобождается отъ позорной казни и получаетъ обратно свое имѣніе. Но преступнику безсильному одно спасеніе — бѣжать за границу; тогда имѣніе его описывается въ казну и отдается въ пожизненное владѣніе какому нибудь дворянину: ибо Король не имѣетъ права владѣть онымъ. Время однакожъ по пословицѣ уменьшаетъ преступленіе, и друзья бѣглеца, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, пользуясь или смертью противниковъ, или Королевскою милостью, возвращаютъ его на родину; онъ получаетъ безъ труда и помѣстья свои, если они сколько нибудь значительны.

Совсѣмъ другая пѣсня у людей военныхъ: за малѣйшій проступокъ сажаютъ подъ арестъ,

и отложивъ въ сторону дворянство, предаютъ преступника какъ солдата военному суду, приговоръ коего исполняется немедленно.

Дворяне, не унижая себя, могутъ брать на откупъ земли и продавать сельскія произведенія, но торговать не имѣютъ права, такъ какъ и у насъ во Франціи.

Дворянинъ, получивъ обиду въ частной распрѣ, не обязанъ вызывать соперника на поединокъ и шпагою требовать удовлетворенія; вмѣсто сего, оскорбленный собираетъ какъ можно болѣе друзей и храбрыхъ слугъ, выѣзжаетъ съ ними въ поле, нападаетъ тамъ на соперниковъ, и если можетъ, бьетъ ихъ. Враги кладутъ оружіе не прежде, какъ порядочно подравшись, если общіе друзья не успѣютъ примирить ихъ и вмѣсто сабель подать огромные кубки съ токайскимъ, которымъ они пьютъ здоровье другъ друга.

Дворяне, по примѣру владѣтельныхъ Князьковъ, могутъ вносить короны въ гербы свои, лишь по желанію пушки и строить по состоянію крѣпости: ни Король, ни Республика не вправѣ запретить сей вольности. Одного не достаетъ имъ, чтобы сравняться съ коронованными главами — права бить монету, которая прежде чеканилась отъ имени Республики, а теперь отъ имени Короля.

Мы сказали уже, что власть дворянъ надъ

крестьянами или вассалами неограниченна, но только въ родовыхъ помѣстьяхъ; въ коронныхъ же, жалуемыхъ имъ въ пожизненное владѣніе, самовластье не столь безпредѣльно ибо они не могутъ безъ суда казнить коронного земледѣльца, ни отнимать у него имѣнія. Государь, въ случаѣ жалобъ коронныхъ крестьянъ на старосту, оказываетъ имъ правосудіе и защищаетъ ихъ права.

Не льзя осудить дворянина на смерть за умерщвленіе крестьянина чужаго помѣщика: убійца по законамъ платитъ только 40 гривенъ пени въ пользу наслѣдниковъ убіеннаго (въ гривнѣ считается 32 су). Въ случаѣ смертоубійства, для осужденія крестьянина достаточно свидѣтельства двухъ дворянъ; но для улики дворянина потребно не менѣе 14 свидѣтелей изъ крестьянъ.

Иноземцы лишены права покупать земли въ Республикѣ, такъ какъ и крестьяне, которые не имѣютъ поземельной собственности. Хотя они платятъ большой оброкъ съ участковъ своихъ; но не могутъ ни продать, ни заложить оныхъ. Напротивъ того помѣщикъ воленъ отнять землю у крестьянъ своихъ во всякое время. Горожане, по вольностямъ и привиллегіямъ городскимъ, владѣютъ въ городахъ домами, въ окрестностяхъ садами, имѣя право покупать ихъ и продавать. Такимъ

образомъ всѣ земли Республики, находятся въ рукахъ богатаго дворянства, исключая немногихъ коронныхъ деревень, пожалованныхъ Государями въ вѣчное и потомственное владѣніе боярамъ, которые обязаны въ военное время, по требованію Короннаго Гетмана, являться подъ знамена на своемъ иждивеніи немедленно и быть всегда готовыми на службу отечеству. — Бояре стоятъ выше горожанъ, но ниже дворянъ; большею частію бѣдны, исключая немногихъ зажиточныхъ.

Дворяне, какъ мы сказали, вообще богаты; но въ Мазовіи, гдѣ шляхта составляетъ шестую часть народонаселенія, они ведутъ жизнь горькую и не стыдятся ходить за сохою, или прислуживать вельможамъ. Впрочемъ гораздо благороднѣе пахать и служить вельможѣ, нежели сидѣть на козлахъ, на что рѣшаются только самые безмозглые шляхтичи. Двое изъ сихъ дворянъ, хорошей фамиліи, нѣсколько лѣтъ служили у меня въ кучерахъ, когда я былъ въ Польшѣ старшимъ Капитаномъ Артиллеріи и Королевскимъ Инженеромъ.

Отчины Дворянъ свободны отъ зимняго постоя и войско можетъ проходить оными только въ военное время; полки же располагаются по квартирамъ въ коронныхъ помѣстьяхъ. Если имѣніе достанется многимъ братъ-

ямъ, старшій дѣлитъ наслѣдство, а младшій первый выбираетъ долю свою.

Вдова, вышедшая за другаго мужа, вольна передать ему имѣніе свое, лишивъ наслѣдства дѣтей перваго брака. — Законъ сей содержитъ ихъ въ повиновеніи и послушаніи родителямъ.

О НРАВАХЪ ПОЛЬСКАГО ДВОРЯНСТВА.

Дворяне Польскіе почтительны и услужливы предъ высшими воеводами и коронными чиновниками; учтивы и ласковы съ равными себѣ соотечественниками; горды и несносны съ низшими; съ иноземцами же, коихъ въ Польшѣ впрочемъ не много, обходительны, хотя и неохотно принимаютъ ихъ въ свое общество: съ Турками и Татарами знакомятся только саблями въ полѣ, съ Москвитянами не хотятъ знаться за грубость ихъ, къ Шведамъ и Нѣмцамъ питаютъ ненависть и отвращеніе, употребляя послѣднихъ въ одной крайней необходимости. Напротивъ того Французовъ называютъ своими братьями; они похожи на насъ и нравами, и врожденною откровенностью въ рѣчахъ, и веселостью, которая заставляетъ ихъ беззаботно пѣть и смѣяться. Съ своей стороны Французы, знакомые съ Поляками, весьма любятъ и уважаютъ ихъ. Дворяне Польскіе вообще добры, щедры безъ

лукавства, не мстительны, остроумны, память имѣютъ отличную, и при образованіи способны къ великимъ дѣламъ; любятъ пышность и великолѣпіе, особенно въ одеждѣ; шубы носятъ весьма дорогія, украшая оныя большими золотыми пуговицами съ рубинами, сапфирами, брилліантами и другими драгоцѣнными камнями. Я видѣлъ соболью шубу, которая стоила болѣе 2000 экю [71]). Они содержатъ множество слугъ; храбры, мужественны и владѣютъ оружіемъ искуснѣе всѣхъ своихъ сосѣдовъ, потому что занимаются онымъ постоянно и ведутъ безпрерывную войну, то съ Москвитянами, то съ Турками и Татарами, то съ Нѣмцами и Шведами, и не рѣдко въ одно и тоже время дерутся съ двумя или тремя сосѣдами. Это случилось въ 1632 и 1633 годахъ, когда Польша воевала съ Турками, Татарами и Москвитянами; она выпуталась довольно счастливо изъ сей борьбы побѣдами, одержанными надъ непріятелями. Въ 1635 году была война Шведская, оконченная миромъ, который заключенъ въ Пруссіи, при посредничествѣ Французскаго посланника Давави, къ обоюдному удовольствію Монарховъ Польскаго и Шведскаго.

Щедрые Польскіе дворяне принимаютъ съ радушіемъ друзей своихъ, знакомыхъ, даже иностранцевъ, которыхъ они съ роду не ви-

дывали и которыхъ угощаютъ, какъ будто старинныхъ знакомцевъ.

Вельможи владѣютъ огромнымъ богатствомъ; нѣкоторые изъ нихъ получаютъ ежегодно до 800,000 ливровъ съ однѣхъ отчинъ, не говоря уже о тѣхъ, которые имѣютъ коронныя помѣстья, занимающія шестую часть всего Королевства. Дворяне пріобрѣтаютъ столь огромныя богатства отъ того, что Польскіе земледѣльцы лишены права владѣть наслѣдственными землями: все принадлежитъ дворянамъ; коронныя же имѣнія увеличились частію завоеваніями, а частію конфискаціями отчинъ мятежниковъ и крамольниковъ. Дворянство, опасаясь, чтобы Король не сдѣлался Монархомъ Самодержавнымъ, если присвоитъ обширныя помѣстья коронныя, устраняетъ его отъ владѣнія оными, тѣмъ болѣе, что доходы со старостствъ не считаетъ для себя лишними.

Отправляясь на войну, Польскіе дворяне вооружаются такъ странно, что если бы они явились въ нашемъ войскѣ, — Французы имѣли бы довольно пищи для своего любопытства, но не очень испугались бы, хотя Поляки съ ногъ до головы обвѣшаны смертоносньымъ оружіемъ. — Я опишу вамъ вооруженіе Дежинскаго, Ротмистра одной роты Казаковъ, т. е. всадниковъ, имѣющихъ луки и стрѣлы:

сабля его была опоясана по кольчугѣ, голова покрыта желѣзнымъ шишакомъ, закрывавшимъ и шею; чрезъ плечо висѣлъ карабинъ, иногда же вмѣсто его лукъ и колчанъ; къ поясу прицѣплены были шило [72]), ножъ, полдюжины серебряныхъ ложекъ въ красной сафьянной сумкѣ, огниво — для добыванія огня, также для точенія ножа и сабли; за поясомъ заткнутъ былъ пистолетъ. Сверхъ того, парадный платокъ, гибкая кожаная баклага, величиною въ топинъ, для черпанія воды въ походѣ, калита [73]), или большая красная суконная сума съ письмами, бумагами, гребенками, деньгами; ременная нагайка [74]) и двѣ или три сажени шелковаго шнура, толщиною въ мизинецъ, для вязанія плѣнниковъ, коихъ Г. Ротмистръ могъ взять — все это привязано было къ поясу съ правой стороны; а сабля висѣла съ лѣвой. Кромѣ того онъ имѣлъ рогъ для спуску насосовъ у своихъ лошадей. Къ сѣдлу, съ правой стороны, привязана была деревянная баклага, величиною въ полведра, для поенія коня, и три ременныхъ пута [75]), для спутыванія его во время корма. Если Ротмистръ снималъ съ себя лукъ и бралъ карабинъ; то привѣшивалъ еще кожаную лядунку съ патронами для карабина и для пистолета, ружейную отвертку и рогъ съ порохомъ. — Судите сами, можетъ ли свободно сражаться

всадникъ, обремененный такими вещами.

Гусары, т. е. копейщики, обыкновенно самые богатые дворяне, получающіе дохода до 50,000 ливровъ, имѣютъ коней превосходныхъ, Турецкой породы, приводимыхъ изъ Кармеліи, области Натольской: самая плохая гусарская лошадь стоитъ не менѣе 200 червонцевъ. Каждый Гусаръ выводитъ въ поле пять коней, такъ что сотенный эскадронъ состоитъ только изъ 20 товарищей, которые становятся въ переднюю линію; позади же ихъ въ четыре линіи выстраиваются слуги. Копье гусарское имѣетъ въ длину 19 футовъ; копейцо онаго, въ срединѣ пустое, насаживается на древко изъ твердаго дерева; къ концу привязывается значокъ отъ 4 до 5 локтей длиною, изъ матеріи бѣлой и красной, или синей и зеленой, черной и бѣлой, непремѣнно двухъ цвѣтовъ. Когда Гусары, взявъ копье на перевѣсъ, понесутся на враговъ, значки, извиваясь около копій, пугаютъ непріятельскихъ лошадей. Гусары надѣваютъ кирасы, поручники, набедренники, шлемы и проч; опоясываются саблею; подъ лѣвымъ бедромъ, къ сѣдлу, привязываютъ палашъ, а съ правой стороны длинную и широкую шпагу, которая, съуживаясь постепенно отъ эфеса, оканчивается четырехграннымъ остріемъ: ею прикалываютъ сбитаго

съ лошади непріятеля. Она имѣетъ въ длину около 5 футовъ и круглую тяжелую рукоятку для того, чтобы удобнѣе пронзить панцырь врага и приколоть его къ землѣ. — Палашемъ Гусары рубятъ непріятеля, а саблею разсѣкаютъ латы его. Сверхъ того, они имѣютъ бердыши съ длинною рукояткою, вѣсомъ около 6 фунтовъ, и раздробляютъ симъ оружіемъ шлемъ и латы.

Если вооруженіе и ратное искусство Польскихъ дворянъ не похоже на наше; то изъ слѣдующаго описанія вы увидите, что пиры ихъ и угощенія еще болѣе отличаются отъ пировъ и угощеній другихъ народовъ. Вельможи болѣе всѣхъ тщеславятся; паны же богатые и бѣдные, каждый по мѣрѣ силъ, старается угостить какъ можно великолѣпнѣе: смѣло скажу, что обыкновенныя угощенія Поляковъ изобиліемъ далеко превосходятъ наши званые обѣды. Изъ этого легко можно судить, каковы должны быть пиры, даваемые Поляками по особеннымъ случаямъ. Сіи пиры особенно бываютъ роскошны во время Варшавскихъ Сеймовъ, въ свободные дни отъ засѣданій; тогда знатные вельможи и коронные сановники издерживаютъ по 50,000 и даже по 60,000 ливровъ, — суммы огромныя, судя по тому, какимъ образомъ и чѣмъ угощаютъ въ Польшѣ: тамъ не знаютъ ни мускуса, ни

амбры, ни перловъ, ни дорогихъ приправъ, на которые разоряются въ другихъ земляхъ. Всѣ Польскія кушанья весьма обыкновенны и худо приготовлены, хотя подаются на столъ и въ большомъ изобиліи; но хищничество слугъ, какъ увидите ниже, увеличиваетъ издержки. Вы можете судить, чего стоитъ пиръ, когда скажу вамъ, что я видѣлъ счетъ, по которому стеклянные рюмки и стаканы для одного только обѣда стоили 100 экю, хотя посуда сія была вовсе не драгоцѣнная. — Обыкновенно приглашаются на пиръ четыре или пять Сенаторовъ; къ нимъ присоединяются иногда послы иностранные, находящіеся при Королевскомъ дворѣ. Такое число гостей несоразмѣрно съ издержками, употребляемыми на угощеніе; но каждый изъ Сенаторовъ приводитъ съ собою 12 или 15 дворянъ, такъ что не рѣдко 70 или 80 человѣкъ садятся за обѣдъ. Три стола, длиною около 100 футовъ, сдвигаются концами — наугольникомъ; ихъ накрываютъ тремя тонкими и прекрасными скатертями; столовый сервизъ весь серебряный, вызолоченный; на каждую тарелку кладется хлѣбъ подъ салфеткою, величиною не больше носоваго платка, ложка, но безъ ножа. Столы, накрытые такимъ образомъ, ставятся въ большой и просторной залѣ, на одномъ концѣ коей находится буфетъ, укра-

шенный множествомъ великолѣпнаго серебра и обнесенный перилами, за которыя имѣетъ право входитъ одинъ дворецкій съ своими прислужниками. Въ буфетѣ не рѣдко можно видѣть восемь или десять перемѣнъ серебряныхъ блюдъ, и такое множество тарелокъ, что онѣ стоятъ въ вышину человѣка, хотя люди въ Польшѣ и не малорослы. Противъ буфета, обыкновенно надъ дверями, построены хоры, на которыхъ располагаются музыканты, съ разными инструментами, и пѣсенники. Они играютъ не всѣ въ одно время, но сначала на скрипкахъ, потомъ на рогахъ, а наконецъ наемные мальчики тѣшатъ пѣснями, довольно пріятными. Музыка и пѣніе попеременно продолжаются до конца пиршества, а чтобы музыканты исполняли должность свою поисправнѣе, вдоволь кормятъ и поятъ ихъ. — Когда поставятъ на столъ множество блюдъ съ разными кушаньями, приглашаютъ Пановъ въ столовую; среди оной ждутъ ихъ четыре дворянина: двое держатъ серебряный вызолоченный тазъ, имѣющій болѣе 3 футовъ въ діаметрѣ, и соразмѣрный оному рукомойникъ, также серебряный вызолоченный. Они подходятъ къ Панамъ, и подавъ имъ умыть руки, уступаютъ мѣсто двумъ другимъ дворянамъ, которые держатъ за концы полотенцо, длиною въ три

локтя, и предлагають оное Панамъ для утирки рукъ. Послѣ сего хозяинъ и дворецкій просятъ гостей сдѣлать честь трапезѣ и разсаживаютъ ихъ по достоинствамъ и чинамъ. За обѣдомъ прислуживаютъ гостямъ крайчіе, коихъ при каждомъ столѣ находится по три; они подчуютъ гостей поставленными на столахъ кушаньями, изготовленными и приправленными въ Польскомъ вкусѣ. Мяса разрѣзываются большими ломтями, чтобы гости могли удобнѣе брать оные, смотря по своему апетиту, и подаются съ подливомъ, который бываетъ четырехъ родовъ: желтый изъ шафрана, красный изъ вишневаго сока, черный изъ сливъ, наконецъ сѣрый, называемый Gąszcz [76]), изъ варенаго лука, протертаго сквозь сито. Поляки неохотники до похлебокъ, которыя впрочемъ никогда не подаются на столъ. Между сими кушаньями разставлены мясные пастеты. Гости кушаютъ, смотря по своему апетиту, мяса съ подливами, которые какъ мы сказали бываютъ только четырехъ родовъ. Кромѣ того подаются говядина, баранина, телятина, и куры безъ подлива, но такъ насоленныя и надушенныя пряностями, что нѣтъ надобности въ солонкахъ; потому ихъ не ставятъ на столъ. По мѣрѣ того, какъ блюда очищаются, подаются другіе, напримѣръ кусокъ свинаго сала подъ

соленою капустою, или подъ просомъ, или съ вареньмъ тѣстомъ. Поляки почитаютъ это лакомствомъ, равно какъ и соусъ, приготовляемый изъ особеннаго корня, по Польски Chrzan [77]), натертаго и разведеннаго уксусомъ. Хрѣнъ похожъ на горчицу, и чрезвычайно пріятенъ съ говядиною, солониною и всякаго рода рыбою. Послѣ первой перемѣны блюдъ, съ коихъ мяса поѣдаютъ по большей части слуги, какъ мы ниже опишемъ, снимается верхняя скатерть и подается вторая перемѣна; она состоитъ изъ жаркихъ: телятины, баранины, говядины, каплуновъ, пулярокъ, куръ, гусей, утокъ, зайцевъ, оленей, сернъ, кабановъ, рябчиковъ, жаворонковъ, перепелокъ, разныхъ мелкихъ птицъ, коихъ въ Польшѣ весьма много, исключая голубей, бекасовъ и кроликовъ, сіи послѣдніе рѣдки. Жаркія, перемѣшанныя для разнообразія одно съ другимъ, подаются безъ всякаго порядка, съ разнаго рода салатами. Между второю перемѣною и десертомъ подносятся разныя фрикассе, и подъ гороховымъ отваромъ большой кусокъ свинаго сала: каждый гость отдѣляетъ отъ него часть на свою долю, разрѣзываетъ на кусочки, величиною въ игорную кость, беретъ ихъ ложкою съ гороховымъ отваромъ и не жуя глотаетъ. Это кушанье самое лакомое для Поляковъ: они почли

бы себя худо угощенными, если бы не было подано къ концу обѣда сего лакомства, равно какъ пшенной или ячневой каши (по-Голландски Gru) съ масломъ, пироговъ, начиненныхъ сыромъ, и гречневыхъ небольшихъ легешекъ въ маковомъ молокѣ. Все сіе они ѣдятъ, по моему мнѣнію, только для того, чтобы вдоволь наполнить желудокъ и крѣпче уснуть. Послѣ второй перемѣны снимаютъ среднюю скатерть и становятъ десертъ, смотря по обстоятельствамъ и по времени года: сметану, творогъ и другія кушанья, коихъ теперь не припомню. Всѣ сіи лакомства хуже нашего посредственнаго рагу, коего одно блюдо для меня пріятнѣе десяти Польскихъ. Вообще кухня Польская далеко уступаетъ нашей, но за то Поляки умѣютъ лучше всѣхъ народовъ приготовлять рыбу: въ чемъ сознаются и Французы, и другіе иноземцы, бывавшіе въ Польшѣ. Кромѣ того, что тамъ много превосходной рыбы, Поляки приготовляютъ ее такъ вкусно, что въ самомъ сытомъ возбуждаютъ невольный апетитъ. Впрочемъ это и не удивительно: Поляки не жалѣютъ ни вина, ни масла, ни кореньевъ, ни пряностей, ни другихъ подобныхъ приправъ, которыми даже посредственный поваръ можетъ со вкусомъ приготовить рыбное блюдо. — Паны въ продолженіе обѣда, чтобы не лишиться апе-

типа, пьютъ немного и одно только пиво, которое наливаютъ въ высокіе цилиндрическіе стаканы; въ пиво кладется хлѣбъ, поджаренный на маслѣ. Мы уже замѣтили, что блюда первой и второй перемѣны снимаются со стола почти пустые, хотя гости и немного кушаютъ. Это совершенно справедливо: за стуломъ каждаго гостя стоятъ по два служителя; отдавая имъ тарелку для перемѣны, господинъ накладываетъ на нее кушанья, слуги же, отойдя въ уголъ, съѣдаютъ или лучше сказать пожираютъ подачу, шумятъ и безчинствуютъ, а господа по привычкѣ не обращаютъ на это вниманія. Такимъ образомъ Паны наѣдаются досыта за столомъ, а слуги ихъ обжираются по угламъ. Послѣ сего пирующіе начинаютъ пить здоровье другъ друга, только уже не пивомъ, а превосходнымъ и лучшимъ въ мірѣ виномъ, которое хотя имѣетъ цвѣтъ бѣлый, но на лица ихъ наводитъ яркій румянецъ. Трудно повѣрить, какъ много его тратится: вотъ почему обѣды въ Польшѣ такъ дороги; каждая пинта вина стоитъ 4 ливра; притомъ же смотрятъ болѣе на доброту его, нежели на рѣдкость. Панъ, выпивъ за здоровье одного изъ собесѣдниковъ, подаетъ ему свой кубокъ, наполненный виномъ; тотъ отплачиваетъ ему такою же учтивостью. Гости безъ труда испол-

няютъ сію обязанность и не нуждаются болѣе въ помощи слугъ: ибо столъ бываетъ уставленъ большими серебряными и хрустальными кубками, которые наполняются и осушаются безпрерывно. Когда пройдетъ часъ или часа два въ семъ пріятномъ занятіи, любопытно взглянуть на множество кубковъ съ виномъ, стоящихъ предъ каждымъ изъ пирующихъ: выпить все невозможно. Четвероугольные, треугольные, круглые и продолговатые кубки и покалы двигаются въ разныхъ направленіяхъ, такъ, что едва ли самыя планеты имѣютъ такое безпорядочное движеніе. Это должно приписать дѣйствію бѣлаго вина — напитка, одареннаго непонятною силою. Проведя около четырехъ или пяти часовъ въ столь знаменитыхъ и не менѣе трудныхъ подвигахъ, одни изъ пирующихъ, утомленные виномъ, засыпаютъ, другіе выходятъ на свѣжій воздухъ и возвращаются съ новыми силами на состязаніе [78]), а иные разсказываютъ о прежнихъ побѣдахъ своихъ надъ соперниками пиршествъ. Впрочемъ подвиги Пановъ ничтожны въ сравненіи съ дѣлами ихъ слугъ. Мало того, что сіи послѣдніе очищаютъ за обѣдомъ блюда, они еще разоряютъ хозяина во время попойки; выпиваютъ въ десятеро противъ господъ и дѣлаютъ неслыханныя нахальства, вытирая замаранныя, грязныя тарелки драгоцѣнными

обоями и даже откидными рукавами контушовъ своихъ господъ, не оказывая уваженія ни къ нимъ самимъ, ни къ ихъ прекрасному платью. Въ добавокъ къ тому напиваются до нельзя. Паны, слуги, музыканты, словомъ — для всѣхъ море по колѣно; одни только служители, коимъ ввѣрено серебро, нѣсколько воздержнѣе — по обязанности смотрѣть, чтобы никто не ушелъ изъ дома, прежде собранія серебряной посуды. Впрочемъ и они не любятъ дремать, забываютъ свое серебро и рѣдкій пиръ проходитъ безъ пропажи.

Вотъ все, что теперь могу припомнить о положеніи сѣверныхъ странъ, о нравахъ тамошнихъ жителей, ихъ религіи и воинскомъ искусствѣ,— все, что я видѣлъ и слышалъ. Если память, водившая доселѣ перомъ моимъ, наведетъ меня на какой нибудь предметъ, достойный вашего вниманія, — я охотно возмусь опять за перо, ласкаясь надеждою, что вы извините неискусство слога солдату, который всю жизнь свою строилъ окопы, лилъ пушки и слушалъ громъ смертоносныхъ орудій.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Станиславъ Конецпольскій, Кастелянъ Краковскій, Гетманъ великій Коронный, въ молодыхъ лѣтахъ служилъ по дипломатической части во Франціи и въ другихъ Государствахъ; при осадѣ Смоленска мужествомъ своимъ онъ обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Гетмана Жолкѣвскаго и въ послѣдствіи получилъ руку его дочери. Въ битвѣ подъ Цецорою, гдѣ Жолкѣвскій палъ со славою, Конецпольскій взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ въ Константинополь. Тамъ онъ услаждалъ тягость неволи изученіемъ языковъ Арабскаго и Турецкаго и чтеніемъ на оныхъ историческихъ книгъ. Послѣ четырехъ-лѣтняго плѣна возвратясь въ отечество, въ 1624 и 1626 годахъ воевалъ съ Татарами и Шведами, въ 1633 разбилъ Турецкаго Пашу подъ Каменецъ-Подольскимъ, построилъ крѣпость Койдакъ на Днѣпрѣ для обузданія Казаковъ, и въ 1644 году разбилъ 40,000 Татаръ подъ Охматовымъ. Это былъ послѣдній подвигъ Конецпольскаго. Объ немъ Поляки говорили Pan Stanislaw wprzod uderzy, niz wimówi — Гетманъ заикался. — Впрочемъ сей мужъ ума необыкновеннаго, въ дѣлахъ осторожный, уважаемый и Королемъ и соотечественниками, и по словамъ Боплана, непобѣдимый, также испыталъ непостоянство счастія на полѣ битвъ: въ 1628 году Конецпольскій тщетно нападалъ на укрѣпленный станъ Казаковъ, которые съ предводи-

телемъ своимъ Тарасомъ Трясилою окопались при городѣ Переяславлѣ. Наступилъ праздникъ *Панскаго тѣла:* Поляки ликовали въ лагерѣ своемъ, тѣшились стрѣльбою изъ пушекъ, а между тѣмъ отважные Запорожцы, подъ кровомъ ночи, выползли изъ укрѣпленій и на разсвѣтѣ ударили съ двухъ сторонъ на Ляховъ, рѣзали, топили ихъ въ Трубежѣ, овладѣли артиллеріею и обозомъ. Въ сей битвѣ Переяславской, которая у Казаковъ слыла подъ именемъ *Тарасовой ночи,* Гетманъ лишился однихъ дворянъ болѣе 300 человѣкъ. — *Нѣсецкій. Истор. Малой Россіи Д. Н. Бантыша-Каменскаго.*

2) Польскій Сеймъ, желая ограничить число непокорныхъ Казаковъ, которое безпрерывно увеличивалось бѣглыми Украинскими крестьянами, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1590 года постановилъ, чтобы Казаки не принимали никого въ свои круги безъ согласія Короннаго Гетмана; чтобы старосты коронныхъ имѣній и управители дворянскихъ помѣстьевъ удерживали крестьянъ отъ побѣговъ въ Запорожье и наказывали тѣхъ, кои возвращались домой съ добычею, или продавали Казакамъ порохъ, селитру, оружіе и жизненные припасы. Украинцы не страшились строгихъ мѣръ, принятыхъ Ляхами: избѣгая угнетенія Польскихъ владѣльцевъ и арендаторовъ ихъ Жидовъ, они по прежнему уходили къ Казакамъ. Когда Коммиссары, вмѣстѣ съ Генеральнымъ писаремъ, объѣзжали Запорожье для переписи Казаковъ и принужденія крестьянъ возвратиться въ деревни, нѣкоторые бѣглецы откупались отъ нихъ, другіе удалялись въ степи, а иные шли въ пустухи и слуги Казаковъ. Коммиссары

не смѣли трогать слухъ Запорожцевъ. Симъ примѣромъ воспользовались въ началѣ XVII столѣтія Польскіе Магнаты, жившіе въ Украйнѣ. Они основали въ своихъ степныхъ помѣстьяхъ *слободы* и приманили въ оныя разныхъ людей обѣщаніемъ пятнадцати или двадцати - лѣтней льготы съ тѣмъ, чтобы по миновании оной, обитатели платили только умѣренный оброкъ и давали десятину съ воловъ, овецъ и пчелъ; а между тѣмъ тайно открыли убѣжище всѣмъ бѣглымъ крестьянамъ, обѣщая имъ защиту и покровительство. Такимъ образомъ старая Польша лишалась своихъ жителей, а новая болѣе и болѣе населялась. Вотъ происхожденіе слободъ, столь выхваляемыхъ Бопланомъ! Онъ заложилъ 50 слободъ, вѣроятно для Конецпольскихъ, которые имѣли въ своихъ владѣніяхъ, въ Брацлавскомъ воеводствѣ, 170 городковъ и 740 деревень.— *Geschichte der Ukraine und der Ukrainischen Kosaken, von Engel. Tableau de la Pologne ancienne et moderne, par Léonard Chodźko.*

5) Переводчикъ къ сожалѣнію не можетъ издать сей любопытной карты: всѣ старанія его достать оную остались тщетными; ея нѣтъ и при экземплярѣ, коимъ переводчикъ пользовался по благосклонности Его Высокопревосходительства А. Н. Оленина. Впрочемъ, по извѣстію Лерберга, карта, приложенная къ Бопланову сочиненію, должна быть не та, на которую онъ ссылается: она представляетъ Украйну въ маломъ размѣрѣ, очень неявственно; Боплановѣ же описаніе совершенно сходно съ новѣйшими и лучшими картами. — *Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Россійской Исторіи, Лерберга*, 277.

4) Древнѣйшій лѣтописецъ нашъ Несторъ не объявляетъ времени, когда построенъ Кіевъ: разсказывая по преданію о путешествіи Св. Апостола Андрея въ страны Днѣпровскія, онъ говоритъ только, что Апостолъ приплывъ къ горамъ, гдѣ послѣ стоялъ Кіевъ, „рече к сущимъ с нимъ оученикомъ: видите ли „горы сия? яко на сихъ горахъ восияеть бла„годать Божья, имать градъ великъ быть, и „церкви многи Богъ въздвигнути имать. Въ„шедъ на горы сия, благослови я, постави „крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзѣ съ го„ры сея, *идеже послѣже быстъ Киевъ.*" Построеніе Кіева Несторъ приписываетъ тремъ братьямъ — Кію, Щеку и Хориву, которые съ сестрою Лыбедью жили между Полянами.

5) Ни Бопланъ, ни ученые Малороссіяне, коихъ слова приводитъ онъ на стр. 11, не читали Русскихъ лѣтописей: церковь Св. Василія — деревянная сооружена Владиміромъ Великимъ въ 988 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Древняя каменная Васильевская церковь построена если не при Владимірѣ, то вскорѣ послѣ него, и разрушена Батыемъ въ 1240 году: осталось одно узкое окно къ сѣверу, въ притворѣ алтаря; возобновлена въ 1695 году во имя трехъ Святителей. *Истор. Государ. Росс. Н. М. Карамзина* I, 219. *Описаніе Кіево-Софійскаго собора, Преосвященнаго Евгенія.*

6) Ярославъ Великій, одержавъ подъ Кіевомъ побѣду надъ лютыми Печенѣгами и сокрушивъ одною битвою силы варваровъ, избавилъ Россію навсегда отъ ихъ опустошеній. Въ память сего знаменитаго событія, Великій Князь въ 1073 году заложилъ на мѣ-

1037

стѣ сраженія великолѣпную церковь, назвалъ ее Святою Софіею, украсилъ золотомъ, серебромъ, мусіею и драгоцѣнными камнями. Она построена по образцу знаменитаго Софійскаго собора въ Константинополѣ; имѣла крестообразное расположеніе, съ двойными по бокамъ галлереями. Храмъ сей, во время нашествія Батыева (1240 г.), подвергся одинаковой участи съ Кіевомъ: остались однѣ только стѣны. Онъ возобновленъ Кипріаномъ, поставленнымъ въ 1376 году въ Русскіе Митрополиты Патріархомъ Константинопольскимъ, и жившимъ въ Кіевѣ до кончины Св. Алексѣя. Въ 1482 году Ханъ Крымскій, взявъ Кіевъ, опустошилъ городъ, сжегъ монастырь Печерскій и прислалъ къ Великому Князю Іоанну III дискосъ и потиръ Софійскаго храма, вылитые изъ золота; въ 1596 году сія церковь досталась Уніатскимъ монахамъ, которые въ 37 лѣтъ довели ее до совершеннаго упадка; но Митрополитъ Кіевскій, Петръ Могила, отобралъ у нихъ въ 1633 году и монастырь и соборъ Софійскій, очистилъ его отъ развалинъ, возобновилъ, сдѣлалъ разныя пристройки для предохраненія древнихъ стѣнъ отъ дальнѣйшаго разрушенія, надстроилъ куполы и проч. Сими пристройками совершенно закрытъ фасадъ древней церкви, которая складена была изъ тонкаго четвероугольнаго кирпича на извѣстковой подмазкѣ съ толченымъ кирпичемъ, толщиною вдвое болѣе самыхъ кирпичей. По остаткамъ мозаики на дугахъ и колонахъ подъ куполомъ и по шероховатости внутреннихъ колонъ Софійскаго собора, можно догадываться, что онѣ были одѣты мозаикою или мраморомъ. Плиты краснаго лещадника и бѣлаго мрамора, находящіяся на

церковномъ порогѣ и подъ нѣкоторыми внутренними стѣнами, доказываютъ, что изъ нихъ составленъ былъ полъ, устланный теперь чугуномъ. Стѣны алтаря отъ сводовъ до пола были украшены по золотому полю мозаическими картинами и изображеніями, изъ коихъ уцѣлѣла одна только верхняя часть, средина же подмалевана теперь по штукатуркѣ красками, а низъ прикрытъ новою грубою мозаикою. Вѣроятно, что своды и стѣны всей церкви также были одѣты мозаикою: объэтомъ можно догадываться по уцѣлѣвшимъ еще изображеніямъ Евангелистовъ Марка, Іоанна и нѣкоторыхъ изъ 40 мучениковъ. — Впрочемъ не одинъ Софійскій соборъ украшенъ былъ мозаикою: въ Златоверхомихайловскомъ монастырскомъ соборѣ и теперь видна еще подъ сводомъ мозаическая карнизная полоса, а прочая осыпавшаяся мозаика лежитъ большими кучами въ ризницѣ. Кучи ея находятъ также въ развалинахъ и другихъ Кіевскихъ церквей. *Опис. Кіево-Соф. соб.* 29 — 34. *Истор. Госуд. Росс. II.* 28, *VI.* 171.

7) la voûte n'est faite que de pots de terre remplis & enduits de plastre de tous costez. Древніе народы, при построеніи куполовъ, употребляли глиняные сосуды. Сіе искусство извѣстно было и въ средніе вѣки въ Италіи, Германіи и Восточной Имперіи; сосуды имѣли цилиндрическую форму и похожи были на пивныя кружки. Иногда употреблялись для сего кирпичи съ пустотою въ срединѣ, имѣвшіе видъ кубовъ. *Architecture civile, par Wiebeking* 1829. *VI*, 90.

8) Bracha Cerkuils — Братскій монастырь.

9) Монета въ два денарія.

10) Постоянные разъѣзды Казаковъ на Черномъ морѣ начались съ 1585 года. Ни угрозы Турецкихъ Султановъ, ни строгія постановленія Польскихъ Сеймовъ не дѣйствовали на сихъ витязей. Челны ихъ разгуливали по морю, брали Турецкіе корабли, опустошали Крымъ, Малую Азію, даже окрестности Константинополя. — Въ 1590 году, не смотря на строгое запрещеніе Сейма, они выѣхали на море и овладѣли многими Турецкими кораблями, которые, полагаясь на миръ съ Польшею спокойно плыли; многочисленный Казацкій флотъ присталъ къ берегамъ Малой Азіи, Казаки овладѣли богатыми и торговыми городами Требизондомъ и Синопомъ, разграбили ихъ, сожгли, и опустошили окрестности на 10 миль. — Въ 1605 году они доходили до Варны, разграбили и сожгли сей городъ; въ 1606 году овладѣли на Черномъ морѣ 10 Турецкими кораблями. Съ избранія въ Гетманы Петра Конашевича, прозваннаго Сагайдачнымъ, ни Крымъ, ни цвѣтущіе Мало-Азіатскіе города, ни самыя окрестности Константинополя, не имѣли покоя отъ Казаковъ: въ 1612 году они взяли приступомъ Кафу; въ 1613 и 1614 годахъ опустошали берега Чернаго моря, въ 1615 истребили совершенно Турецкую флотилію, состоявшую изъ 6 галеръ и 20 мелкихъ судовъ, сожгли Требизондскій арсеналъ и превратили въ пепелъ Синопъ. Наконецъ въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, Казаки пристали въ милѣ отъ Константинополя, опустошили загородные домы и мызы; 10 Турецкихъ галеръ не осмѣлились

напасть на челны ихъ, и устрашенные Оттоманы въ первый разъ принуждены были замкнуть цѣпью гавань Константинопольскую и защищать стѣны Султанскаго Сераля. Въ 1629 году Казаки приблизились къ Константинополю: 12 челновъ ихъ подъ покровомъ ночи вошли въ каналъ, и были вогнаны вѣтромъ въ средину 14 Турецкихъ галеръ; тогда удальцы, окруженные непріятелемъ, поспѣшно сдѣлали высадку на берегъ, овладѣли однимъ Греческимъ монастыремъ и защищались тамъ въ продолженіе четырехъ часовъ. Товарищи ихъ, догадываясь по пушечнымъ выстрѣламъ о происходившемъ, спѣшили на помощь, вошли съ 50 челнами въ каналъ, овладѣли двумя галерами, выручили своихъ сподвижниковъ и возвратились съ побѣдою и добычею. — Кошевой Атаманъ Сѣрко писалъ о семъ подвигѣ Запорожцевъ къ Крымскому Хану Мураду слѣдующее: „Братья наши Запорожцы року ахко (1629) съ вождемъ своимъ воюючи въ човнахъ по Евксинопту, коснулись мужественно и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ и оныя довольно окуривали дымомъ мушкетнымъ при великомъ Султановѣ и всѣмъ мѣшканцамъ Цареградскимъ сотворили страхъ и смѣшеніе и нѣкоторыя одлеглѣйшія селенія Константинопольскія запаливши толь счастливо и зъ многими добычами до Коша своего повергнули.“ *La Croi. Engel. Истор. Малой Рос.*

11) „Казаки удерживають изъ добычи только золото, серебро и драгоцѣнныя парчи; все прочее жгутъ или бросаютъ за бортъ въ воду. Въ плѣнъ берутъ только молодыхъ людей или такихъ стариковъ, за которыхъ надѣются получить богатый выкупъ.“ *Опи-*

саніе Дона Вице-Адмираломъ Крейсомъ; любопытный отрывокъ изъ онаго помѣщенъ въ Сѣв. Арх. 1824. XI. 283 — 296. Крейсъ служилъ при Петрѣ Великомъ; книга его издана въ Амстердамѣ въ 1703 году на Голландскомъ языкѣ. Онъ говоритъ, что Донскихъ, Запорожскихъ и Малороссійскихъ Казаковъ должно почитать за одинъ народъ — по сходству образа жизни, языка, домостроительства, одежды и богослуженія.

12) Поляки называли Украйну *молочною и медовою землею.*

13) Lieues. Судя по описанію Днѣпровскихъ пороговъ, можно съ достовѣрностью полагать, что Бопланъ употребляетъ для измѣренія Географическія мили: ибо старая Французская миля въ 2000 тоазовъ равнялась только 1827 саженямъ; пороги же, занимающіе по измѣренію Боплана до 7 *добрыхъ* миль, идутъ на 65 верстъ.

14) „Казаки, живущіе по Днѣпру у пороговъ, мало занимаются хлѣбопашествомъ — и не удивительно, потому что трудно было бы всякаго рода хлѣбъ перевозить сухимъ путемъ въ Азовское море, или торговать около онаго; ибо хотя Днѣпръ около Кіева и въ другихъ мѣстахъ довольно глубокъ, однако свободное плаваніе по оному пресѣкается на 50 миль ниже города высокими и низкими утесами, которые Казаки называютъ порогами; отъ чего и сами они носятъ имя Запорожцевъ. Другая причина ихъ несклонности къ земледѣлію та, что какъ Запорожцы, такъ и Донскіе Казаки, мало употребляютъ

въ пищу хлѣба или другихъ какихъ растеній, а болѣе охотники до рыбы, разныхъ мясъ, яицъ, молока и овощей: всего этого находится въ излишествѣ.“ *Крейсъ.*

15) „Казаки, какъ и многіе сѣверные народы, охотники до крѣпкихъ напитковъ; однако въ походѣ, а особливо въ морскихъ поѣздкахъ, рѣдко встрѣтите пьянаго; ибо запрещается имъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, брать съ собою вино или водку: обыкновеніе, достойное похвалы въ такомъ народѣ, который многіе почитаютъ варварскимъ; въ семъ отношеніи Казаки превосходятъ нашихъ матросовъ.“ *Крейсъ.*

16) „Природныя качества ихъ суть добродушіе и щедрость; они не копятъ богатства, имѣютъ много ума, хитры и особенно искусны въ военномъ дѣлѣ; весьма храбры и готовы равнодушно переносить голодъ, жажду и всѣ случающіяся въ войнѣ тягости. Жаль только, что они такъ легкомысленны и непостоянны, хотя въ бумагахъ и называютъ себя всегда вѣрными.“ *Крейсъ.*

17) Gosches т. е. gozdziec — такъ называютъ Поляки болѣзнь, извѣстную въ Малороссіи и Польшѣ подъ именемъ Колтуна — Plica Polonica.

18) „Казаки болѣзней почти не знаютъ. Большая часть ихъ умираетъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ, или отъ старости.“ *Крейсъ.*

19) Сіе извѣстіе Боплана подтверждаютъ сами Поляки. Приводимъ слова нѣкоторыхъ

изъ нихъ. «Nobilitatem se supra homines aestimasse, et Cosaccos per arrogantiam intolerabilem oppressisse.« *Josefowitsch.* — «Cum plebe Ukrainensi non sine aliqua injuria agitatum diffiteri nequeam. Consueta onera utcunque tolerabant, e. c. decumare equinas, recensere armenta, decuncem mellificii accipere. Verum postquam sub nomine augendorum censuum reperta sunt nova exactionum vocabula, utpote a venatione ferarum pelles, a piscatione insuetum vectigal, pro diurno labore capitatim triobolares nummi, mulctae etc. tum murmurabant. Judaei sive a rationibus redituum proventus cum praejudicio municipum intendebant, sive monopolia exercendae cauponariae redimebant etc.» *Kochowki.* Грондскій увѣряетъ, что Польскіе дворяне по произволу отнимали у крестьянъ Украинскихъ сыновей для дворовой прислуги; не уменьшая за то нисколько подати; оставляли отцу для помощи одного только сына, а съ прочихъ, женатыхъ, брали каждую недѣлю по одному Польскому грошу; что за новорожденныхъ дѣтей, особенно за сыновей, и за вѣнчаніе также платилась подать по грошу; что арендаторы Жиды еще болѣе увеличивали бѣдствія Украинцовъ. Самыя церкви Грекороссійскаго вѣроисповѣданія отдавались на откупъ — Жидамъ.

Бопланъ описываетъ угнетеніе крестьянъ Малороссійскихъ во время *Польскаго* владычества, *Польскимъ* дворянствомъ. Сіи угнетенія были одною изъ главныхъ причинъ, заставившихъ Малороссовъ искать покровительства Государя Россійскаго. Читатель, желающій подробнѣе узнать о семъ предметѣ, можетъ заглянуть въ Исторію Малой Россіи,

изданную въ 1830 году Д. Н. Бантышемъ Каменскимъ, который помѣстилъ въ семъ сочиненіи извѣстіе Бопланово о состояніи крестьянъ Малороссійскихъ, дополнивъ оное многими фактами, еще болѣе возбуждающими сожалѣніе къ участи Малороссіи, во время владычества тамъ Поляковъ. — *Ист. Мал. Рос. ч.* I. *стр.* 160, 161, 201, 202, 219 *и* 220.

20) Кіевъ разрушенъ Батыемъ не за 900 лѣтъ до Боплана, а за 4 вѣка, въ 1240 году.

21) Рисунокъ № 1.

22) Знаменитый естествоиспытатель Палласъ, при изслѣдованіи Таврической области, между Козловомъ и Судакомъ близъ Парфенита и на мысѣ Ифигеніи у Георгіевскаго монастыря, замѣтилъ горизонтальные слои крупнаго хряща, сросшіеся посредствомъ известковой извязи и перемѣшаные съ цѣльными или изломанными раковинами, которыя еще несовершенно превратились въ известь. — Слои лежатъ по самому обрѣзу, наискось наклонныхъ слоевъ первозданныхъ Таврическихъ горъ, не болѣе какъ на $1\frac{1}{2}$ сажени надъ поверхностью Чернаго моря и произошли изъ морскихъ осадокъ. — Раковины, заключающіяся въ нихъ, одинаковаго рода съ тѣми, которыя находятся въ Черномъ морѣ. Это показываетъ, что слои образовались весьма недавно. Сравнивая возвышеніе ихъ надъ морскою поверхностью съ древними берегами Азовскаго моря, коихъ слѣды и теперь еще замѣтны, Палласъ заключаетъ, что они образовались прежде, нежели Черное море открыло проходъ чрезъ Дарданелы и уровняло свою поверх-

ность съ Средиземнымъ. По его мнѣнію въ древнія времяна море покрывало большую часть Таврической равнины, равно какъ и часть степи между Днѣпромъ и Бердою. *Краткое Физическое и Топографическое описаніе Таврической Области, П. Палласа* 1795.

Не излишнимъ считаемъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ доказательствъ Палласа о прежде-бывшемъ соединеніи Чернаго моря съ Каспійскимъ. Они еще болѣе подтверждаютъ мнѣніе нашего Автора. „Лѣвый берегъ рѣки Сарпы состоитъ изъ возвышенной земли, со многими мысами и заливами. Здѣсь оканчивается Сѣверная возвышенность; далѣе на югъ идутъ сухія, глинистыя и солоноватыя степи Волжскія и Куманскія. Лѣвый берегъ Сарпы прорѣзывается многими широкими долинами, между коими находятся мысы; отъ послѣдняго изъ нихъ, близъ Сарепты, возвышенія поворачиваютъ къ сѣверу, вдоль по Волгѣ, до средней Елшанки, занимаютъ промежутокъ между Дономъ и Волгою до Царицына и прерываются на правомъ берегѣ Волги. Степь по лѣвую ихъ сторону, даже при верховьяхъ рѣки Буруслана, имѣетъ одинаковое свойство и положеніе съ обширною южною степью.“

„Сія возвышенность земли, песчаная крутизна оной, заливы, мысы, и солоноватая глинистая почва степей Куманскихъ, Калмыцкихъ и Уральскихъ, усѣянная безчисленнымъ множествомъ черепокожныхъ, заставляютъ Географовъ догадываться о первобытномъ ихъ состояніи и о пространствѣ береговъ Каспійскаго моря, о бывшемъ соединеніи его съ Чернымъ, подтверждаютъ мнѣніе *Турнефорта* (род. 1656 г. ум. 1708) о прорывѣ Чернаго мо-

ря въ Средиземное, быть можетъ во время Девкаліонова потопа."

„Ровная поверхность степей Уральскихъ, Калмыцкихъ и Волжскихъ, усѣянныхъ Каспійскими черепокожными, солоноватость безплодной почвы, состоящей изъ морскаго наноснаго ила, слѣпившагося песка, или желтоватой глины, безчисленное множество солончаковъ и озеръ, покрывающихъ степи, служатъ неоспоримыми доказательствами, что онѣ составляли нѣкогда дно морское. — Слѣдовательно возвышенія между Дономъ и Волгою, по теченію Сарпы, холмы общаго Сырта между Волгою и Ураломъ составляли древніе берега Каспійскаго моря. На сихъ берегахъ солоноватость почвы степей и черепокожныя Каспійскаго моря исчезаютъ; земля покрыта толстымъ слоемъ дерна и чернозема. Гряды кораловъ и черепокожныхъ по возвышенностямъ, при источникахъ Волги, свойственны уже глубинамъ Океана: ихъ нѣтъ ни въ Каспійскомъ, ни въ Черномъ моряхъ; они занесены древними великими наводненіями земнаго Шара. Но спрашивается куда ушли воды, покрывавшія обширныя степи отъ устья Дона до Урала, отъ Урала до Аральскаго моря и далѣе, и какой естественный переворотъ осушилъ дно морское? Думаемъ, согласно съ Турнефортомъ, что горы Ѳракійскаго Босфора нѣкогда отдѣляли Средиземное море отъ Чернаго и что послѣднее, наполняемое обильными водами Дуная, Днѣстра, Днѣпра, Дона и Кубани, продолжительнымъ дѣйствіемъ волнъ своихъ или при помощи землетрясенія, разорвало естественную преграду, хлынуло въ Средиземное, наводнило часть Греціи, острова Архипелага и произвело тѣ опустошенія, о

коихъ дошли однѣ темныя преданія. — Чрезъ верховья рѣки Сарпы и Маныча возвышенный кряжъ — древній берегъ Каспійскаго моря идетъ на западъ; на востокъ отъ онаго лежитъ степь, которая къ югу ограничивается возвышеніями, находящимися между Манычемъ и Кумою, а далѣе Кавказомъ. — Симъ то узкимъ и топкимъ каналомъ, коего слѣды и теперь показываетъ рѣка Манычъ, въ древнія времена соединялось Каспійское море съ Чернымъ, которое стояло тогда нѣсколькими саженями выше нынѣшней своей поверхности. Когда же волны морскія нашли себѣ путь чрезъ Константинопольскій проливъ, моря Черное, Каспійское и Аральское раздѣлились, прежде бывшія мели превратились въ наносный песокъ, острова образовали холмы, морскія бездны — озера и солончаки.“ *Путеш. Палласа по разнымъ провинц. Россійск. Государ. час. III Отд. 2.*

23) Монастырь Кіево-печерскій основанъ при Изяславѣ Ярославичѣ, княжившемъ съ 1054 по 1078 годъ.

24) Описывая Кіевскія пещеры и Св. Угодниковъ, тамъ почивающихъ, Авторъ дозволилъ себѣ слѣдующее дерзкое разсужденіе, предосудительное для каждаго истиннаго Христіанина, тѣмъ болѣе для Католика, разсужденіе, которое доказываетъ, что легкомысленное вольнодумство, принесшее въ наше время столь горкіе плоды Франціи, уже и въ XVII столѣтіи наполняло головы Французовъ: » Pour moy ie ne trouue point de notable difference entre ces corps & la Mumie d'Egypte, excepté que leur chair n'est ny si noire ny si dure, & ie croy que ce qui les

conserue si long temps incorruptibles est la nature de ces grottes ou mines, lesquelles sont d'vn sable en quelque façô pierreux, & qui en Hyuer sont chaudes & seches, comme froides et seches en Esté sans humidité quelconque.“ Доказывать нелѣпость сего мнѣнія переводчикъ считаетъ излишнимъ. Каждый, кто знаетъ, что такое мумія, увидитъ, что Авторъ вовсе не разумѣетъ, о чемъ пишетъ. Переводчикъ хотя и убѣжденъ въ безразсудности его сужденія, однакожъ не рѣшился выкинуть оное: ибо далъ Публикѣ слово не выпускать изъ оригинала ни одного выраженія.

25) le Patriarche de toute la Russie: Кіевскіе Митрополиты никогда не назывались Патріархами; впрочемъ, согласно съ извѣстіемъ Боплана, они съ 1461 писались Митрополитами Кіевскими *и всея Россіи.* Вотъ титулъ одного изъ нихъ, Іосифа Солтана: „Іосифъ Милостію Божіею и пречистое его Матере Архіепископъ Митрополитъ отъ Святѣйшое Митрополіи Кіевское *и всея Россіи.*“

26) Richow - Ржищевъ. „А ниже Стайки на Днѣпрѣ градъ Иржищево. А ниже *Ржищева* три мили градъ Ходоровъ.“ *Древняя Россійская Идрографія,* 96.

27) Tretemirof Cloistre des Roux. „А ниже Ходорова градъ *Терехъ - Темиревъ* Казацкой.“ *Др. Рос. Идр.* 96.

28) По крайней мѣрѣ о Переяславлѣ упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ съ Греками, въ 906 году, хотя Несторъ и приписываетъ Владиміру заложеніе онаго на берегѣ Трубежа въ 993 году.

29) То есть на правой стороне Днепра: съ XVI столетия воеводства Русское, Львовское и Бельзское известны подъ названиемъ Чермной России.

30) Krilow assise sur la riuiere de Ytazemien „на реке на *Тесмени* градъ *Криловъ*." *Др. Рос. Идр.* 97.

31) Vn certain Soliman general de quelques Cosaques rebelles — это былъ Сулима, предводитель Запорожцевъ.

32) Komaiky. Въ сражении подъ Кумейками, близъ Корсуня, въ Киевской Губернии, Казаки имели предводителемъ отважнаго Павлюка, а Поляки Николая Потоцкаго, Гетмана Напольнаго, Воеводу Брацлавскаго.

33) На востокъ отъ Карпатскихъ горъ отделяется гранитная полоса; она проходитъ чрезъ Днестръ у Дубосаръ, чрезъ Бугъ у Соколова, чрезъ Ингулъ у Елисаветограда, и ниже Екатеринославля чрезъ Днепръ, потомъ появляется на северной стороне Саматы, близъ рекъ Конской, Молочной, и исчезаетъ на правомъ береге реки Берды, впадающей въ Азовское море. Днепръ, встретивъ сiю гранитную полосу, быстро стремится по камнямъ большимъ и малымъ, которые лежатъ въ реке и мешаютъ судоходству. Гряды скалъ въ иныхъ местахъ идутъ отъ одного берега до другаго и называются *порогами*, въ другихъ же занимаютъ только часть русла реки и известны подъ именемъ *заборъ*. Всехъ пороговъ X и 4 заборы; они известны подъ следующими названiями:

По Гидрографической Картѣ Днѣпровскихъ пороговъ.	Паденіе воды.				Изслѣдованія къ объясненію древней Россійской Исторіи Лерберга.
	На пропяженіи, саж.	Сажени.	Футы.	Дюймы.	
I. Старо-Койдацкій.	180	—	2	—	I. Койдацкій.
1. *Волошинова.*					1. *Волшиная или Яцкая.*
II. Сурскій.	70	—	1	—	II. Сурскій.
					2. *Кривая.*
III. Лоханскій.	287	1	3	2	III. Лоханскій.
2. *Стрѣльчья.*					IV. Стрѣльчій.
IV. Звонецкій.	140	—	4	9	V. Звонецъ или Звонецкій.
V. Технинскій.	73	—	4	2	VI. Тихнинскій или Княгининъ.
VI. Ненасытецкій.	400	2	—	2	VII. Ненасытецкій.
3. *Воронова.*					3. *Воронова.*
4. *Кривая.*					4. *Кривая.*
VII. Волнигскій.	150	—	5	7	VIII. Волный. или Волнинскій.
VIII. Будиловскій.	116	—	4	10	IX. Будильскій. или Будинскій.
					X. Таволшанскій.
IX. Лишній.	150	—	3	5	XI. Личный.
X. Вильный.	307	1	—	11	XII. Вольный.

Въ древней Россійской Идрографіи, — по сказкѣ Запорожскихъ Черкасъ.	Императоръ Константинъ Багрянородный.	
	по Славянски:	по Русски:
I. Кадакъ.	I. Нессупи.	Нессупи.
II. Звонецъ.		
III. Сурской.		
IV. Лоханной.	II. Островуни прагъ.	Ульворси.
V. Стрѣльчей.	III. — —	Геландри.
VI. Княгининъ.		
VII. Неясытецъ	IV. Неаситъ.	Афаръ.
VIII. Воронова Забора.		
IX. Волнѣгъ.	V. Вулнипрагъ.	Баруфоросъ.
X. Будило.	VI. Веручи.	Леанти.
XI. Лычна.	VII. Напрези.	Струвунъ.
XII. Товолжаной		
XIII. Вольной.		

По вѣрнѣйшему измѣренію Днѣпровскихъ пороговъ, обозначенному на Гидрографической Картѣ, составленной въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія, Днѣпръ упадаетъ до 20 саженъ и 2 футовъ на пространствѣ 65 верстъ 276½ саженъ, занимаемомъ порогами. — Извѣстіе Боплана о паденіи Днѣпра на порогахъ съ высоты 6, 8 и даже 15 футовъ, — извѣстіе совершенно впрочемъ справедливое, ввело многихъ въ заблужденіе и заставило думать, что пороги суть ничто иное, какъ водопады. Сіе мнѣніе произошло единственно отъ того, что Бопланъ не означилъ протяженія пороговъ, на которомъ вода падаетъ съ показанной имъ высоты. Ошибку сію справедливо замѣтилъ Лербергъ. Одинъ взглядъ на продольную профиль пороговъ можетъ увѣрить всякаго, что это вовсе не водопады.

34) Противъ Стрѣльчьей заборы нѣтъ никакого острова; кажется Бопланъ описываетъ здѣсь Лоханскій островъ, лежащій выше Лоханскаго порога.

35) „& qui a la vertu de faire vriner les cheuaux.“

36) По мнѣнію Лерберга, Казаки называли Кашеварницею островъ Большой Дубовъ, лежащій въ одной верстѣ отъ послѣдняго порога.

37) Островъ сей извѣстенъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова Св. Григорія. Тамъ древніе Руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ въ началѣ XVI столѣтія Запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставили ее,

въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули. Во время Турецкой войны 1738 года Россіяне строили на Хортицѣ корабли. Наконецъ Князь Потемкинъ заселилъ сей островъ *Нѣмецкими Менонистами* изъ Данцига.

38) При взятіи Казаками въ 1576 году крѣпости Исламова городка, погибъ первый ихъ Гетманъ — мужественный Князь Богданъ Рожинскій. Въ жару приступа онъ былъ поднятъ на воздухъ при взорваніи подкопа.

39) Kosesow est vne ville antique à *l'Orient* — явная опечатка. Городъ сей лежитъ на западномъ берегѣ Крыма. Тамъ показанъ онъ и на картѣ Боплана, изданной Д. Н. Бантышемъ Каменскимъ.

40) „Мы видѣли на берегахъ Ахтубы три селенія кочующихъ Татаръ Кундурау, происходящихъ отъ Кубанцевъ. — Юрты ихъ видомъ и устроеніемъ вовсе не похожи на юрты Калмыковъ и другихъ кочующихъ Азіатцовъ. Онѣ не велики, имѣютъ въ поперечникѣ не болѣе 4 или 5 аршинъ и могутъ уставиться на большой телѣгѣ; разбирать же ихъ по частямъ нельзя. — Круглыя стѣны юрты сплетены изъ тонкихъ палочекъ, которыя вверху нагнуты и прикрѣплены концами къ ободу отдушины, оставленной для выхода дыма. Сіи стѣны обтягиваются рогожею изъ тростника, а юрта покрывается тонкимъ войлокомъ; — при переѣздѣ она ставится на двухъ-колесную телѣгу — Арбу такъ, что лежитъ сзади и спереди на оси и покрываетъ всю телѣгу съ колесами. Кундураи накладываютъ на телѣгу небольшое свое имѣніе, сун-

дуки, посуду и проч., сажаюшъ въ юршу женъ и дѣшей и перекочевываюшъ съ мѣсша на мѣсшо; богашые имѣюшъ по двѣ и болѣе шакихъ кибишокъ. Нравами, наружнымъ видомъ и образомъ жизни Кундураи ни чѣмъ не различаюшся ошъ Крымскихъ и Бессарабскихъ Ташаръ. " *Палласа путеш. по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства.* Сіе описаніе Ташарскихъ кибишокъ совершенно сходно съ рисункомъ Боплана N° 2.

41) Въ подлинникѣ: de martre sublime — думаю опечашка, вмѣсшо de martre zibeline.

42) „Ainsi cheminent ces grandes armées qui font des posées d'heure en heure, viron d'vn ½ quart d'heure de temps pour donner loisir à leurs cheuaux d'vriner, lesquels sont si bien dressez qu'ils n'y manquent si tost qu'ils sont arrestez, & lors les Tartares descendent de dessus, & se mettent aussi à vriner.

43) Въ Нѣмецкомъ переводѣ Мёллера Zacsik.

44) Рисунокъ N° 3.

45) Рисунокъ N° 4.

46) Рисунокъ N° 5.

47) „У Казаковъ нѣшъ родоваго дворянсшва; однако всѣ подчинены одному начальнику, кошорый избираешся ими единогласно. Они называюшъ его Ашаманомъ: сей управляешъ полковниками, сшаршинами, воеводами и гражданскими чиновниками. Избираемый чиновникъ

не легко можетъ отказаться отъ поручаемой ему должности: часто случалось, что такого, почитая измѣнникомъ или недоброжелателемъ общей пользѣ, казнили смертію. Самъ Атаманъ не безопасенъ при неудачѣ какого либо похода, ибо таковое несчастіе обыкновенно ему приписываютъ въ вину, и онъ за это платитъ иногда головою. Когда избранному объявятъ его чинъ, онъ благодаритъ собраніе за честь и клянется братьямъ (инаго названія Казаки другъ другу не даютъ) и отечеству не щадить жизни для общаго блага и быть вѣрнымъ исполнителемъ возложеннаго на него порученія .... Должность Атамана, какъ высшаго судьи, состоитъ въ наблюденіи за сочиненіемъ и исполненіемъ законовъ, и какъ верховнаго вождя въ предводительствованіи войскомъ во время походовъ. Если онъ сдѣлаетъ проступокъ, то его отставляютъ, а иногда и казнятъ. « *Крейсъ*.

48) & font election d'un General pour les commander en ce voyage.

49) Рисунокъ № 6.

50) »Казацкія суда, которыя они называютъ челнами, не имѣютъ палубъ и походятъ на Неаполитанскія фелюки или Гишпанскія баркелонги. Корма и носъ у нихъ острые; длиною они отъ 50 до 70 и болѣе футовъ, а шириною отъ 18 до 20 футовъ. Казаки обводятъ сіи суда пуками изъ тростника, которые служатъ имъ грудною защитою противъ ружейной пальбы. Суда одномачтовыя съ рейнымъ парусомъ, который ставится только по вѣтру и то по нуждѣ; для плытія боль-

шею частію употребляются весла, которыхъ находится для одного судна отъ 16 до 40. Казаки симъ средствомъ нагоняютъ не только Татаръ, но и Турокъ, и умѣютъ нечаянно на нихъ нападать, какъ съ сухаго пути, такъ и съ моря .... Нѣкоторыя ихъ суда имѣютъ на кормѣ и на носу по рулю, или по загребному веслу. Къ таткимъ судамъ привязываютъ къ бортамъ пучья изъ тростника, чтобъ не быть опрокинутыми. Прежде сего не возили они съ собою никакихъ орудій: теперь нѣсколько уже лѣтъ берутъ фалконеты, а впрочемъ Казацкія таткія суда не могли бы снести тяжелыхъ пушекъ и сильной пальбы. Пища Казаковъ въ походѣ состоитъ изъ сухарей, копченаго мяса, ячменю и ячной муки. Изъ ячменю они готовятъ кашу, а изъ муки приготовляютъ напитокъ, называемый саламата.« *Крейсъ.*

51) Въ подлинникѣ: l'Admiral à sa marque au masts и проч. Казаки никогда не имѣли у себя Адмираловъ и Бопланъ назвалъ походнаго Атамана Адмираломъ, вѣроятно по сходству должности его съ Адмиральскою.

52) Иногда Донцы избирали путь сей для выѣзда на морскіе поиски: ибо устье Дона, такъ какъ и Днѣпровскій лиманъ, всегда охранялось Турецкою стражею, а въ добавокъ къ тому, близъ Азова чрезъ рѣку протянуты были цѣпи. Удальцы, поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили челны свои на Міусъ, и сею рѣкою выходили въ море.

53) Приводимъ еще нѣкоторыя извѣстія Крейса о морскихъ походахъ Казаковъ: »По-

иски надъ купеческими кораблями и вооруженными галерами Казаки производяшъ по большой части ночью или въ шуманную погоду. Въ другое время небольшое число пушечныхъ выстрѣловъ могло бы уничтожить ихъ совершенно: ибо они большею частію идушъ всѣ вмѣстѣ и суда ихъ такъ близко одно отъ другаго, что негдѣ имъ поворотиться. Турки не могушъ найти большой выгоды въ завоеваніи Казацкихъ челновъ: имъ нужны Казаки, которыхъ они обращаютъ въ рабство. Сіе иногда имъ удается, только въ сраженіяхъ на морѣ, но не около береговъ, потому, что Казаки мастера плавать; а когда выйдутъ на берегъ, то трудно ихъ настигнуть. Они умѣютъ очень искусно прятать свою добычу, топить суда и потомъ добывать ихъ снова изъ воды. Обыкновенно они хорошо одѣваются, но когда идутъ въ море, то надѣваютъ на себя старыя вѣтоши. Турки напротивъ того, готовясь къ сраженію, наряжаются въ драгоцѣнныя платья и носятъ на себѣ золотыя и алмазныя вещи. «

54) Pomagabog, qui vaut autant à dire que Dieu vous benie ...

55) Dospodorge.

56) au son d'vne douda.

57) Il y a apparence que lors que l'on a donné ce priuilege aux paysans que c'estoit du temps que les Polonnois en l'election de leurs Roys prenoient celuy qui couroit le plus viste les pieds nuds. По баснословнымъ преданіямъ Польскихъ лѣтописцевъ, по смерти Лешка

IV, конная скачка рѣшила избраніе Короля; потому неудивительно если также бѣганье въ запуски могло доставить въ тѣ времена Польскую корону, особенно когда вспомнимъ, что скипетръ могущественной Персіи достался Дарію Истаспу ржаніемъ его жеребца. Впрочемъ Малороссіяне не могли, кажется, заимствовать отъ притѣснителей своихъ — Поляковъ обычая, похищать благородныхъ дѣвицъ, во время пляски. Не есть ли это остатокъ древняго языческаго обыкновенія, описаннаго Несторомъ? » А Древляне живяху звѣ» риньскимъ образомъ, живуще скотьски: оу» биваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и » брака оу нихъ не бываше, *но оумыкиваху » оуводы дѣвиця.* И Радимичи, и Вятичи, и » Сѣверъ одинъ обычаи имяху: живяху в лѣсѣ, » якоже всякии звѣрь, ядуще все нечисто, » срамословье в нихъ предъ отьци и предъ сно» хами; браци не бываху въ нихъ, *но игрища » межю селы. Схожахуся на игрища, на пля» санье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту оу» мыкаху жены собѣ, с неюже кто съвѣщашеся;* » имяхуже по двѣ и по три жены. « *Лѣтопись Несторова, по списку Мниха Лаврентія* 8.

58) en luy disant ces mots *Christos vos Christ*, & l'Euesque le releuant luy respond *Oystinos vos Christos* ...

59) Переводчикъ, строго исполняя обѣщаніе свое — передать сочиніе Боплана безъ малѣйшей перемѣны, рѣшился сохранить и это безсмысленное описаніе Автора. Каждый изъ насъ знаетъ священную цѣль обряда цѣлованія во время Пасхи, и безъ сомнѣнія никто не

повѣрить словамъ иновѣрца — Француза, который хотѣлъ позабавить на нашъ счетъ своихъ легковѣрныхъ соотечественниковъ и не постыдился оболгать Пастырей церкви, которые всегда отличались благочестіемъ, кротостью, чистотою нравовъ, любовью къ Отечеству и непоколебимою преданностію къ Престолу. — Бопланъ лишился бы улыбки современниковъ, но заслужилъ бы благодарность потомства, еслибы описалъ добродѣтели нашего духовенства, которое въ Малороссіи, въ его время, не могло быть совращено съ пути Православія ни интригами Iезуитовъ, ни гоненіями Поляковъ.

60) qu'ils appellent *Dospodé*.

61) c'est chose odieuse de voir ses malheureux yures de la sorte, sans auoir mangé aucun morceau de pain, se rouller dans leurs saletez comme pourceaux.

62) que les François appellent coltons.

63) Нельзя точно опредѣлить времени, когда появился колтунъ — болѣзнь неизвѣстная въ Россіи, свойственная только Польшѣ и немногимъ областямъ, къ ней прилегающимъ. — Нѣкоторые Польскіе писатели утверждаютъ, что она появилась въ 1387 году, т. е. послѣ вторженія Татаръ, но Медики относятъ появленіе ея къ XV вѣку, вообще богатому новыми, дотолѣ неизвѣстными Европейцамъ, болѣзнями. Отвратительная и вмѣстѣ съ тѣмъ опасная болѣзнь колтунъ не щадитъ ни пола, ни возраста, и особенно свирѣпствуетъ между низшимъ класомъ наро-

да — крестьянами и Жидами. До сихъ поръ не открыто еще начала сей болѣзни; матерія колтуна бросается въ волосы или ногти при переломѣ болѣзни; а до того времени больной долженъ обыкновенно переносить нестерпимыя мученія. Если врачъ не успѣетъ вогнать матеріи въ волосы или ногти, она бросается въ мозги, легкія, желудокъ, и тогда смерть неизбѣжна. Послѣ перелома болѣзни, припадки прекращаются, больной выздоравливаетъ нечувствительно и волосы выростаютъ. Рѣдко сія болѣзнь проходитъ въ нѣсколько дней или недѣль; обыкновенно она продолжается отъ одного мѣсяца до четырехъ, а иногда круглый годъ. *Малтебрюнъ*: *Precis de la Géographie universelle* и *Рихтеръ*: *Истор. Медицины въ Россіи.*

64) Рисунокъ N° 7.

65) »По дорогѣ въ Крымъ на степяхъ Нагайскихъ я не замѣтилъ даже и слѣдовъ земледѣлія потому, что Нагаи обработываютъ поля свои вдали отъ большой дороги; иначе онѣ служили бы пастбищемъ для лошадей путешественниковъ. Такимъ образомъ Татары предохраняютъ поля свои отъ опустошенія, но ни что неможетъ защитить ихъ отъ саранчи, Сіи насѣкомыя налетаютъ тучами на равнины Нагайскія, садятся на поля, особенно засѣянныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается земледѣльцамъ — Нагаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поля ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною въ 6

или 7 дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, которой она издаетъ пожирая растенія и который можно сравнить съ звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ гдѣ отдыхала саранча не остается и слѣдовъ прозябѣнія. Бичъ сей вѣроятно не пощадилъ бы плодоносныхъ полей Греціи и Малой Азіи, если бы Черное море не поглощало саранчи, когда она усиливается перелетѣть чрезъ сію естественную преграду. Не рѣдко я находилъ берега Эвксинскаго Понта близъ Босфора Фракійскаго покрытыми изсохшею саранчею, такъ что нельзя было пройти по берегу безъ того, чтобы не увязнуть въ ея кучахъ. Любопытствуя знать причину истребленія ея, я выжидалъ случая и былъ свидѣтелемъ, какъ буря, заставъ саранчу близъ береговъ, истребила ее совершенно: принесенная волнами къ берегамъ, она издавала такой несносный запахъ, что долго не возможно было къ нимъ приблизиться.« *Mémoires du Baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares.*

66) Bobaques — Байбакъ: такъ называютъ на Дону Сурковъ.

67) Бопланъ описываетъ Пеликана, Pelecanus onocratalus, извѣстнаго у насъ подъ именемъ *Бабы-птицы.*

68) & mesme le membre que par pudeur ie n'ose nommer.

69) Рѣка Мерло впадаетъ въ Ворсклу въ Полтавскомъ уѣздѣ.

70) До конца XIV столѣтія корона Польская была наслѣдственною въ родѣ Пястовъ; Государи имѣли власть болѣе или менѣе неограниченную, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ своимъ достоинствамъ. Это доказываетъ исторія Казимира Великаго: видя пагубныя слѣдствія своевольства Магнатовъ при его предшественникахъ, онъ совершенно ограничилъ вліяніе ихъ на дѣла общественныя. Но сей Государь, послѣдній изъ рода Пястовъ, не могъ иначе оставить престола своему усыновленному племяннику, Людовику Венгерскому, какъ подписавъ слѣдующія условія: 1) чтобы корона по смерти его была не наслѣдственною, а избирательною; 2) чтобы налоги, исключая поземельной подати, были уничтожены; 3) чтобы коронныя должности давались однимъ только Польскимъ дворянамъ, и притомъ на цѣлую жизнь, и 4) чтобы Короли не пользовались староствами и коронными помѣстьями, а жаловали оныя дворянамъ въ пожизненное владѣніе. Сіи условія послужили основаніемъ Польскимъ Государственнымъ условіямъ — Pacta conventa — и источникомъ споровъ о престолѣ, которые довели до мнимаго свободнаго избранія и золотой Польской вольности, погубившей Польшу. — Не смотря на снисхожденіе и уступчивость Людовика Венгерскаго, желавшаго оставить корону Польскую Сигизмунду, супругу старшей своей дочери, Великій Князь Литовскій Ягелло получилъ оную въ 1386 году, вступивъ въ бракъ со второю дочерью Людовика, Гедвигою, и подписавъ новыя условія, предложенныя Магнатами, въ томъ числѣ neminem captivabimus, по которому всякій дворянинъ Польскій, сдѣлавъ какое бы то ни было престу-

пленіе, не боялся лишиться свободы прежде изобличенія въ судѣ, и могъ не только укрыться отъ меча правосудія, но еще силою противиться оному. — Ягелло, Король расточительный, всегда нуждался въ деньгахъ; для полученія оныхъ, онъ приказалъ собрать частные Сеймы — *Сеймики* съ тѣмъ, чтобы депутаты ихъ послѣ на общемъ Сеймѣ наложили чрезвычайную подать. До того времени одни только коронные чиновники и высшее духовенство составляли Польскіе Сеймы; дворянство же мало имѣло вліянія на Государственныя дѣла; но съ установленіемъ Сеймиковъ и появленіемъ депутатовъ ихъ на общихъ Сеймахъ, вся власть перешла въ его руки такъ, что въ концѣ XV вѣка Сеймы присвоили себѣ право издавать законы, налагать подати, чеканить монету, распоряжать внутреннимъ управленіемъ Королевства, объявлять войну и заключать миръ. Всѣ коронныя имѣнія находились въ рукахъ дворянъ и Короли получали отъ нихъ необходимыя пособія для защиты границъ Государства не иначе, какъ уступая какое нибудь изъ своихъ Королевскихъ правъ. Такъ при Казимирѣ IV положено издавать законы по согласію съ Сеймомъ; при Іоаннѣ Албертѣ — не дозволять горожанамъ и земледѣльцамъ владѣть поземельною собственностью; при Александрѣ, братѣ и наслѣдникѣ Алберта, — рѣшать дѣла Государственныя по опредѣленію Сейма. — Наконецъ при Сигизмундѣ Августѣ, послѣднемъ Королѣ Польскомъ изъ дома Ягелла, Магнаты достигли цѣли, къ которой они стремились около ста лѣтъ: они получили право на свободное, неограниченное избраніе Королей и въ то же время составили условія, ко-

торыя утверждались кандидатами на престолъ прежде ихъ избранія. Это были Pacta conventa. Кромѣ ограниченій, подписанныхъ Людодовикомъ Венгерскимъ и его преемниками, въ нихъ заключались еще слѣдующія условія: 1) Корона должна быть избирательною; Король не имѣетъ права при жизни своей назначать наслѣдника; 2) Сеймы должны сбираться чрезъ каждые два года; 3) всякій дворянинъ имѣетъ право подавать голосъ на избирательномъ Сеймѣ; 4) въ случаѣ неисполненія Королемъ условій, подданные разрѣшаются отъ присяги вѣрности. — Гибельныя слѣдствія мнимо-свободнаго избранія оказались на первомъ избирательномъ Сеймѣ: однѣ только интриги и золото могли склонить партіи къ единодушному избранію Генриха Валуа; золото и сабля Стефана Баторія рѣшили второе избраніе; сабля Замойскаго доставила скипетръ третьему свободно избранному Королю Польскому Сигизмунду. — Всѣми умами въ Польшѣ овладѣло удивительное ослѣпленіе: Поляки видѣли раздоры, междоусобія, подкупы на Сеймахъ, истребленіе правосудія въ судахъ, опустошенія и потерю пограничныхъ областей, упадокъ промышленности и торговли, запустѣніе городовъ, славившихся прежде своимъ богатствомъ; знали, что это слѣдствія ихъ избирательнаго правленія и ограниченія Королевской власти — и новымъ безумствомъ болѣе и болѣе увеличивали зло. Они, или лучше сказать, Магнаты, приставили къ лучшему своему Королю, Стефану Баторію, нѣсколько Сенаторовъ, безъ вѣдома коихъ Король не могъ ступить шагу. Этаго мало: въ бурное царствованіе Іоанна Казимира появилось на Сеймахъ новое орудіе своенравія —

liberum veto, когда депутатъ Сицинскій однимъ словомъ nie pozwalam прекратилъ Сеймъ. Въ слѣдъ за тѣмъ появились Конфедераціи и — всѣ признаки близкаго паденія Польской Республики, которой краткая, но вѣрная Исторія заключается въ слѣдующей эпитафіи, сочиненной во концѣ XVII столѣтія:

Née de la trop grande indulgence des rois;
Nourrie par l'arrogance des sénateurs;
Vexée par la licence de l'ordre équestre;
Prostituée par l'avarice de tous les ordres;
Devenue tributaire des infidèles:
Elle est ensevelie sous ses propres ruines.

Исторія Государства Польскаго Бандтке, Histoires des trois démembremens de la Pologne par F. Voyage en Pologne par W. Coxe.

71) Французская монета экю въ 6 ливровъ на наши деньги составляла 1 р. 45 коп. серебромъ. *Метрологія Петрушевскаго.*

72) Czidela (см. szydło) c'est vne alesne.

73) Salbletas (вм. Kaleta) c'est vne grande bourse de drap rouge и проч. Kaleta — калита̀, киса — mieszek rzemienny na pieniądze. *Словарь Линде.*

74) Naiyque — вм. Nahayka.

75) trois *nogaust* (кажется Бопланъ хотѣлъ написать Pęto na nogi) — sont des entraues de cuir.

76) Въ подлинникѣ Gonchè.

77) Въ подлинникѣ Cresen.

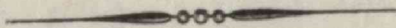
78) Въ подлинникѣ: & les autres dans l'incontinence de retenir leur eau, sortent pour la rendre, & rentrer puis apres plus dispos au combat.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III. О Крымскихъ Татарахъ.

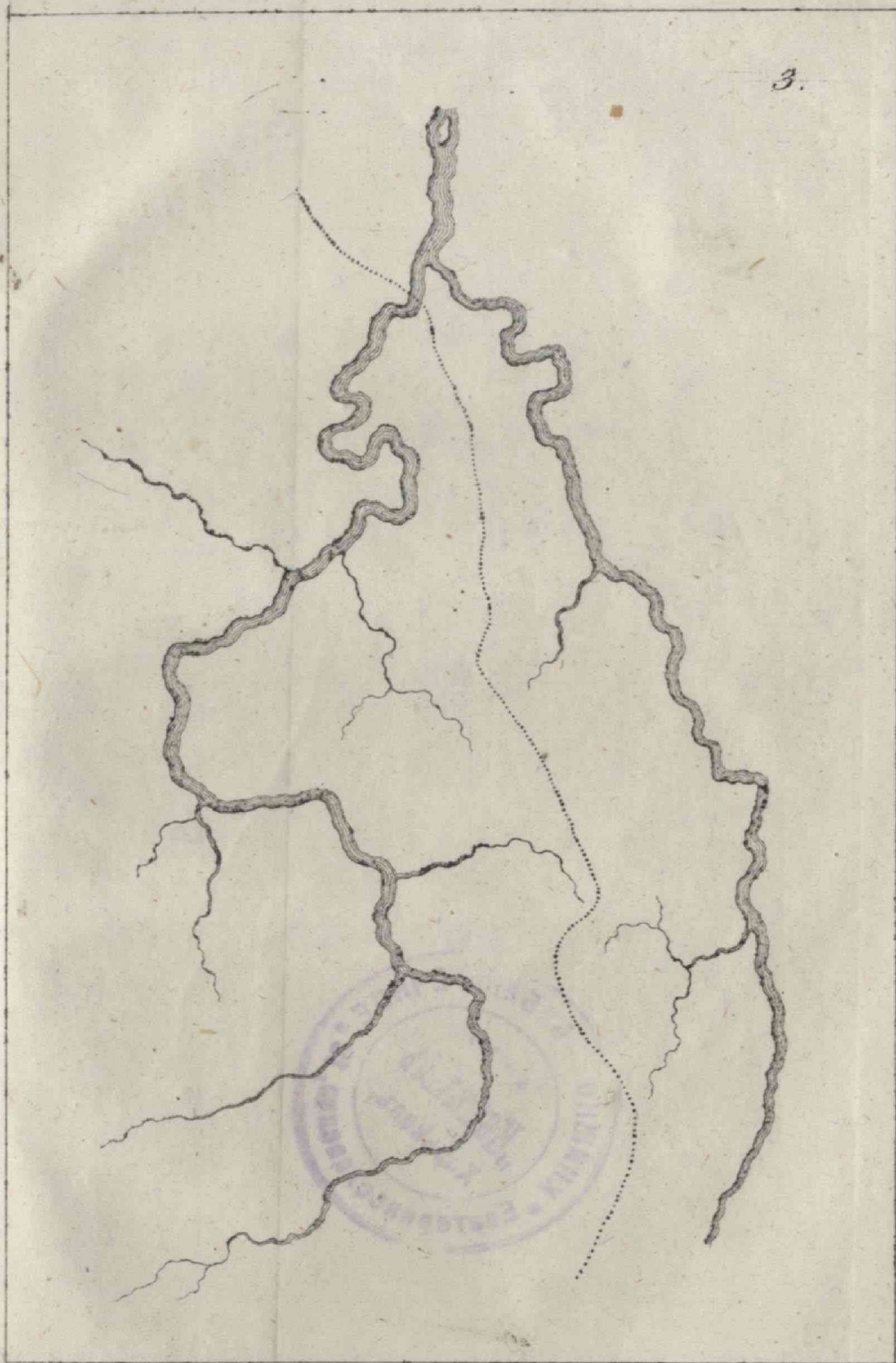
IV. Объ Украинскихъ Казакахъ.

V. Объ избраніи Королей Польскихъ.

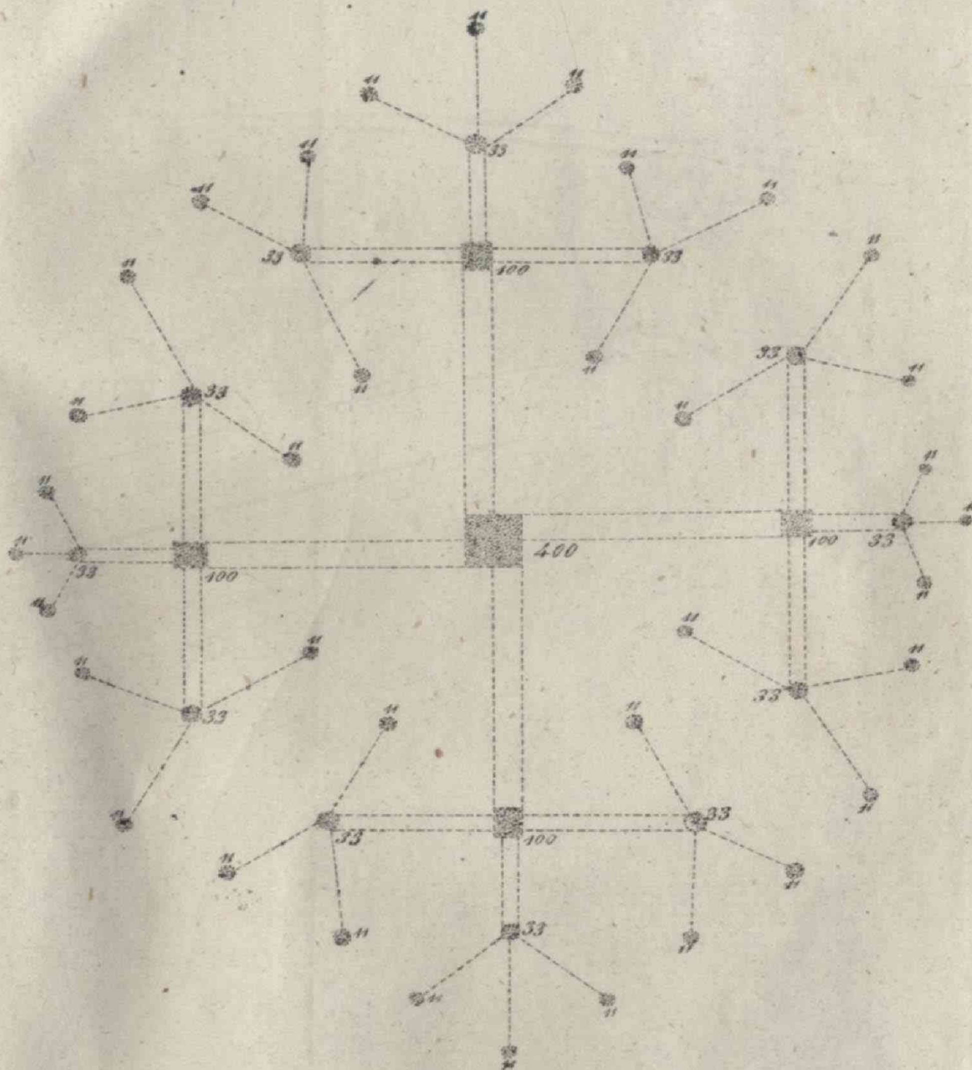

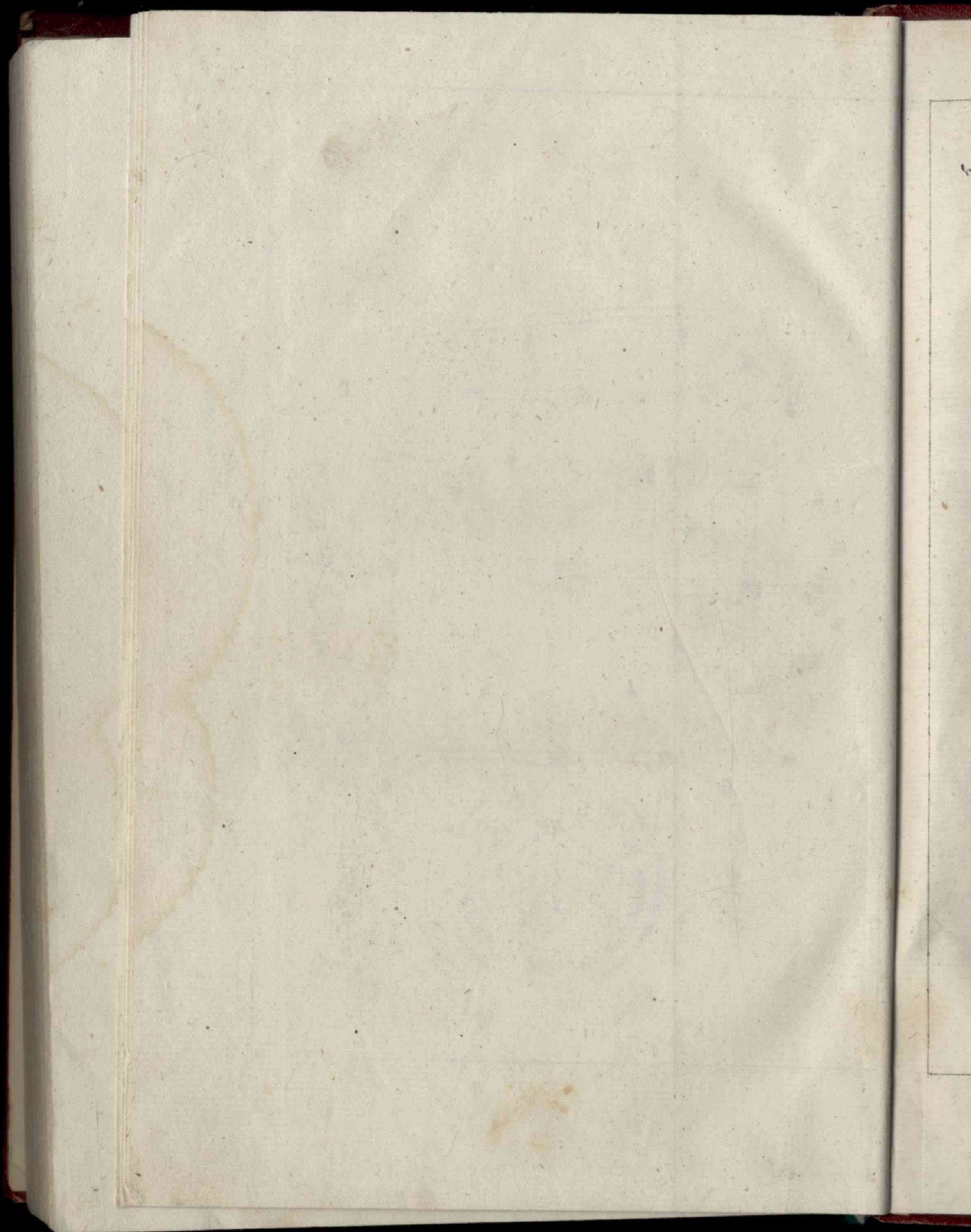
УКАЗАТЕЛЬ.

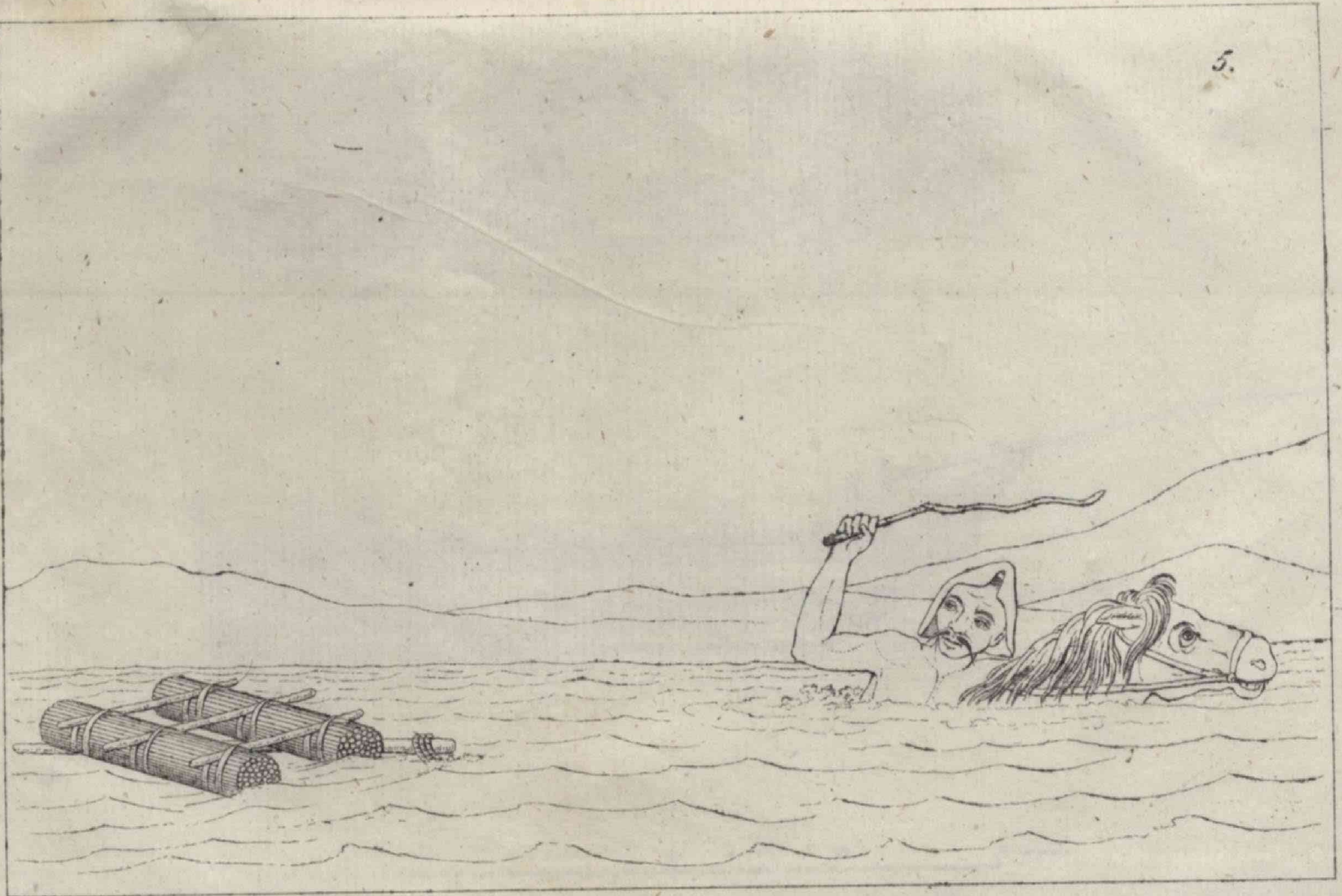
*) Въ словахъ Французскихъ соблюдено правописаніе подлинника безъ малѣйшей перемѣны.

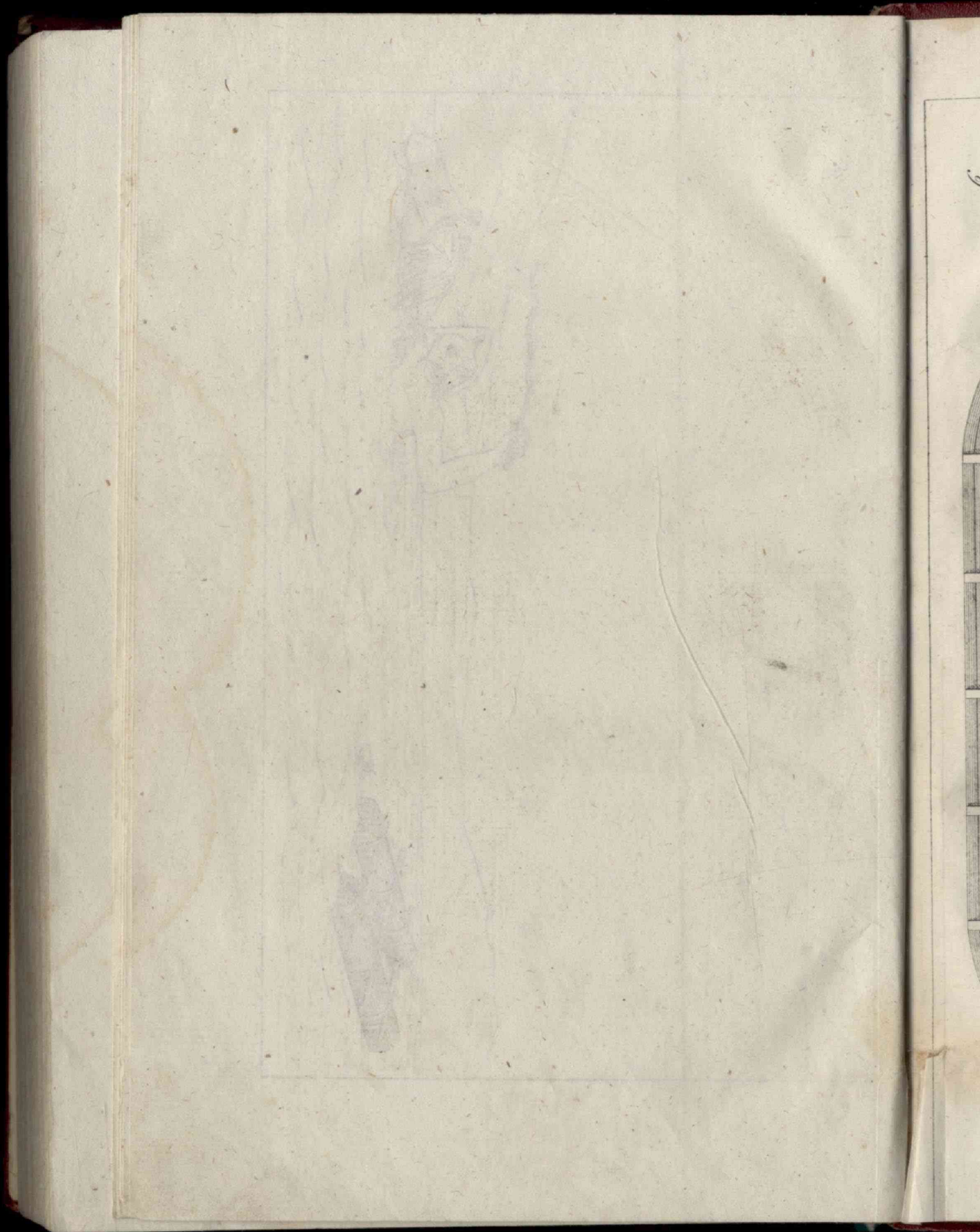

3.

4.

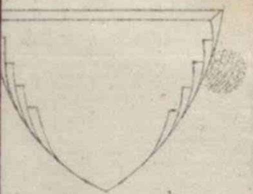

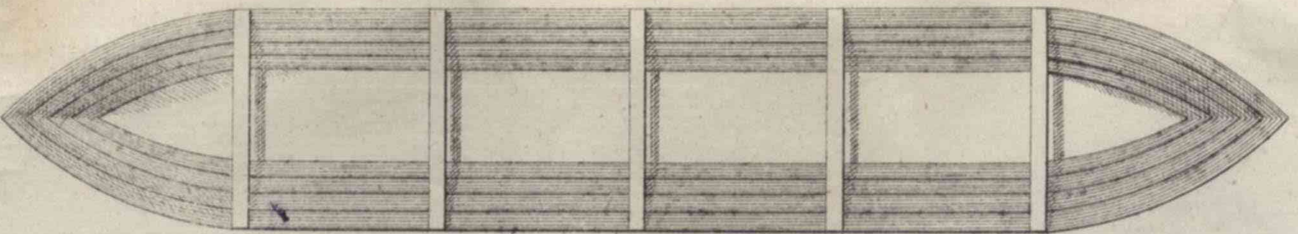

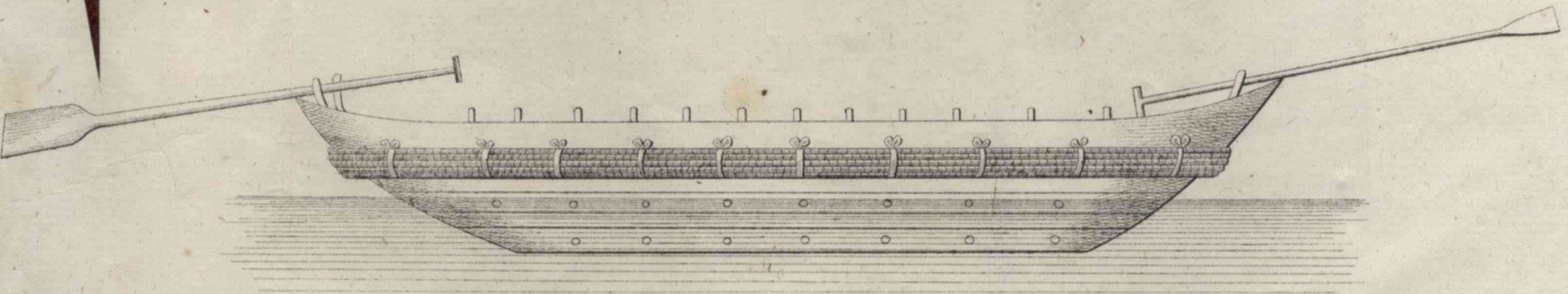

5.

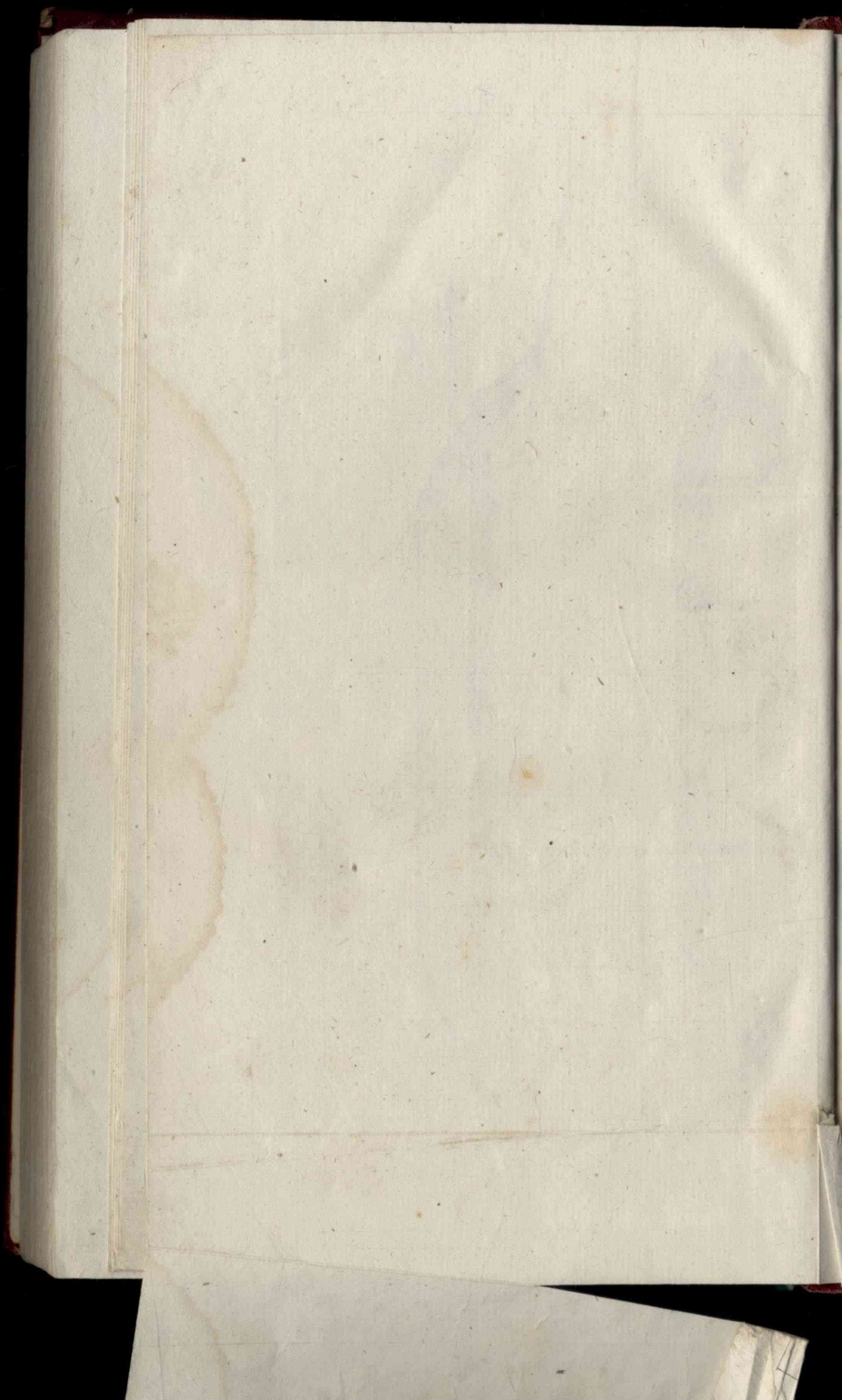

6.

7.

